

Серия «Евровосток»

**Юрий Шевцов**

**ОБЪЕДИНЕННАЯ НАЦИЯ**  
**Феномен Беларуси**

Москва  
Издательство «Европа»  
2005

УДК 323.2  
ББК (Т) 63.3  
Ю 45

Серия «Евровосток»  
Серия основана в 2005 году

Юрий Шевцов  
Объединенная нация. Феномен Беларуси. – М.: Издательство  
«Европа», 2005. – 256 с. – (Евровосток)

Предисловие Г.О. Павловского

Охраняется законом РФ об авторском праве.  
Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается  
без письменного разрешения издателя.

ISBN 5-9739-0020-7

© Издательство «Европа», 2005

# БЕЛОРУССИЯ, КОТОРАЯ УДАЛАСЬ

**М**ы в Москве привычны к двум типам книг о Белоруссии — заказанным властями в Минске или заказанным врагами ее властей. Антилукашенковский памфлет с мутными наветами, косноязычными оскорблениями и тайнами двора, интересными только для бывших придворных (из которых оппозиция состоит). Или пудовый альбом с цветным трубопроводом, уходящим в даль фотошопа, где славянки в дурном макияже подносят проплаченный хлеб. Книга Юрия Шевцова, белорусского интеллектуала и европейца, вопреки принятому — про Беларусь.

Белорусский феномен неведом в России, здесь обсуждают не политику, а фигуры. Не белорусское чудо, а его нереспектабельного отца — Александра Лукашенко. В последнем видят чудака, полезного либо отвратительного, а чаще — «два в одном». Мышление новомосковской элиты определяет ее бесполезный цинизм. Исходно капитулянтское, оно подыскивает такой набор факторов, что позволит выгодно сдать. Во внешней политике общество склоняется к изоляционизму, но это изоляционизм невежд, для которых мир за Садовым кольцом слишком сложен, чтобы разобраться в его деталях.

Многим покажется, будто Юрий Шевцов описывает неведомую страну. Успешную среднеевропейскую страну с сильным государством, динамичную экономику с невероятными темпами роста. Независимая внешняя политика, модернизированная, хорошо управляемая компактная армия. Дисциплинированное общество, сознающее белорусскую идентичность без помощи сброда нацификаторов. Европейский многоконфессиональный народ с неразрушенной коренной ос-

новой и культурой не гадить в своей стране. Ни под каким видом — ни порознь, ни корпоративно, ни идейно. Что, впрочем, страну не спасло.

Интересным, давно нуждающимся в обсуждении является тезис автора о принципиальности антифашизма для Белоруссии, такого славянского Израиля — нации, вскормленной партизанским антинацизмом. Тем, кто хочет понять страну, прошлое которой — цепь *катастроф извне*, ничем не заслуженных и не спровоцированных, стоит обдумать сам тип «наций Катастрофы». Их, кстати, в мире не так уж мало. (И Эллада ахейцев обязана своим мировым чудом сейсмической катастрофе, похоронившей элегантных крито-минойских колонизаторов.) Кстати, не относится ли сама российская нация к этому типу?

Главный, наиболее интересный тезис книги Ю. Шевцова — белорусы это народ Катастрофы. У них, подобно евреям, Шоа состоялась. Причем не на собственной территории, и носит имя Чернобыль.

История складывается из событий, то есть случаев, приобретших стратегический статус. Это зависит не только от того, удалось ли выжить участникам Катастрофы, а еще более от того, *как* именно они выживали. От мировой ценности их «ноу-хау». Ноу-хау выживания в посткатастрофной Беларуси еще ждут своего описания. Чернобыль, ставший могильником для авторитета советской власти, розой ветров 1986 года страшно ударил по Белоруссии. И создал для ее будущего новые рынки. Европа в ужасе отказывалась от АЭС — и создала необъятный спрос для российского газа, выгодно привязав Белоруссию к транзитному буму. Следующий за этим обвал экономики в России дал импульс минскому экономическому чуду, приучив нашу промышленность к белорусской переработке.

Фразу автора — *«Чернобыльская катастрофа дала белорусской культуре моральное обоснование самостоятельного существования и право оценивать степень моральности иных культур, особенно культур развитых стран»* — надо понимать как относимую и к Западу, и к России.

С культурной Россией ясно — тут Белоруссия попала в образ «доброего туземца» после первых же интеграционных инициатив А. Лукашенко. Славянский дядюшка Том в Минске подпишет еще один-два союзных договора (ни к чему не ведущих), по которым рассчитается чем-нибудь «пророссийским» (кто-нибудь знает смысл этого слова?).

Крипторасистский самообман москвичей, давно расшифрованный минчанами, настораживает, ничуть не облегчая интеграционных переговоров. Еще сложнее с Евросоюзом. Тот наотрез отказывается признать ценность инородного Евровостока ценностью для *своей, европейской* идентичности. Евровосток с его проблемами все еще якобы не европейское достояние, а некая криминального вида толпа инородцев у порога Европы. Вот идеология, которая овладела брюссельской массой — чиновной кастой держателей и контролеров. Идея, будто евростандарты есть нечто завершенное, готовое и укорененное в одной только части Европы, несостоятельна ни исторически, ни культурно. Чернобыль, взятый в контексте белорусского опыта возрождения, — это фундаментальнейший европейский опыт. Без солидарных усилий Европы и Евровостока чернобыльская — глобальная проблема не может быть решена местными силами, а разговоры о любой интеграции останутся лицемерием.

Юрий Шевцов демонстрирует верность реальности, как он ее видит. Другой поставит в центр другие реальности и, может быть, выиграет — мировая политика отнюдь не справедлива. Именно так ставится вопрос злыми парнями «Запада», для которых нынешняя Беларусь — самодвижущаяся фигурка на поле боя: «Это не та машина, которую можно реформировать. Ее нужно сломать» (Peter Savodnik, Slate, 15.02.05). То есть непонятное общество будут лечить еще одной катастрофой! В наркологии при операции рвется крохотная, загнанная в гетто и оттого агрессивная минская гетто-оппозиция (автор трезво отмечает ее «суицидальность»). Но, если вдуматься, оскорбительней не высокомерие тех, кто берется проектировать регионы мира, строить нации и разламывать государства, а их невежество.

*Глеб Павловский*



# ВВЕДЕНИЕ

**К**огда мы говорим о Беларуси, всегда произносим имя Александра Лукашенко. Когда произносим имя Лукашенко, всегда признаем: его открыто не приемлет Запад, он остановил либеральные реформы в Беларуси, он — единственный среди лидеров бывших советских республик держится курса на союз с Россией, все попытки его свержения были неудачны. Если мы задумаемся о Беларуси глубже, то обязательно вспомним, что Лукашенко пришел к власти давно — еще в 1994 году, экономика Беларуси начала быстрый рост уже с 1996 года, внутри Беларуси все эти годы отсутствует сильная оппозиция, а Москва не имеет реальных рычагов воздействия на белорусскую ситуацию.

Перед нами феномен: целая постсоветская европейская страна много лет проводит политику, которая никак не вписывается в постсоветские стандарты. Беларусь отказалась от шоковой терапии и массовой приватизации, сохранила высококонцентрированное экспортно ориентированное промышленное производство, инициировала и заключила союз с Россией, остановила развитие собственного национализма, выдержала жесткую идеологическую и политическую конфронтацию с Западом. Эта страна отстроила все структуры независимого государства и отказалась растворяться в России. Ни одна бывшая советская республика и ни одно бывшее европейское «социалистическое» государство не пошли таким путем.

Был ли эффективен белорусский путь?

Если оценивать белорусский путь с точки зрения эффективности экономики, политической системы, государственных институтов, то

надо признать: да, несомненно, белорусский путь оказался успешным. Беларусь имеет великолепные темпы экономического роста. В некоторые годы эти темпы роста промышленности были здесь наиболее высокими в Европе: в 1997 году — свыше 17% и в 2004 году — свыше 15%. Беларусь сохранила относительно высокотехнологичный характер своей промышленности, избежала социальных коллапсов, связанных с крахом старых советских промышленных гигантов, сумела ограничить преступность, избежать сильных внутривнутриполитических конфликтов и острых конфликтов с соседями, обеспечить высокий уровень социальной защищенности граждан.

Нельзя не задаться вопросом, почему это стало возможно. Почему нарушение всех стандартов постсоветского развития дало успешный результат и почему это произошло именно в Беларуси? Как долго может сохраниться этот феномен? Каково влияние «феноменальной» Беларуси на иные страны? Как Беларусь может вписаться в процессы европейской интеграции? Как могут быть выстроены оптимальные отношения России и Беларуси?

Однако не все проблемы Беларуси оказалось так же легко разрешить, как выстроить сильное государство и динамичную индустриальную экономику. У Беларуси есть проблемы, которые из России или большинства иных постсоветских стран обычно не видны. Именно эти незамечаемые проблемы являются для Беларуси более важными, чем сильное государство и процветающая экономика. Это последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Увы, но этот колоссальный вызов извне Беларусь не преодолела. Хотелось бы думать, что преодолает позднее.

По каким критериям анализировать белорусский феномен? Беларусь настолько спорная страна, что если мы не отвлечемся от обсуждения личности президента Республики Беларусь (РБ) Александра Лукашенко, раздражающей многих и почти всех в развитых странах, то обсуждения Беларуси не получится. За много лет его лидерства о нем сказано так много, что за этим словно исчезла страна.

Между тем лидер не может не быть производным от социально-экономической структуры своего общества, не может не быть частью культуры своего народа, частью местной политической традиции. Тем более лидер, который более десяти лет возглавляет государство и обеспечивает его успешное развитие при резком противодействии со стороны очень влиятельных сил. Президент РБ А. Лукашенко — это



производное белорусского феномена, поэтому анализ феномена вполне может обойтись без слишком пристального внимания к этому политику.

Любая страна, любая общность — это система элементов и одновременно элемент большой региональной и глобальной систем. Каждая страна обладает той или иной степенью самостоятельности относительно внешних сил. Беларусь много лет ведет очень самостоятельную и инициативную политику.

Уже выборы лета 1994 года, когда к власти пришел Александр Лукашенко, были актом независимой политики. А. Лукашенко победил с лозунгами, напоминавшими те, под которыми в октябре 1993 года выступил в Москве Верховный Совет. Та же советская ностальгия в идеологии, стремление восстановить Советский Союз, остановить либеральные реформы. Резкая антизападная риторика. В политической ситуации 1994 года победа А. Лукашенко — это победа противников Ельцина и Запада и никак не победа Кремля в Беларуси. Придя к власти, А. Лукашенко сохранил верность своим базовым лозунгам 94-го года.

И Кремлю, и Западу пришлось вступать в сложные отношения с А. Лукашенко, смиряясь с фактом его существования. Разные политические группы в России по-разному относились к Лукашенко и Беларуси, поддерживали белорусскую политику или противостояли ей, но никогда белорусская политика не была политикой Кремля. Скорее наоборот, Беларусь, как правило, добивалась реализации своих интересов в России, опираясь на те группы в истеблишменте и те общественные настроения, которые были оппозиционны Кремлю.

Еще более слабым было и есть влияние на белорусскую политику Запада.

Понять причины устойчивости антикремлевской в своей основе и антизападной по идеологии политики Беларуси — главная задача при анализе белорусского феномена. Каким образом Беларусь сумела выстроить независимую от внешних сил политику? Почему ни Запад, ни даже Россия не в состоянии эффективно влиять на А. Лукашенко? На чем основана внешнеполитическая устойчивость Беларуси?

Несмотря на идеологическую и политическую конфронтацию Беларуси со странами ЕС и НАТО, Беларусь сократила вооруженные силы примерно до 65 тыс. военнослужащих, притом что согласно Договору по обычным вооруженным силам в Европе она имеет право на армию численностью в 130 тыс. человек. В течение всего времени

своего существования Беларусь не сталкивается с осязаемой внешней угрозой даже на уровне пограничных конфликтов. Каким образом обеспечивается безопасность Беларуси?

---

Важный параметр белорусского феномена — внутренняя устойчивость белорусской политической системы. После прихода к власти А. Лукашенко здесь не было ни крупных социальных выступлений, ни межнациональных обострений, ни межконфессиональных или клановых столкновений, ни обострения отношений с соседями.

---

Более того, влияние организованной политической оппозиции всех толков на протяжении более чем десяти лет правления А. Лукашенко только падало. В чем причина силы белорусской политической системы относительно оппозиции? Почему белорусскую оппозицию не усиливает ни одна из форм ее внешней поддержки, оправдавших себя в иных постсоветских государствах?

По своей внутренней социально-политической структуре Беларусь совсем не простая страна. В момент прихода А. Лукашенко к власти далеко не все институты независимого государства были отстроены. Некоторое время разрешить внутренние конфликты силой государственных институтов было невозможно. Однако острых внутренних противостояний не произошло, и их нет до сих пор. Проблемы приватизации и контроля над сегментами экономики не раскалывают белорусскую политическую элиту на противостоящие группировки. Значит, тому есть внутренняя причина. Каким образом белорусская политическая система нейтрализует внутренние напряжения, и каким образом до сих пор обеспечивается баланс интересов разных групп влияния?

Сложностей и взаимных претензий между белорусами и соседями ничуть не меньше, нежели у всех народов региона Европы, где находится Беларусь. Однако только Беларусь сохранила политическую стабильность в пограничных регионах без общественной дискуссии и широкомасштабных акций по примирению народов, которые все остальные страны региона, помимо России, проводили в рамках европейской интеграции. Каким образом в таком случае Беларусь сумела

обеспечить стабильность в своих приграничных регионах и двусторонних отношениях с соседями? Каково место Беларуси в региональной системе безопасности и в регионе вообще?

Беларусь — единственная постсоветская страна, единственная страна бывшего Восточного блока, которая отказалась от политики национального возрождения, уравнила русский язык в правах с национальным языком, изменила государственные символы так, что они напоминают государственные символы БССР. Страна отказалась открыто ориентироваться на вступление в состав Европейского союза и приняла курс на союз с Россией. Необычная для постсоветских стран идеология Беларуси оказалась эффективной. Почему в Беларуси сложилось столь отрицательное отношение к собственному, как, впрочем, и к русскому, польскому или украинскому национализму?

Экономика Беларуси в начале 90-х годов падала примерно теми же темпами, что и экономика других крупных республик бывшего СССР. Страна сумела выйти из кризиса и начать экономический рост тогда, когда большинство постсоветских и бывших социалистических стран находились в самой глубокой фазе своего падения. На чем основана эффективность белорусской экономической модели? Каково значение белорусской экономики для стран региона и особенно для России? Каковы слабые стороны этой модели? В каком направлении развивается белорусская экономика?

И последнее. Беларусь находится в Европе. Европа объединяется. Каждая европейская страна позиционируется относительно Европейского союза. В конечном счете почти все европейские страны стремятся войти в состав ЕС. Каково место Беларуси в процессе европейской интеграции, и как европейская интеграция влияет на Беларусь? Говорить о взаимодействии России и ЕС проще: Россия — главный поставщик углеводородного сырья в Европейский союз, ЕС — главный внешнеторговый партнер Российской Федерации. Вопрос о членстве РФ в ЕС не стоит, но существует глубокое, хорошо институцированное взаимодействие Москвы и Брюсселя. А каково место Беларуси в европейской интеграции?

Беларусь оказалась единственной страной, которая сознательно и очень эффективно ориентировала свою экономику на Россию, тогда как все остальные европейские постсоциалистические страны ориентировались на ЕС. Даже Россия экономически ориентирована на ЕС, но не Беларусь. Каково место Беларуси в Европе?

Ответы на эти вопросы и есть описание белорусского феномена. Кажется, вопросы достаточно простые, но, как ни странно, существует совсем немного текстов со своими вариантами ответов на них. Я благодарен издательству «Европа» за возможность предложить русскому, преимущественно русскому читателю свою версию такого объяснения.

Помимо новых разделов в эту работу включены адаптированные для русского читателя тексты, которые уже прошли обсуждение в Беларуси и в некоторых иных европейских странах. Я также посчитал нужным привести немало статистики, особенно в той части, где речь идет об экономике Беларуси. В силу разных причин российская общественность мало с ней знакома. Хотелось бы также сразу заметить, что в Беларуси нет независимого мониторинга ни одной масштабной проблемы или общенационального процесса, который мог бы сравниться по масштабу и охвату с официальной статистикой.

Подавляющее большинство независимых от белорусского государства статистических материалов или иных первоисточников являются всего лишь частными исследованиями, которые могут пояснять белорусскую официальную статистику, в чем-то ее немного корректировать. Но любое исследование белорусских реалий начинается с овладения массивом официальной информации. Из моего личного опыта сложилось впечатление, что белорусская статистика в целом адекватно отражает реалии. Можно смело опираться на нее, рассматривая те вопросы, где белорусское государство применяет менеджерские решения: прежде всего это экономические реформы. При том официальная статистика плохо приспособлена к решению задач, которые не ставит государственный аппарат РБ, но это не отмечает эффективности и качества большинства белорусских официальных данных по большинству актуальных для страны проблем.

В целом же белорусский феномен я объяснил бы очень специфичным советским наследством, которое досталось Беларуси в условиях сложившегося в тени европейской интеграции стратегического положения РБ в 90-е годы.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

# **КУЛЬТУРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ**



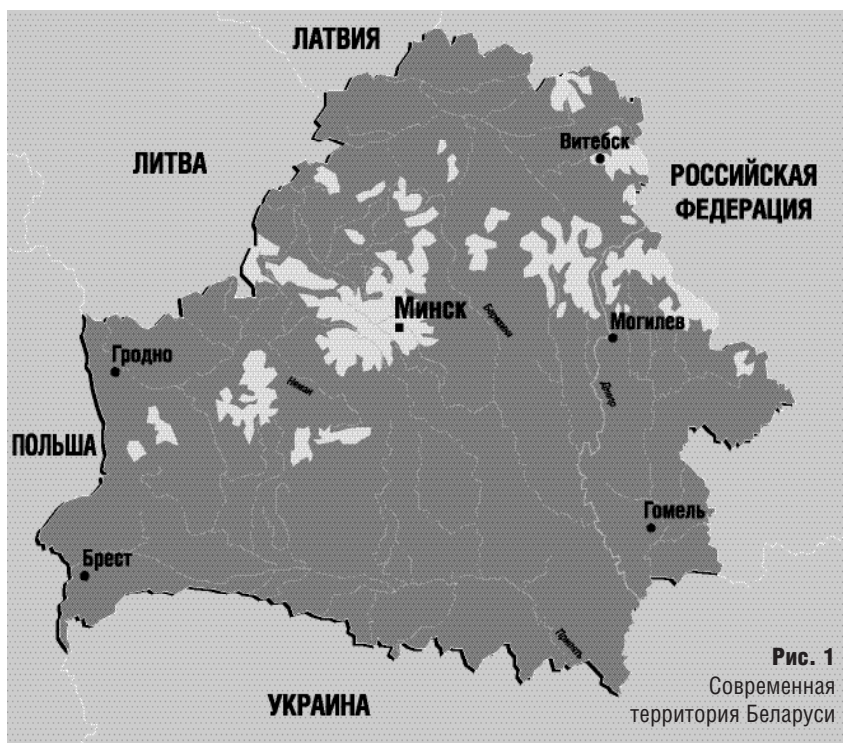
# ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

## Регион. Автохтоны

**Б**елорусы занимают небольшую территорию по сравнению с русскими. Эта территория была освоена белорусами достаточно давно. Белорусы в течение тысячи лет не знали массовых освоенных обширных пространств, на которые в ходе своего исторического развития приходили и расселялись русские. Те группы населения современной Беларуси или же те белорусы, которые покидали свой регион (его географические границы — между Полесьем и Южной Прибалтикой), как правило, ассимилировались в местах своего нового расселения и не поддерживали тесной связи с местами, откуда пришли. Эти люди терялись для белорусской культуры и идентичности.

Регион расселения белорусов охватывает в основном территорию нынешней Республики Беларусь и некоторые приграничные районы соседних стран. Заметные миграционные движения на этой территории были, но имели специфическую особенность: миграции, как правило, не были связаны с массовым переселением иноэтничного населения в сельскую местность. Мигранты оседали преимущественно в городах. Такая модель миграций была характерна почти для всех европейских стран. Но в регионе Беларуси эта общая закономерность дополнялась почти полным отсутствием сельских территорий, которые были бы полностью колонизированы иноэтничными мигрантами. Беларусь не знала германизации Судет, мадьяризации ряда карпатских регионов или польской колонизации некоторых территорий правобережной Украины...

В силу специфики региональных политических отношений на территории между Полесьем и Южной Прибалтикой часто разгора-



**Рис. 1**  
Современная  
территория Беларуси

лись разрушительные войны. В ходе войны, как правило, погибало в основном городское население. Послевоенное восстановление городов всегда осуществлялось за счет активного привлечения иноэтнических элементов. Потери сельского населения, даже очень высокие, достигавшие трех четвертей, в основном возмещались за счет регенерации уцелевших местных жителей. Такими четко фиксируемыми разрушительными периодами в истории Беларуси были Ливонская война 1557–1582 годов (потери коснулись преимущественно восточной части Великого княжества Литовского, то есть белорусских земель).

Война 1648–1667 годов (около половины населения, в восточной части Великого княжества Литовского — около трех четвертей, почти все городское население). Северная война 1700–1721 годов и предшествовавшие ей внутренние войны в Речи Посполитой (до



трети населения, прежде всего городского). Вторжение войск Наполеона в Российскую империю (около четверти городского населения).

Первая мировая война 1914–1918 годов (эвакуация около 1,5 млн. человек из Западной Беларуси, уничтожение почти всех городов в этой части Беларуси) и последовавшая Гражданская война на руинах Российской империи, а также советско-польская война 1919–1920 годов. Вторая мировая война 1939–1945 годов (около трети населения, свыше трех четвертей горожан).

---

Практически всегда после очередного опустошения культурная самоидентификация политического класса Беларуси резко изменялась. А вместе с нею обычно изменялись политическая культура, язык, принятый в среде политического класса, историческое самосознание и конфессиональная принадлежность.

---

В ходе войн особо сильному воздействию подвергался политический класс. Практически всегда после очередного опустошения культурная самоидентификация политического класса Беларуси резко изменялась. А вместе с нею обычно изменялись политическая культура, язык, принятый в среде политического класса, историческое самосознание и конфессиональная принадлежность.

Юриковичи эпохи Киевской Руси с киево-византийским православием сменились Гедиминовичами (язычниками и этническими литовцами), которые затем в значительной мере приняли католичество и «старобелорусский язык» в качестве официального языка Великого княжества Литовского. Шляхта XVI — начала XVII века создала миф о своем происхождении в контексте сарматского мифа польской шляхты, развила демократические институты и традиции, прошла через латинизацию и реформацию к неокатоличеству и значительной языковой полонизации. После войны 1812 года произошла мощная полонизация уцелевшей шляхты и магнатов в рамках польского романтизма и национальной консолидации польского народа. В ходе Второй мировой войны и первых послевоенных лет остатки полонизировавшейся шляхты в целом погибли или покинули регион Беларуси.

Таким образом, белорусы — это в основном потомки той части преимущественно сельского населения, которая осталась жива в ходе часто повторяющихся войн. На протяжении жизни каждых трех-четырёх поколений повторялись разрушительная война и послевоенное восстановление. Политический класс в регионе Беларуси в ходе войн, оставаясь местным по происхождению, несколько раз радикально менялся по культуре и идентичности. Политическая и культурная традиция в период между войнами никогда не успевала приобрести окончательную устойчивость и несколько раз резко прерывалась. Формирование белорусов как современной нации развернулось в XIX столетии на базе крестьянской культуры и традиции.

---

Развитие белорусской нации сопровождалось подавлением остатков культурных групп, связанных с Польшей, позднее — с Российской империей. Новый политический класс Беларуси возник в послеволюционный период и сформировался прежде всего на основе крестьянства.

---

Города были заселены крестьянами и мигрантами из других регионов бывшего СССР в ходе послевоенной урбанизации. Довоенное городское население в ходе Второй мировой войны в массе своей погибло. Бывшие советские партизаны, оказавшиеся у власти в Беларуси в результате Второй мировой войны, в определенной мере являлись социокультурным аналогом боярства времен Киевской Руси и Великого княжества Литовского или шляхты Речи Посполитой. Советская идеологическая интерпретация белорусской идентичности выполняла в регионе интеграционную идеологическую и культурную функцию.

Интеграционная панславистская идеология, которая ныне весьма распространена в Беларуси, особенно среди представителей ее политического класса, может быть понята как своего рода аналог демократической шляхетской идеологии Речи Посполитой — идеологии, которая может способствовать реализации внешнеполитических задач белорусского государства.

Регион Беларуси в моменты своего политического взлета всегда обладал системой ценностей, приемлемой для распространения вовне.

Эта «экспортная» идеология обычно обеспечивала политическую стабильность региона и была формой распространения очередным местным политическим классом своих духовных ценностей. Современное белорусское славянофильство и советский консерватизм фиксируют ценности сформировавшегося в XX столетии политического класса Беларуси и обеспечивают успех белорусской внешней политики на самом важном для РБ ныне направлении — на постсоветском пространстве.

В этой связи следует обратить внимание на три важных, хотя и частных обстоятельства, которые часто всплывают во время обсуждения белорусских тем. Несмотря на несколько сотен лет унии с Польшей, Великое княжество Литовское не знало значительных польских миграций на свою территорию. Основными направлениями миграций поляков являлись степные районы Украины. Освоение поляками территорий северо-восточнее Варшавы началось достаточно поздно, в основном после Люблинской унии 1569 года. Согласно этой унии, в ходе которой возникла Речь Посполитая как федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, последнее сохранило очень высокую степень самостоятельности: свою политическую систему и законодательство, армию, финансы, таможенную, государственный язык. Законодательство запрещало подданным королевства занимать государственные должности в княжестве и владеть там землей.

После присоединения Великого княжества к Российской империи массовых переселений русского населения на эту территорию также не было. На территории современных Беларуси и Литвы происходил тот же демографический взрыв, что и в Великороссии, и малоземелье выталкивало самих белорусов за пределы региона, препятствуя оседанию в нем людей «извне». Несмотря на жесткие подавления антироссийских восстаний (1830–1831, 1863–1864 годы) и раздачу конфискованных у восставших земель русским помещикам, доля этнических русских в составе дворянского сословия на территории современной РБ также была невысока — до 5% землевладельцев.

В период между двумя мировыми войнами в западную часть Беларуси, которая оказалась в составе Польши, было переселено несколько сотен тысяч этнических поляков. Поляки-переселенцы занимали преимущественно административные должности. Некоторые из них получили за особые заслуги перед польским государством обширные земельные участки и составили общину польских

колонистов. После присоединения западной части Беларуси к СССР в ходе тяжелых боевых действий 1941–1944 годов, а также в ходе депортаций и послевоенных обменов населением между Польшей и СССР эти поляки-переселенцы в основном либо покинули территорию Беларуси, либо погибли.

Автохтонность белорусов — принципиально важная черта белорусской идентичности, обусловленная историей региона. Распространенное в Беларуси самоопределение «тутэйшыя» («здешние») является одной из базовых черт этнической самоидентификации. Часто эта «тутэйшность», автохтонность важнее для населения и отдельных микросоциумов, индивидуумов, чем любой политический, культурный или даже языковой компонент.

## Полесье

Полесские болота — это целая страна протяженностью 800–1000 км с запада на восток и около 400 км с юга на север. До проведения широкомасштабной мелиорации через Полесье существовало всего несколько устойчивых сухопутных проходов, и наиболее надежным было пересечь Полесье по немногочисленным рекам.

Севернее Полесья вплоть до Балтийского моря — территория лесов. Южнее леса достаточно быстро переходят в степи. Плодородность земли южнее Полесья несопоставимо выше, чем в лесной части севернее. Климат севернее Полесья гораздо прохладнее. Севернее и южнее Полесья социально-экономические структуры обществ, политические и культурные системы также естественно отличны друг от друга. Экспансия и даже культурная и экономическая коммуникация с севера на юг или с юга на север очень затруднена.

Белорусский высококонцентрированный социально-экономический комплекс начал свое развитие в условиях, когда давняя, естественная Полесская географическая граница еще не была преодолена с помощью мелиорации и современных трасс.

---

Белорусский феномен — в значительной степени и есть феномен существования сознательно измененного человеком географического ландшафта — Полесья.

---

Полесье — это около половины территории Беларуси. Мелиорация, насыщение новыми коммуникациями ранее болотистых районов, демографический взрыв на мелиорированных землях и так далее — все это изменило традиционный образ жизни на половине территории Беларуси ничуть не меньше, нежели сверхиндустриализация в районе совсем неполесских Могилева, Полоцка, Витебска или Минска. Среда искусственного ландшафта, переплетаясь с изменениями, вызванными в Гомеле, Мозыре или Бресте современными крупными промышленными производствами, стала неотъемлемой, очень специфичной чертой белорусского социально-экономического феномена.

Основные инвестиционные потоки, определившие развитие Беларуси к концу 80-х годов, были обусловлены геополитическими трансформациями, которые произошли в Восточной Европе в результате Второй мировой войны. Это хорошо прослеживается.

В ходе Второй мировой войны на территории между Балтийским и Черным морями, Москвой и Германией, были практически полностью разрушены города, а городское население почти полностью погибло. В Беларуси разрушение городов было наиболее очевидно. В Минске, насчитывавшем перед войною около 300 тыс. человек, после освобождения от нацистов осталось около 100 тысяч. В Витебске, втором по величине городе БССР, перед войной насчитывалось около 100 тыс. жителей, а в момент освобождения от нацистов — менее 20, кажется, 17 тысяч. В целом потери в городском населении БССР составили свыше 70%. Столь же тотальными были потери в промышленности, жилищном фонде и городской инфраструктуре.

Разрушения и потери деревни были в целом меньшими, но также очень значительными. В восточной части Беларуси разрушения большими, чем на западе. Во-первых, Восточная Беларусь прошла через волну советской урбанизации в конце 20-х — 30-х годах. Города, промышленность, инфраструктура, образование и наука в восточной части Беларуси были гораздо более развиты, чем на западе. Западная же Беларусь была отсталой частью Польши, населенной этническими меньшинствами, к которым в националистической межвоенной Польше отношение было настроенным, временами агрессивным.

В итоге Второй мировой войны два наиболее развитых города, которые можно отнести к Западной Беларуси — Белосток и Вильна, — не вошли в состав БССР и развивались в составе соответственно Польши и Литовской ССР.

В 1939 году в Белостоке был проведен съезд народных представителей Западной Беларуси, который официально принимал решения о вхождении в состав БССР/СССР и другие постановления, необходимые для легитимного принятия Западной Беларуси в состав СССР. Белосток входил в состав БССР до решения 1944 года о его передаче Польше. Вильна, самый крупный город Западной Беларуси, традиционный экономический и культурно-политический центр польской части Беларуси, также изначально предполагалось включить в состав БССР как столицу одной из белорусских областей. В первые недели после вступления Красной армии в Польшу 17 сентября 1939 года в Вильне размещался обком Коммунистической партии Белоруссии, выходила областная белорусская газета, отстраивались органы власти БССР.

Согласно Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года и протоколу к нему вся польская Западная Беларусь, включая Вильну, признавалась сферой интересов СССР.

В сферу интересов СССР также включалась часть территории Польши между Брестом, Белостоком и Варшавой. Литва признавалась сферой интересов Германии. Таким образом, в случае выполнения этого договора в составе БССР могли оказаться не только территории со значительным польским населением в районе Вильны, Гродно и Белостока, но и территории, прилегающие к столице Польши, где белорусов и вообще православных было совсем немного, а степень польской идентичности населения очень высока. В случае выполнения договора между СССР и Германией от 23 августа 1939 года численность населения БССР превысила бы 12 млн. человек, из которых не менее 3 миллионов составили бы этнические поляки.

В ходе боевых действий в начале сентября 1939 года, еще до вступления Красной армии на территорию Польши, германская армия перешла границу советской сферы влияния в Польше, продвинувшись до Бреста. 28 сентября 1939 года между СССР и Германией был подписан Договор о дружбе. Согласно протоколу к этому договору СССР отказался от территорий между Брестом и Варшавой, заселенных в основном этническими поляками, уже занятых немецкими войсками. Германия, в свою очередь, признала частью сферы советских интересов Литву (без Клайпеды, к тому времени уже занятой немецкими войсками). Сразу после заключения нового договора с Германией Советский Союз осенью 1939 года передал Вильну Литве. В Литве были размещены советские военные базы, а в 1940 году в этой стране про-

изошла «социалистическая революция», в результате которой Литва подобно иным прибалтийским странам вошла в состав СССР. Любопытно припомнить, что именно коммунистическое правительство Литвы, а не «дореволюционное» буржуазное ее правительство перенесло столицу из Каунаса в Вильнюс.

После завершения Второй мировой войны Вильна осталась в составе Литовской ССР. В результате БССР получила самые отсталые части Западной Беларуси, от которых оказались отсечены оба традиционных городских центра притяжения для окрестных сельских территорий.

Рывок индустриализации на этих землях требовал значительных инвестиций извне, так как внутренних ресурсов для рывка в регионе не было. Их не было и в опустошенной войной восточной части Беларуси. Характер ее послевоенного развития определялся в первую очередь соображениями о целесообразности того или иного пути развития, как они виделись из Москвы.

---

Можно говорить о двух альтернативных путях послевоенного развития Беларуси и всего запада бывшего СССР: с опорой на менее разрушенные войною регионы Западной Беларуси, Западной Украины, прибалтийских республик — либо перенос туда центров экономической активности, либо восстановление разрушенных войною Восточной Беларуси, Восточной Украины.

---

В рамках первого варианта можно рассматривать идею присоединения к БССР части Восточной Пруссии, отошедшей с Советскому Союзу, и некоторое время этот вопрос активно обсуждался. Предполагалось переместить в Восточную Пруссию часть населения из разрушенных войною местностей БССР, в основном из восточной части республики, и развить бывший Кенигсберг в качестве морских ворот БССР.

Можно без труда реконструировать последствия такого шага для БССР и всего региона. Освоение Восточной Пруссии влекло за собою концентрацию инвестиционных усилий Москвы на развитии в основном западных и приморских районов Беларуси. Разрушенные войною территории восточной части БССР развивались бы относительно медленно. Нечто подобное произошло с западными областями РСФСР.

В послевоенный период эти разрушенные войною области стали резервуаром мигрантов для крупных городов России, Прибалтики, Казахстана. Село в Смоленской, Псковской, Брянской областях РСФСР быстро опустело, и ныне к границе Беларуси с востока примыкает едва ли не пустынное пространство, резко контрастируя с восточнобелорусскими реалиями.

Концентрация ресурсов Польши на освоении прежде всего новых западных земель повлекла за собою медленные темпы развития восточных регионов Польши, которые в ущерб себе стали все тем же миграционным резервуаром для Силезии и Поморья. В результате восточные районы Польши ныне заметно уступают по уровню развития западным, ранее немецким территориям.

В контексте этого подхода — легче построить на новом месте, чем восстанавливать разрушенное в ходе войны, — был и проект переноса столицы БССР из Минска в Могилев. Перенос столицы из разрушенного на 80% Минска в небольшой Могилев по сути означал бы строительство столицы на новом месте. Однако в конечном счете было решено восстанавливать и развивать Минск.

Не будем втягиваться в дискуссию о причинах принятия решения о восстановлении народного хозяйства БССР после войны, а не об освоении Восточной Пруссии и западной части Беларуси. Скорее всего основной причиной были соображения безопасности и устойчивости СССР в начавшемся противостоянии своим бывшим союзникам по антифашистской коалиции.

Другой важной причиной, видимо, выступило резкое изменение характера экономических связей всей Восточной Европы.

Оказавшись в составе советской сферы влияния, восточноевропейские страны выпали из традиционных экономических отношений с западноевропейскими государствами. Резко упало экономическое значение портов на Балтике и связанных с этими портами коммуникаций. Зато выросло значение континентальных сухопутных артерий: железных дорог, шоссейных магистралей, трубопроводов, линий электропередачи и т. д.

Восточноевропейские страны в послевоенные годы также резко нарастили объемы потребления промышленного сырья в ходе восстановления своего народного хозяйства по советским стандартам: тяжелая промышленность, крупные заводы, большие города... Сырье поступало в основном из глубинных районов СССР, что также



привело к резкому росту значения континентальных транспортных артерий, проходящих через территории западных республик СССР.

Восточная Беларусь и Восточная Украина естественным путем после окончания Второй мировой войны оказались в более комфортной ситуации для развития своей промышленности, нежели обезлюдившая Восточная Пруссия, аграрные Западная Беларусь, Западная Украина и Восточная Польша. Наконец, большое значение имела близость к крупным городским агломерациям. В Советском Союзе с его жесткой иерархией городов близость прежде всего к Москве, в меньшей степени к Ленинграду и Киеву, определяла развитие региона.

### **Опустошения как границы эпох**

Одна из принципиальных черт белорусской истории: регулярно проходившие в регионе опустошительные войны, как правило, были формой столкновения на территории Беларуси внешних по отношению к самой Беларуси военных сил и государственно-политических образований. Государство, в состав которого в момент начала войны входила территория современной Беларуси, обычно не имело сил сразу же остановить вторжение. Опустошение в регион всегда приходило извне и продолжалось до тех пор, пока не выдыхалось.

Территория современной Беларуси давала потенциал к выживанию относительно небольших государственно-политических образований в борьбе с такими же довольно слабыми государствами. Даже после достижения военно-политической стабилизации, как это произошло при Витовте, они то и дело распадались на множество уделов, княжеств, ординаций, воеводств, поветов, магнатских и шляхетских конфедераций... Формы политической самоорганизации регионов менялись, однако после кратковременного успеха роль центральной власти в Беларуси всегда уменьшалась. Военно-политическая ситуация в регионе была устойчивой лишь до той поры, пока вне Беларуси не появлялись новые крупные и мощные образования (условно говоря, «империи»), которые схватывались между собою, вовлекая в конфликт и те относительно слабые государства, которые существовали в регионе.

В ходе очередной войны, которую вели между собою крупные внешние силы на территории Беларуси, политический класс, правив-

ший на этой территории до войны, чаще всего погибал или очень резко ослаблялся.

Вместе с ним и с городами обычно погибала или ослаблялась, маргинализировалась и довоенная культурная традиция. Победители, как правило, были ориентированы на новую систему культурных и международных политических отношений. Обычно устанавливалась доминанта новой конфессии, отрезавшая довоенный культурный опыт. Резко менялись языковая среда и этнический состав населения городов. Ощущение себя «тутэйшими», то есть автохтонами, — в такой ситуации принципиально важная черта местной культурной традиции и идентичности.

Попытка приложить русскую идентичность к белорусской политической истории выглядит нерациональной: российское государство — лишь одно из государств, в состав которого некоторое время входила современная Беларусь, и российская традиция — лишь одна из традиций, которая то погибала, то усиливалась тут вместе с ее носителями. Красноречивым примером в этом отношении стала судьба «восточников» — представителей советской администрации, офицеров и членов их семей, направленных в Западную Беларусь после ее присоединения к СССР в 1939 году. Практически все эти люди погибли в течение первого года оккупации Беларуси немецкими войсками. Часто они были этническими русскими, во всяком случае носителями советской («русской») культурной традиции, установившейся в России — СССР после Октябрьской революции. Это типичная катастрофа очередного политического класса, выстроившего свою власть на территории. Местное население, несмотря на все жестокости оккупации и партизанской войны, уцелело, и именно потомки местных крестьян ныне составляют основную часть населения Беларуси.

### **Славянизация балтов и ее последствия**

Славянская языковая общность на территории современной Беларуси возникла в результате миграции в этот регион славян примерно с VI века. Территория нынешней Беларуси на момент начала славянской колонизации была заселена балтскими племенами. Славяне двигались с территории современной Украины через обширную Полесскую низменность по рекам. В отличие от балтов славя-

не изначально строили города и развивались, отталкиваясь от городов как сердца своего социума. Стремление восстановить город после очередной войны, в основе своей городская ориентация культурной традиции — это то, что коренным образом отличает белорусскую культуру во всех ее ипостасях от культуры балтской.

У балтских культур город играл меньшее культурное значение, нежели у славян. Приверженность своим обычаям, вере, языку, социальным структурам, внешним чертам своей культуры, память о дославянском господстве на обширной территории — очень важный компонент идентичности балтских народов и этнических групп. История белорусов как этнического явления — это история возникновения и развития славянской культуры в балтском культурном пространстве. Белорусы — общность, которая постоянно развивалась за счет интеграции в свой состав балтов и своеобразного синтеза славянских и балтских культур при несомненном доминировании славянского начала.

Славянская колонизация в каждом столетии, едва ли не в каждом поколении проходила по-своему, волнами, с приливами и отливами, с вбиранием в себя многих черт балтской культуры, но с момента прихода славян в регион севернее Полесья не останавливалась никогда. В литовской и латышской историографии существует обширный комплекс текстов о славянизации территории современной Беларуси. Для нас же важно отметить, что славянизация балтов — перманентный процесс, через который проходило каждое поколение белорусов или их предков. Этот процесс нечасто был насильственным. Обычно славянизация шла посредством культурной экспансии и перехода балтов к белорусской (славянской) самоидентификации и славянскому (белорусскому) родному языку.

---

Существовала своего рода конкуренция славянских культур: какая из них предложит балтам более привлекательные «ценности».

---

Возникали сложные переплетения и взаимные влияния славянских культур друг на друга. С тех времен сохранилась до сих пор этническая специфика Виленского края и Латгалии. Важно помнить про это принципиальное отличие белорусской культуры от русской: белорусы на протяжении многих сотен лет находились в





состоянии теснейшего культурного взаимодействия с балтами. Причем некоторое время балтская (литовская) династия правила на территории современной Беларуси в Великом княжестве Литовском, а численность балтов и занимаемые ими пространства были весьма обширны.

Принципиальное отличие славянизации балтов в Беларуси от этого же процесса в Пруссии, Ливонии или Польше — мощное проникновение балтской культуры в славянский массив, медленная славянизация, очень значительная площадь ассимиляционного славяно-балтского контакта. Балтский культурный фактор, остатки балтских диалектов, одежды, фольклора, элементы психологии — очень важная составная часть белорусской культуры и идентичности.

Духовный опыт, история культуры белорусов за счет балтского фактора резко отличаются от опыта и культурной истории России, Украины или Польши. В этом регионе до сих пор имеет политическое значение вопрос о том, чья это земля — балтов или славян, хотя славяне пришли в регион полторы тысячи лет тому назад. Именно на балтской трактовке истории были основаны претензии Литвы на Вильнюс (Вильно) в межвоенный период, периодически возникающая в Литве дискуссия о ее праве на Калининградскую область РФ на основании того, что некогда населявшие эту территорию пруссы были балтами; ятвяжское автономистское движение в западной части белорусского и украинского Полесья и многие иные местные политические проблемы.

Географически регион между Балтийским и Черным морями четко делится на две части Полесской низменностью, протянувшейся с запада на восток примерно на 800 км и с севера на юг — на 300–400 км. Южнее располагаются пространства, которые граничат с плодородной степью. Любая политическая консолидация региона южнее Полесья давала импульс земледельческой колонизации степи. Смысл политического процесса в этом регионе в значительной степени определялся перспективой быстрого роста могущества за счет колонизации степи. И, наоборот, именно из степи исходила постоянная угроза местным земледельческим государствам и культурным общностям.

Труднопроходимое для вторжений с юга и малонаселенное Полесье давало славянам современной Беларуси относительную безопасность от тех угроз, с которыми постоянно сталкивались славяне на территории современной Украины.



Полесье же разделяло славян Беларуси и Украины на социумы, которые были вынуждены решать разные политические и хозяйственные задачи. Культурный опыт славян по обе стороны этой обширной низменности был неодинаков. В геополитическом же отношении славяне современной Беларуси были вынуждены ориентироваться на постоянное движение на север за счет балтских земель, на освоение все новых хотя бы относительно плодородных почв севернее Полесья. Объективно это было движением к Балтийскому морю и к балтийской торговле.

Противостояние шведам в Инфлянтах (в русской традиции — Ливонии), проблемы, связанные с революцией цен XVI–XVII веков и европейскими интригами вокруг балтийской торговли и Балтики вообще, — постоянные темы политической и социальной истории белорусов и их предков. После каждого опустошения движение на север вновь становилось актуальной проблемой и задачей для нового поколения славяно-балтского населения в регионе между Полесьем и Балтийским морем. Постоянное вовлечение славян, живших на территории современной Беларуси, в контекст европейской политической борьбы в Балтийском регионе — одно из очень глубоких отличий политической истории, да и духовной традиции белорусов от русской традиции. В контексте последней тяжело представить себе, например, феномен Кревской унии или реформации в том виде, в каком она проходила в Великом княжестве. В контексте же белорусских политических и культурных закономерностей эти феномены выглядят логично.





# НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

## От БССР — к Беларуси

**Б**елорусская специфика в экономике, советская сверхиндустриализация естественным образом отразилась в культурных процессах. Более того, сверхиндустриализация была следствием не только заинтересованности Москвы в развитии именно в БССР мощного промышленного очага, но и стремления самих белорусов к именно такой форме социального творчества и экономической организации.

Это хорошо видно во всей послевоенной истории БССР. Очень часто инициатива размещения в Беларуси крупных предприятий, проведения мелиорации, быстрой урбанизации выдвигалась самой БССР. Из самой Беларуси также часто приходили и инициативы по сокращению сферы применения белорусского языка и белорусоязычного образования, подавлению собственной традиционной крестьянской культуры, любых форм несоветской идентичности. И в середине 90-х годов приход к власти А. Лукашенко сопровождался парадоксальными для всех постсоветских стран и восточноевропейских государств референдумами об отказе от «исторической» несоветской символики, о признании за русским языком равного статуса с белорусским.

На референдуме была принята символика, которая подчеркивает преемственность Республики Беларусь к БССР, а не к несоветской Белорусской народной республике, провозглашенной почти одновременно с независимыми прибалтийскими государствами в годы Октябрьской революции. Беларусь перенесла День независимости с Дня провозглашения независимости Беларуси от СССР в 1991 году на День

освобождения Минска от нацистской оккупации Красной армией 3 июля (1944 года), герб и флаг РБ в целом повторяют герб и флаг БССР.

В то же время белорусы все годы после распада СССР демонстрируют поддержку всех действий своей власти по отстраиванию институтов независимого и сильного государства. В связи с этим парадоксальным поведением белорусов закономерно всплывает вопрос об особенностях белорусской идентичности и, главным образом, чем белорусы отличаются от русских, разные это народы или один народ, разделенный государственной границей.

---

Белорусы — вообще тот редкий народ в Европе, говоря о котором до сих пор обычно надо начинать с доказательства, что такой народ существует.

---

Народы — соседи белорусов, как правило, обладают разветвленной системой представлений о себе и других, и в рамках таких систем нет места белорусам как особому народу.

Русское сознание и национальная философия, как правило, прочно связаны с московским православием, а украинцы и белорусы воспринимаются в лучшем случае как «ветви» триединого русского народа. Литовцы воспринимают Великое княжество Литовское, существовавшее в XIII–XVIII веках, как государство, созданное литовцами, покорившими некоторые русские (восточнославянские) княжества, и с трудом могут вписать в эту схему белорусов в качестве особого народа. Литовская историография не обладает разветвленной системой текстов об этом государственном образовании как государстве двух народов или государстве, где литовцы господствовали над именно белорусами. Польское историческое самосознание помнит белорусов в качестве «забывших» крестьян и с трудом адаптируется к белорусам в качестве образованного народа, обладающего собственным отношением к истории Польши и Речи Посполитой. Польская историческая традиция, как правило, разделяет точку зрения о Великом княжестве Литовском как результате завоевания литовцами части русских княжеств. Украинская традиция сосредоточена на осмыслении тех моментов украинской истории, которые мало касаются белорусского культурного компонента: противостояния Степи и кочевникам, казачества, украинско-польских взаимоотношений.

Народы — соседи белорусов не имеют и развитых негативных представлений о белорусах, связанных с межэтническими столкновениями между ними и белорусами. В массовой памяти этих народов насилия, совершенные над ними на территории Беларуси или с участием белорусов, остались столкновением между этими народами и некоей иной, не совсем белорусской силой. Чаще всего негативная память затрагивает эпоху противостояния этих народов и Российской империи, этих народов и СССР. Наконец, почти все соседние народы полагают значительные части территорий, населенные белорусами, частью своего культурного ландшафта и воспринимают местное белорусское население как часть своего народа, лишь временно изменившую этническую самоидентификацию, язык и историческую память. «Возвращение» назад в лоно «материнского» народа «виленских поляков», «кресовых католиков» или даже православных Поднепровья зачастую выглядит в уже устоявшейся культурной традиции литовцев, поляков или тем более русских относительно легкой пропагандистской (просветительской) задачей.

## **Белорусы — есть**

Для констатации существования белорусов как народа, представляется, проще всего отталкиваться от результатов Всеобщей переписи 1999 года.

Белорусский этнический миф, будь то культурно-просветительная деятельность Франциска Скорины, Статуты Великого княжества Литовского, походы великого князя Витовта, Полоцкое княжество и прочие, до сих пор активно оспаривается как национально ориентированными интеллектуалами соседних народов, так и внутри страны. Всеобщая перепись 1999 года впервые проводилась по принципу самоидентификации каждого. Белорусами определили себя 82% населения, белорусский язык в качестве родного назвали 73,7% (то есть 86,5% белорусов), белорусский язык в качестве языка, на котором разговаривают дома, — 36,7% населения (41,3% белорусов).

Эти данные соотносимы с данными предыдущей всеобщей переписи 1989 года, где запись об этнической принадлежности опрашиваемых заносилась на основании паспортных данных человека, однако пункт о родном языке заполнялся на основании заявления опрашиваемого. Белорусский язык тогда назвали родным 65,6% населения.

Примерно те же данные фиксируются и предыдущими переписями (см. табл. 1).

Таблица 1

Данные переписей населения\*

Население, тыс. чел.	Год проведения переписи				
	1959	1970	1979	1989	1999
Всего	8066	9002	9532	10 152	10 045
Белорусы	6532	7290	7568	7905	8159

\*Население Белоруссии по переписи 1999 года // Шахотько Л. Население и общество. — 2000. — №49.

Мы можем уверенно предполагать, что этническая самоидентификация населения на протяжении как минимум послевоенного периода не претерпела принципиальных изменений. Идентификация себя в качестве именно белорусов четко связана с восприятием белорусского языка в качестве одной из отличительных черт белорусской идентичности. Хочется также отметить, что белорусы в массе своей хорошо владеют как минимум двумя языками уже в силу того, что белорусский язык является обязательным для изучения в школах. В сельской местности образование практически все послевоенные годы (а в Восточной Беларуси и в довоенный период) практически полностью является белорусоязычным. Иное дело, что разговорный язык населения региона не всегда совпадает с родным языком и с этнической самоидентификацией.

Массовое использование в быту языков иных народов — прежде всего русского и польского — является нормой для белорусов.

В этом отношении они напоминают современные кельтские народы — с той разницей, что степень сохранности разговорного языка у белорусов в целом значительно выше, чем, например, у ирландцев или шотландцев.

Первой Всеобщей переписью, которая фиксировала родной язык опрашиваемых на основании их самоидентификации, была перепись 1897 года. Большинство населения, проживавшего на территории современной Беларуси, определило своим родным языком белорусский. Даже в католической Виленской губернии белорусы (по родному языку) составляли 56,05% населения (литовцы — 17,58%,

евреи — 12,72%, поляки — 8,17%, русские (великороссы) — 4,94%). Всеобщая перепись 1897 года фиксировала также вероисповедание опрашиваемых. Большинство населения будущей Беларуси принадлежало либо к Русской православной церкви (РПЦ), либо к римско-католическому костелу, либо к различным направлениям иудаизма. Ни одна из конфессий не культивировала белорусский язык и не идентифицировала себя в качестве национальной церкви белорусов. Более того, практически все церкви отрицали существование белорусов в качестве особого народа и идентифицировали себя в качестве национальных церквей прежде всего русских, поляков, евреев. Немалая часть населения региона также указывала в качестве своего родного языка не тот язык, который принят в качестве своего рода официального в той конфессии/церкви, к которой они принадлежали. Прежде всего это касается католиков, которые массово указывали в качестве родного языка как польский, так и белорусский и литовский языки.

Массовый би- или полилингвизм является одной из ярких черт белорусского культурного ландшафта, что отличает Беларусь от гораздо более моноязычной в своей массе России. Статус белорусского как особого языка, а не диалекта иных языков был четко сформулирован еще в 1903 году в труде «Белорусы» Е. Карского. Ныне этот статус филологами практически не оспаривается. На белорусском языке существует обширная литература.

Итак, следует признать, что белорусы как особый народ существуют и четко фиксируются по всем принятым в этнографии признакам на протяжении достаточно длительного периода. Следовательно, предметом анализа должна быть специфика белорусской идентичности и особенности истории белорусов, а не сам факт их существования, а также в контексте нашей темы — причины плохого знания русскими белорусов.

Различия между русскими и белорусами касаются не только их этнической идентичности и отличий между двумя языками и литературами. В конечном счете, любая идентичность может быть изменена с помощью целенаправленного воздействия пропаганды, язык общения при каких-то обстоятельствах достаточно легко меняется основной массой населения, а литература, случается, предается забвению и отмирает. История многих народов знает много примеров такого рода. Мне представляется, что одной из важнейших причин существования

разной идентичности и культуры русских и белорусов является неодинаковый тип взаимоотношений двух народов с тем пространством, в рамках которого они развиваются.

## Миграция

Высокоиндустриализованные промышленность и сельское хозяйство Беларуси сложились в ходе послевоенного развития всего региона между Полесьем и Балтийским морем, между Германией и Россией.

Белорусы на территории РБ — это в первую очередь «западники». Распад СССР совпал с внутренней трансформацией белорусской национальной культуры из преимущественно «восточнобелорусской» по корням основной части ее носителей в преимущественно «западнобелорусскую».

Доля людей пожилого возраста в численности «восточников» как культурной группы непропорционально велика и составляет порядка 30–40% численности группы. В то время как у «западников» доля пожилых лиц колеблется между 20% и 30%.

Степень сохранности семьи у выходцев из разных частей Беларуси также разная. В целом в 1996 году в Беларуси было расторгнуто примерно 50% браков от численности заключенных в этом же году. При этом в восточных областях, прежде всего в Могилевской, было совершено 76% разводов от численности заключенных браков, а в Брестской — около 30%. Такая же тенденция и соотношение разводов и браков по регионам, но при более низком общем уровне разводов наблюдается в Беларуси уже несколько десятилетий.

---

Если в течение ближайших 10–15 лет не произойдет валообразного возврата в Беларусь белорусов из бывших союзных республик, то после физического угасания ныне пожилых людей соотношение между разными культурными группами белорусов стабилизируется.

---

Но при этом доля восточников в численности населения упадет достаточно заметно в силу высокого процента пожилых лиц и низкого по сравнению с западниками темпа физического самовоспроизводства. Вероятно, тогда через 10–15 лет доля «восточников» составит

порядка 25–30% населения Беларуси, доля «западников» вырастет до 55–65% при росте доли небелорусов в населении республики за счет беженцев и нелегальных мигрантов до 20% от примерно тех же 10 млн. человек населения, которые имеются сейчас.

Миграционный потенциал северо-западной части Беларуси, который в иной политической ситуации ушел бы в основном на север, составляет на протяжении 15 лет несколько сотен тысяч человек. Это добавочный миграционный потенциал к общему относительно высокому давлению на города сельского населения Западной Беларуси, где перед распадом СССР успела начаться быстрая урбанизация. Общий миграционный потенциал Западной Беларуси составляет свыше миллиона человек в течение 15 лет. Эта грубая величина получается исходя из простых расчетов: население Западной Беларуси в начале 90-х годов составляло около 4 млн. человек. Из них в деревне проживала примерно половина, еще около 20% в городах с численностью населения до 50 тыс. человек, которые также могут давать заметную миграцию в крупные города.

Любая экономическая стабилизация в Беларуси вновь развязывает процесс исхода населения в города. Если учесть, что в развитых странах в сельском хозяйстве занято около 3% населения, а проживает в деревне около 10%, то можно грубо предположить примерный миграционный потенциал западнобелорусской деревни. Из двух миллионов сельских жителей Западной Беларуси дети до 16 лет составляли немногим больше четверти населения, или 600–800 тыс. человек.

Неизбежное продолжение урбанизации рабочих мест в сельском хозяйстве означает, что дети должны будут или уезжать, или изменять род деятельности. Очевидно, что сменить род деятельности без смены места жительства проще жителям деревень, прилегающих к крупным городам. Пригородные деревни относительно просто превращаются в части близлежащего города. Однако в Западной Беларуси крупных городов почти нет. Небольшие города не могут выступить столь же мощными центрами превращения крестьян в горожан, будь то посредством смены места жительства или за счет смены рода деятельности. Особо подвержены миграциям молодые люди 16–25 лет. Можно с уверенностью говорить, что не менее половины из них должны покинуть деревню при наличии экономического роста в стране. Это еще до 100 тыс. человек в начале 90-х годов XX столетия и около 200 тысяч на протяжении 15 лет.

Небольшие города всегда являются источником миграции в крупные города. Миграция из небольших и даже из средних городов (50–200 тыс. жителей) может стимулироваться упадком градообразующего предприятия. Оценить сложно, но можно предположить, что потенциальная миграция из таких населенных пунктов также велика.

Таким образом, при грубых расчетах получается, что миграционный потенциал Западной Беларуси в начале 90-х годов составлял свыше миллиона человек на протяжении 15 лет, но вряд ли достигал двух миллионов. 200–300 тыс. человек, которые в результате распада СССР должны были переориентироваться на белорусские города, составляют заметную долю потенциальной сельской миграции и создают не самую, конечно, большую проблему Беларуси, но учитывать ее надо. И очень желательно для внутренней стабильности Беларуси не допустить, чтобы потоки мигрантов из католических деревень северо-запада встретились в Минске или в иных городах с мигрантами из юго-восточных чернобыльских районов.

Мигранты из полесских районов Брестской области Беларуси в культурном отношении в основном представляют собой особую культурную группу, как и поляки северо-западной приграничной «полосы». Столкновение западнополесского миграционного потока с потоком католических мигрантов вполне может сопровождаться нарастанием культурных противоречий между этими группами населения в городах нового места проживания. Политика регуляции миграционных потоков посредством манипуляции инвестициями в развитие инфраструктуры тех или иных городов Беларуси — одна из важных естественных задач белорусского государства.

Эту же закономерность можно сформулировать иначе: всякое торжество индустриального развития Беларуси, тем более деиндустриализация способны притормозить миграцию из сельской местности в города. Но деиндустриализация Беларуси обязательно развязывает миграционные потоки из мелиорированных регионов Полесья и чернобыльской зоны.

Можно также попробовать сформулировать основные параметры новой системы расселения, которая напрашивается с учетом наличия в Беларуси высокого внутреннего миграционного потенциала и трех особо склонных к нему культурных групп:

- Беларусь действительно вынуждена отказаться от равномерной системы расселения, к которой шла с 60-х годов;



- Минск должен развиваться либо в крупный мегаполис, чтобы принять основной массив мигрантов, либо в агломерацию, за счет развития городов-спутников, которые примут основную массу мигрантов;
- желательно чернобыльскую миграцию осадить в районе Витебска с его городами-спутниками, а западнополесскую — в Бресте — Барановичах. Таким образом, две разные культурные группы будут разведены и не соприкоснутся друг с другом активно;
- католическую миграцию из полосы вдоль границы с Литвой и Латвией направить в несколько относительно крупных местных городов: Лида, Полоцк, Молодечно, Гродно. Другой вариант — вырастить город-дублер Вильнюса, который примет на себя основную часть потенциальной виленской миграции. Таким городом мог бы стать Молодечно;
- развивать Минск в агломерацию посредством создания вокруг Минска сети качественных дорог и широкого пояса пригородов;
- новая неравномерная система расселения должна возникнуть вокруг транспортной оси Брест — Минск — Витебск. Именно эта ось как часть трансъевропейского коридора между Парижем и Москвой является ныне местом сосредоточения наибольшей экономической активности в Беларуси. Эта ось должна быть устойчивой: Московская агломерация обязательно должна быть плотно связана транспортным сообщением со столицами наиболее влиятельных государств ЕС. Благополучная экономическая конъюнктура по оси Брест — Витебск — это долгосрочный фактор влияния европейской интеграции на Беларусь. И она же следствие развития особо тесных отношений Беларуси и России в тени европейской интеграции.

Сложно представить себе, чтобы централизованное государство в Беларуси могло придерживаться иной политики в области расселения, хотя возможны рецидивы корпоративного мышления. Неравномерная система расселения — самый дешевый вариант ответа на скрытую повышенную миграционную активность белорусского населения. В той или иной форме, стихийно или осознанно, именно так и происходит в Беларуси. Миграционные тенденции не привели к социальной дестабилизации и в целом находятся под контролем власти. Скрытая высокая готовность населения к миграциям — очень важный параметр сложившейся в Беларуси демографической ситуации. Ни в

одной стране в регионе между Черным и Балтийским морями нет аналогичной обстановки. Беларусь должна сохранять высокую степень управляемости всеми социальными процентами из центра и продолжать урбанизацию, либо миграционное давление может создать сложный дестабилизирующий социальный фон.

Кроме того, слабый контроль за социальными процессами неизбежно повлечет за собою рост миграции в Беларусь извне. В начале 90-х годов Беларусь уже сталкивалась с этим явлением. Общины выходцев с Кавказа стали тогда заметным дестабилизирующим культурно-политическим фактором во всех сколько-нибудь крупных городах, прежде всего по линии трассы Брест — Москва. В отселенные местности чернобыльской зоны потянулись многочисленные переселенцы из разных горячих точек, возникших на территории бывшего СССР и депрессивных ранее индустриальных регионов России и Украины.

Социально-экономическое развитие Беларуси и всего региона к концу 80-х годов по мере завершения урбанизации в полосе вдоль советско-польской границы требовало выработки совершенно новых масштабных региональных проектов и определения новых параметров развития всего региона. Дальнейшее развитие региона определялось и определено характером следующей стадии европейской интеграции, к которой переходила Европа в течение 90-х годов XX столетия.

# КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

## Рациональная религиозность

**В**ыскажу два предположения. Во-первых, неспособность противостоять мощным внешним угрозам, опираясь на потенциал своего региона, сделала жизнеспособными в Беларуси такие формы политической активности, которые вовлекают в обеспечение своих интересов крупные внешние силы даже вопреки их желаниям. Во-вторых, существование в Европе, на границе со степью и Москвою, обширного слабого региона привело к выработке в этом регионе традиции не только политической унии. Здесь появилась также традиция вовлечения наиболее активных религиозных деятелей разных стран в обеспечение интересов региона, в основном в области безопасности. Готовность пойти на допуск деятельности на своей территории разных миссионеров, готовность пойти на церковную унию и массовую смену конфессиональной принадлежности политическим классом и населением во имя победы над каким-то мощным противником — одна из базовых особенностей духовной и политической культуры региона, где находится Беларусь.

Крещение Руси князем Владимиром, Даниил и Миндовг с их католическими «вариантами». Массовый переход в православие литовцев, отправившихся княжить или служить в славянские города в период, когда в Великом княжестве правила языческая династия. Флорентийская уния, проповедь Иеронима Пражского и помощь гуситам, реформация. Брестская уния и антикатолический альянс православных и протестантов, спокойная ликвидация унии — все эти явления сложились в местную традицию, когда ради достиже-

ния политической цели считалось вполне допустимым сменить веру при каких-то критических обстоятельствах. Безусловно, у этой традиции были яркие противники, и каждая церковь имеет своих мучеников, отказавшихся менять веру или даже нюансы веры. Однако тем не менее примерно каждые 150 лет основная часть населения региона самостоятельно, без внешнего завоевания меняла или очень резко трансформировала конфессию под влиянием политических соображений.

Православная церковь Великого княжества не уходила в самовольную автокефалию после провала Флорентийской унии, как это сделала православная церковь в Москве, и не подчинялась Московскому патриарху вплоть до середины XVII века. В конце XVI века лишь два светских сенатора Великого княжества из 25 были католиками, остальные — преимущественно протестантами. В конце XVIII века не более 5% населения нынешней Беларуси были православными. Беларусь являлась преимущественно греко-католической и римско-католической страной. Россия знала совсем иную традицию религиозной жизни. Русские религиозные споры — это споры внутри одной веры и одной церкви.

Риску предположить, что одна из причин столь высокой динамичности в смене конфессий — компрометация той или иной церкви соседнего государства и связанных с нею единоверцев. Такие церкви всегда являлись духовным ядром тех государств («империй»), которые решали в регионе Беларуси свои масштабные задачи. В ходе затяжной опустошительной войны религия завоевателя компрометировалась в глазах религиозно активных людей. Соответствующая церковь начинала восприниматься всего лишь как инструмент идеологии и пропаганды жестокого врага.

С другой стороны, собственные иерархи или иные хранители ценностей, как правило, в ходе опустошительной войны быстро погибали или утрачивали возможность оказывать прежнее влияние. Во всяком случае, местные церкви никогда не обладали материальным потенциалом для создания мощной образовательной или пропагандистской машины, чтобы противостоять церкви очередной «империи».

На таком духовно-политическом фоне логично рассматривать церковные и религиозные вопросы в качестве разменной монеты в ходе геополитических комбинаций для отражения очередного нашествия. Абсолютно очевидно, что такого рода практичное, отчужденное

отношение к церкви и даже к религии коренным образом отличает белорусскую политическую традицию от русской. Государство в регионе Беларуси редко бывало последовательным хранителем веры. Оно было, как правило, бюрократическим, а не идеократическим. Ни одна церковь не могла претендовать здесь на гарантированную устойчивость, ибо здесь не могло быть устойчивым ни одно государство. Церковь бывала влиятельна в основном в силу своей способности привлечь внешнюю поддержку.

Говоря немного возвышенно, если мы начнем разбирать ситуацию в каждый момент, предшествовавший смене конфессиональной принадлежности основной массы населения, то будем изумлены глубиной кризиса, поразившего церковь, от которой отказывались люди. И вряд ли сможем однозначно осудить их за попытку найти выход из сложившейся ситуации и сохранить веру и душу в рамках иной церкви, показавшейся на тот момент наиболее светлой и чистой. Надо отметить, что каждый новый политический класс региона Беларуси искренне исповедовал близкую ему религию. Религиозная индифферентность характерна для данного региона лишь в эпохи стабильного развития.

Столь высокая религиозная толерантность не была характерна для России. Великое посольство Льва Сапегы об объединении трех стран или походы Лжедмитриев провалились в немалой степени из-за нежелания московского общества допустить на своей территории массовое строительство неправославных храмов и распространение влияния неправославных христианских церквей.

---

Интеграция Беларуси в состав Российской империи произошла только тогда, когда Россия оказалась в состоянии вобрать в себя католическую на тот момент страну, а католическая страна оказалась способна ужиться внутри православной империи.

---

Даже иезуиты в начале XIX века формально оказались в составе Полоцкой иезуитской провинции, тогда как в абсолютном большинстве стран Европы деятельность их ордена была тогда запрещена. В Полоцке же совсем незадолго до вторжения Наполеона в Россию была открыта очень консервативная иезуитская академия (1812–1820).

## Неопротестантизм

Конфессиональные процессы, происходящие в Беларуси, беспрецедентны и имеют региональное значение. Беларусь — единственная страна в Европе, где на наших глазах нетрадиционная, не связанная с исторической или иной культурной традицией церковь стала второй по влиянию на религиозно активную часть населения. Речь идет о неопротестантах, в основном о пятидесятниках — «христианах веры евангельской». Нельзя исключать, что при благоприятных политических обстоятельствах эта новая церковь может выйти на первое место. Ни в одной стране Европы нет подобной конфессиональной ситуации, чреватой столь масштабным культурным переворотом. Возможно, по значению этот фактор является более значимым для Европы, чем приверженность Беларуси крупным заводам и советскому культурному наследию.

---

С конца 80-х годов социологи фиксируют рост общей религиозности белорусов. Сегодня верующими считают себя свыше половины населения Беларуси.

---

Это обстоятельство создает предпосылки конфликта с советизированной частью общества. Однако еще более опасно то, что религиозность белорусского населения распределена неравномерно. Наиболее религиозным является население Западной Беларуси, то есть религиозная идеология может выступить одной из форм самовыражения западнобелорусских региональных культур и региональных элит. Соответственно сложности во взаимоотношениях конфессиональных групп часто отражают сложности во взаимоотношениях не только церквей, но и региональных элит. Важно и то, что в среде религиозно активного населения темпы роста числа неправославных религиозных объединений превышают темпы роста количества православных приходов. Это создает почву для напряженности между православным населением и слоями, ориентированными на православно-русские духовные ценности, и неправославными группами.

С 1994 года Беларусь по формальным признакам утратила свой относительно православный характер: количество официально зарегистри-

стрированных приходов Русской православной церкви (РПЦ) впервые с 1838 года стало меньше, нежели количество официально зарегистрированных приходов двух других основных конфессий (см. табл. 2).

**Таблица 2**
**Официально зарегистрированные в РБ общины основных конфессиональных групп**

Область	Год	Конфессии		
		РПЦ	РКЦ	Протестанты
Брестская	1970	148	12	72
	1992	253	32	145
	1995	281	47	178
Гродненская	1970	76	71	24
	1992	119	136	28
	1995	148	155	47
Витебская	1970	43	11	6
	1992	105	46	24
	1995	135	60	48
Гомельская	1970	44	–	10
	1992	85	9	36
	1995	108	15	59
Могилевская	1970	22	–	16
	1992	45	4	34
	1995	49	7	44
Минская (с Минском)	1970	49	13	25
	1992	137	51	81
	1995	181	68	144
Всего	1970	382	107	153
	1992	744	278	348
	1995	902	352	625

В 1995 году ситуация в этом направлении изменилась еще: количество фактически существующих протестантских общин примерно сравнялось с количеством приходов РПЦ (как официально зарегистрированных, так и находящихся в стадии становления) и ныне лишь

незначительно уступает Русской православной церкви, несмотря на худшие, чем у нее, политические условия для развития.

При сохранении сложившихся тенденций в случае любой политической заминки, которая уберет некоторые административные препятствия для регистрации новых протестантских общин, можно ожидать, что протестанты превзойдут РПЦ и по количеству официально зарегистрированных церковных общин.

### Три конфессии

Особое значение в конфессиональных процессах имеет региональный фактор.

Все три основные конфессии РБ базируются в Западной Беларуси. Такая ситуация сложилась после уничтожения церковной жизни в Восточной Беларуси в 30-х годах. На 17 сентября 1939 года, в момент вступления Красной армии в Западную Беларусь, в самой БССР было, по разным данным, от одной до десяти действующих православных церквей и то ли ни одного католического костела, то ли один-два. В то же время в Западной Беларуси действовало около 700 православных церквей, свыше 200 костелов и до ста протестантских общин. Церкви в Восточной Беларуси были открыты лишь после 1941 года.

---

#### Все три конфессиональные группы базируются в западнобелорусской деревне.

---

У православных в этом регионе расположено примерно 300 приходов в деревнях, у католиков — около 120, у протестантов порядка 170 официально существующих общин. Эти общины, как правило, существовали и во времена СССР либо отпочковались от существовавших в 1939–1941 годах и после 1988 года. В основе каждой из трех основных белорусских конфессий лежит массив традиционных, преимущественно сельских общин, которые после начала в СССР политики перестройки весьма успешно перешли к активной миссионерской деятельности на практически безрелигиозном до того востоке Беларуси.

Принципиально важным общим элементом белорусской церковной жизни стала слабость влияния клира во всех конфессиях и соответственно высокая степень самоуправления общин. В Беларуси до



самого последнего времени был всего один православный монастырь и совершенно не было католических монастырей. Общие многолюдные церковные праздники при советской власти не практиковались, основой церковной жизни была община и все, что связано с потребностью именно этой церковной первичной организации. К моменту распада СССР клир был подготовлен очень слабо: в Беларуси лишь после распада СССР была расширена православная семинария в Жировичах, открыта католическая семинария в Гродно и ряд других высших и средних учебных заведений традиционных церквей. Подготовка православного клира, мягко говоря, была слабовата, и священник был нацелен скорее на апологетику традиционных моральных ценностей, чем на активную миссионерскую деятельность. В костеле ситуация усугублялась его польским культурным характером и традицией — парафия (приход) умершего ксендза могла десятилетиями ждать разрешения на приезд нового ксендза из Польши. Наконец, советское церковное законодательство рассматривало общину в качестве материально ответственного лица, а священника — в качестве наемного работника у прихожан. Тем самым даже юридически механизм функционирования приходской и парафиальной жизни был приближен к механизму функционирования протестантской общины.

Наполняемость активными верующими общин всех основных конфессиональных групп примерно одинакова. В некоторых регионах у католиков наполняемость приходов ниже, чем у православных, в других местах — в Могилевской или Брестской областях — католические приходы зачастую очень малолюдны.

С точки зрения функционирования общины крайне сложно представить себе устойчивое управление общественным целым, где только ядро активных верующих составляет свыше 150–300 человек. Обычно эти 150–300 человек охватывают своим влиянием еще 600–1200 человек, которые относительно регулярно ходят в церковь или костел. Это и есть средняя западнобелорусская церковная община. У протестантов средняя численность крещеных в деревенской общине составляет те же 150–300 человек, под влиянием которых находится обычно 600–1200 детей, их родителей, родственников, друзей, коллег, соседей. Конечно, встречаются и крупные общины, приходы, парафии, но в среднем наполняемость активными верующими и их влияние на более пассивную часть единоверцев примерно сопоставимы по всем конфессиям.

У православных основной массив общин располагается в Западной Беларуси, в основном в Брестской области (католических парафий в этой области меньше 60, из них около 20 — в одном районе этой области, близ Барановичей). У католиков около 200 общин концентрируются вдоль границы с Литвой, преимущественно на стыке границ Витебской, Гродненской и Минской областей. Православных здесь примерно столько, сколько католиков у границы с Украиной, то есть почти нет.

Все три конфессиональные группы практически не связаны с белорусской национальной идеологией, хотя обладают широкой внутренней автономией в рамках своих конфессий. Белорусская православная церковь является экзархатом Русской православной церкви. Во главе польского по традиционной ориентации католического костела стоит кардинал. Протестанты самоуправляемы по природе своей организации и вообще индифферентны в отношении национальных проблем.

Наконец, все три конфессиональные группы обладают очень высокой степенью организационной консолидации.

---

**В Беларуси пока не было ни одного внутрицерковного конфликта, который можно было бы назвать церковным расколом.**

---

Растут в числе и православные, и католики, и протестанты. Прочие деноминации, особенно экзотические, практически незаметны. То есть изначально белорусские верующие распределены между крупными устойчивыми хорошо организованными конфессиями, политизация которых может пройти очень быстро.

Ныне восстановлены практически все православные церкви, существовавшие в Западной Беларуси в деревне до 17 сентября 1939 года. Католических костелов открыто меньше. Основная причина — послевоенные репрессии и массовый отъезд поляков в Польшу во второй половине 40-х годов. Так, сегодня в Брестской области поляков очень мало, хотя до войны они составляли на этой территории свыше 14% населения. Однако там, где компактное сельское польское (католическое) население сохранилось, довоенные костелы обычно восстановлены.

Строительные программы в деревне сегодня можно считать близкими к завершению. Волна строительства новых молитвенных учреждений перекидывается из деревень в города. А вместе с этим возрас-

тают и актуальность конфессиональной проблематики, и межконфессиональные противоречия. В частности, особенно опасным внутри всех конфессиональных групп стало противоречие между политизированными и относительно неполитизированными частями. Тем более что эти части конфессий базируются в разных регионах Беларуси и в качестве социальной базы используют разные общественные группы. В Восточной Беларуси церкви изначально возникают в основном в городах, при том что доля сельского населения на востоке гораздо меньше, чем на западе: примерно 25% против примерно 50%. В силу слабости общины и отсутствия культовых сооружений клир здесь более нуждается в поддержке влиятельных и богатых структур для реализации строительных программ и потому более самостоятелен относительно общины.

### **«Три» костела**

В конце 80-х годов католический костел в РБ пошел на создание трех особых диоцезий (церковных округов) вместо существовавшей до того одной единой. Границы диоцезий проведены по границам культурных регионов Беларуси: Гродненский епископат охватывает всю Западную Беларусь без Западного Полесья (Брестской области), которое выделено в особую единицу. Эту Полесскую диоцезию непосредственно возглавляет кардинал Казимир Свентэк. Восточная Беларусь охватывается Минско-Могилевским епископатом. В каждой диоцезии сформировалась специфичная система взаимоотношений между клиром и прихожанами, в каждой диоцезии у костела свое место в общественно-политической структуре региона, особенные проблемы и задачи.

В Гродненском епископате господствует традиционный польский костел. Здесь внутренняя тональность обычно задается потребностями и спецификой традиционных сельских приходов. В Полесской диоцезии католики — небольшое, нелюбимое и достаточно изолированное этноконфессиональное меньшинство в центре православного и протестантского массивов. В Минско-Могилевском епископате костел сталкивается со значительным влиянием национально ориентированных сил и в гораздо меньшей степени выступает носителем польской культуры и идеологии, нежели в Западной Беларуси. Здесь действует несколько белорусских парафий, и в костелах все шире используется русский язык.

Именно в Восточной Беларуси была отформатирована греко-католическая ветвь костела. Греко-католики вобрали в свои парафии в основном ранее православную белорусско ориентированную молодежь. Только в Восточной Беларуси сегодня заметен переход в католичество значительного числа православных. Еще большее значение для судьбы костела в этом регионе имеет концентрация католиков в рядах белорусской оппозиции разных идеологических направлений и выдвижение национально ориентированной оппозицией тезиса о греко-католичестве как национальной религии белорусов в противовес православию<sup>1</sup>.

Усиливающееся давление Запада на А. Лукашенко привело к усилению внутри правящего слоя Беларуси тех сил, что ориентированы на получение в России поддержки со стороны наиболее антизападных, националистических кругов. Сближение государства и православной церкви стало неизбежным. В Беларуси началось отступление от модели последовательно светского государства. Началось выстраивание законодательно оформленной иерархии основных конфессий по тем правам, которыми они располагают в стране. Еще в конце 90-х годов в Беларуси было введено законодательство, которое поставило под очень жесткий государственный контроль иностранных миссионеров. Граждане иных стран могут заниматься религиозной деятельностью в Беларуси только на основании относительно коротких, часто годовичных, разрешений, которые могут продлеваться решением органов власти. Иностранец не может заниматься миссионерской деятельностью вне пределов своей церкви или иной локализованной культовой территории. Для проведения совместных с иными религиозными общинами религиозных мероприятий миссионер должен получать специальное разрешение местных органов власти. Это положение отразилось в основном на католическом костеле.

Вскоре после принятия этого положения было отказано в разрешении на миссионерскую деятельность примерно 100 ксендзам, монахам и монахиням, наиболее радикально настроенным и особенно склонным к колонизационной деятельности через костел. Костел был вынужден быстрее начать подготовку кадров для своего клира из числа граждан Беларуси, а сам клир, костяк которого по-прежнему составляют в основном иностранные граждане, стал очень осторожен

---

<sup>1</sup> Греко-католичество было упразднено лишь во время Полоцкого церковного собора 1838 года, на тот момент большая часть белорусов действительно были униатами.

в высказываниях и деятельности, которая могла бы быть истолкована как провокация межнациональной или межэтнической вражды. Для белорусского костела, который на протяжении сотен лет был социальным институтом, где формировалась и развивалась и польская культура, это революционное преобразование.

Надо сказать, прошло это преобразование без заметной напряженности в отношениях государства и костела, и католические регионы по-прежнему являются регионами поддержки А. Лукашенко в ходе всех политических кампаний в РБ. Разве что уровень этой поддержки в католических районах у А. Лукашенко немного ниже, чем в православных районах Брестской области или религиозно индифферентной Восточной Беларуси. Пожалуй, поддержка католиками А. Лукашенко даже выросла, хотя этот рост и не связан непосредственно с постановкой государством деятельности костела под свой очень жесткий контроль.

Можно предположить, что католический клир отдает себе отчет в сложности положения костела в Беларуси в случае его прямого конфликта с государством. Опираясь на польскость в Беларуси — значит опираться на очень слабые, культурно отсталые регионы вдоль границы с Литвой и Польшей, переживающие отток населения в города. Доля людей с высшим и средним образованием среди белорусских поляков примерно в полтора раза ниже доли людей с таким образованием среди этнических белорусов. В собственно католических районах — еще ниже. Нет ни одного сколько-нибудь крупного города, который можно было бы рассматривать как место концентрации польской региональной интеллигенции. Даже в Гродно поляки составляют лишь около трети населения и не могут доминировать в культуре города, где еще примерно треть жителей — этнические русские и треть — белорусы.

---

**В Минске, Могилеве, Гомеле, Витебске... костел может развиваться как костел преимущественно русскоязычный, и именно эти новые пространства для активности дают костелу перспективу.**

---

Вероятно, открытые возможности к миссионерской деятельности вне польского культурного массива и составляют главную причину относительно бесконфликтных отношений костела и белорусского государства, несмотря на все ограничительное законодательство, принятое в РБ.

Протестантизм, развившийся на западном белорусско-украинском Полесье, не должен вводить в заблуждение своими внешними формами. Это не столько развитие новой конфессии, сколько оформление живого местного религиозного движения, которое не находит себе места в рамках традиционных церквей. Сами протестанты обычно называют себя просто «верующие» или «христиане», полагая остальных не очень последовательными в одной с ними вере. Местные протестанты также не испытывают потребности в кадрах миссионеров и проповедников. Скорее наоборот, сами ведут достаточно активную миссионерскую деятельность вне Беларуси.

В конечном счете, костел в Восточной Беларуси по мере своего распространения все более трансформируется в особый по идеологии комплекс, приспособленный к наступательной деятельности в условиях русскоязычного постсоветского города. В отличие от Западной Беларуси костел в восточной части государства ориентирован скорее на распространение католичества на новые социальные слои и массы восточных белорусов, чем на удовлетворение потребностей уже сложившихся католических общин.

Становление восточнобелорусского костела влечет за собой, с одной стороны, дальнейший рост внутренней напряженности в костеле РБ между польским и непольскими течениями. С другой стороны, дальнейший успех костела в Восточной Беларуси позволит католицизму усилить свою экспансию в Россию с опорой на Беларусь.

### **«Две» церкви**

Различие между западнобелорусской и восточнобелорусской частями РПЦ не менее глубоко. В течение 1995 года внутренняя напряженность в РПЦ привела к выплескиванию противоречий между разными группами иерархов на уровень Московского патриархата и в СМИ. Невольный лидер этого своеобразного оппозиционного течения архиепископ Могилевский и Мстиславский Максим присутствовал в Могилеве на учредительном собрании православной политической партии, которая немедленно выступила с крайне радикальной, православной, прорусской политической программой. Процесс политизации РПЦ в Беларуси тогда был остановлен. Церковь сохранила свое единство и управляемость, но характерно, что сторонниками жесткой политизации и сближения между РПЦ и государством выступали пра-

вославные активисты из восточнобелорусских епископств. В Западной Беларуси, несмотря на то что именно там концентрируется основной массив православных приходов и активных верующих, подобных выступлений практически не было.

Белорусская православная церковь находится в более сложных условиях, нежели католическая. У БПЦ вот уже много десятилетий нет «тыла». Часто забывается, что в СССР до 1988 года свыше 60% приходов располагались в Западной Украине и Западной Беларуси. Прежде всего в Западной Украине (см. табл. 3). Восток СССР был бесцерковным.

**Таблица 3**

**Сравнение количества православных приходов на Украине и в России\***

Годы	Количество православных приходов	
	Россия	Украина
1988	2062	3971+десятки УГКЦ (подпольно)
1990	2508	6505+2500 УАПЦ и УГКЦ=9005
1992	2700	7400+2851 УГКЦ=10 251

\*УАПЦ — Украинская автокефальная православная церковь, УГКЦ — Украинская греко-католическая церковь. Віче: Журнал. — 1993. — №8.

После 1988 года в Западной Украине произошла катастрофа РПЦ: в трех галицийских областях (Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской) из ее состава вернулись в греко-католичество практически все приходы. Православные приходы на Волини и в остальных частях Западной Украины также покинули РПЦ, присоединившись либо к Украинской автокефальной православной церкви, либо к УПЦ Киевского патриархата. За несколько лет РПЦ лишилась массива общин, который был ее основой на протяжении как минимум 40 послевоенных лет. Вновь открытые приходы в России и в Восточной Украине несоизмеримы случившейся потере, ибо пока не обладают сформированной церковной общиной. Клир для вновь открытых приходов приходится готовить на скорую руку и набирать в далеко не традиционно православных сельских районах... На этом фоне Беларусь находится в неплохом положении. Здесь сотни общин в южной части Западной Беларуси составляют компактный массив, где практически нет католиков. Этот массив не «ушел» из РПЦ и продолжает поставлять относительно качественное пополнение для кадров клира и православного актива. Но у этого массива в сегодняшних условиях нет возможно-

сти рассчитывать на реальную поддержку православной церкви России. Россия не может дать ни необходимых кадров, ни достаточного количества православной литературы, ни денег, ни образованных клириков. Белорусским православным еще длительное время надо рассчитывать только на свои силы, и никакое «единение» с Россией Белорусской православной церкви не поможет. Скорее напротив, подтолкнет оппозиционно, европейски ориентированную часть населения переходить в католицизм и протестантские церкви.

У католического костела такой тыл был, есть и, можно быть уверенным, еще долгое время будет. Это Польша. Именно оттуда в костел идут литература, идеи, образование, деньги и кадры. Почти все работавшие в Беларуси ксендзы, монахи и монахини еще недавно были гражданами Польши. Ныне число граждан Польши удалось уменьшить примерно до 70% состава клира. Вероятно, вскоре доля граждан Польши упадет еще, но в целом польское присутствие в белорусском католическом клире еще долгое время будет очень заметным.

Структурная зависимость белорусского костела от польской поддержки заложена и в темпах становления самостоятельных костельных структур. В РБ Гродненская католическая семинария лишь в 1995 году дала первый выпуск в 25 человек. При таких темпах подготовки костел в РБ будет еще очень длительное время нуждаться в иностранных миссионерах, а те реально могут прибыть в первую очередь из Польши. Имеет значение и то, что костел в Беларуси традиционно является польским по духу и идеологии. Такой же создана и Гродненская семинария.

Напротив, массив РПЦ в Западной Беларуси сегодня находится в своеобразном православном «выступе», если не на острове, внутри католического мира. На наших глазах в католицизм вернулась Галиция. Костел усилился в Литве и в части Латвии. Произошла его реанимация в северной части Западной Беларуси. В любой момент очередная политическая неурядица в Минске или в Москве может привести к власти политиков, которые не смогут или не захотят сдерживать возврат в Беларусь католических орденов...

У РПЦ в Беларуси нет собственных ресурсов выдержать конкуренцию в борьбе с католицизмом за души своей паствы. Речь может идти только о выработке нового типа православной организации, приспособленной к выживанию в условиях многоконфессионального общества. Вероятно, именно потому сторонники политизации православ-



ной церкви и превращения ее вновь в элемент российской государственной машины не находят широкого отклика в среде западнобелорусского большинства своих единоверцев.

### **Третья сила**

Особое место в религиозной жизни Беларуси занимают протестанты. Иностранцев миссионеров в Беларуси практически нет. Те, кто приезжает, зачастую являются местными выходцами, проживающими в США или Канаде. Свыше 95% протестантских общин РБ принадлежат к Христианам веры евангельской или к Евангельским христианам баптистам. В РБ нет неконтролируемого роста христианских сект. Здесь идет своего рода конфессиональная революция, когда относительно новая конфессиональная группа превращается в наиболее влиятельную, что для Европы исключение.

Внутри региона концентрации протестантов можно выделить несколько локальных центров: Пинск — Столин (свыше 100 общин), Брест — Кобрин (до 100 общин), Слуцк — Солигорск (около 60), Барановичи (около 50), ныне быстро формируется пятый такой центр в районе Калинковичей — Мозыря. Заметными протестантскими «островами» являются Могилев, Гродно и особенно Минск.

Евангелизация новых территорий за пределами западнополесского ядра отличается рядом специфических черт. Наибольшее количество новых общин возникает в белорусской провинции, в провинции же концентрируются миссионерские усилия протестантов. В качестве наиболее яркого примера можно привести серию миссионерских акций республиканского масштаба, предпринятых в 1992–1994 годах в городе Лида. Создание мощного протестантского ядра в этом городе позволило бы сомкнуть Западное Полесье с Вильнюсским протестантским очагом и перейти к широкой миссионерской деятельности среди католического населения Виленского края по обе стороны литовско-белорусской границы.

Миссионерская деятельность протестантов после создания независимой Республики Беларусь в целом эффективно координируется в республиканском масштабе. Уклонение от широкой пропаганды в Минске — вероятно, сознательный акт. Тем самым протестанты остаются вне поля зрения белорусских политиков идеологизированного типа. Прежде всего вне поля пристального внимания белорусских на-

ционалистических сил, близких к католицизму. Сохранение протестантами имиджа малозначимых «сектантов» для столичных интеллектуалов и политиков никак не мешает протестантской пропаганде в белорусской провинции, ибо на провинцию эти интеллектуалы имеют незначительное влияние. Евангелизированные регионы словно охватывают Минск с юга и с запада.

Тем не менее в самом Минске рост неопротестантов напоминает по темпам взрыв, который в основном происходит за счет внутренних миссионерских ресурсов. Наиболее быстрыми темпами растет число пятидесятнических общин.

Структура минских протестантских общин отличается от белорусской провинции:

- минские общины возникли относительно недавно, они еще наполнены множеством очень энергичных неофитов;
- в минских общинах не произошло выделения мощного ядра верующих, сплоченных в комплекс породнившихся между собой больших семей;
- в общинах не произошло стабилизации состава и еще велика доля людей, чья принадлежность к церкви неустойчива;
- очень велика доля молодежи, что придает минскому протестантскому движению совершенно непатриархальный культурный фон.

Впрочем, даже при сохранении имеющихся темпов роста минские общины в ближайшие 5–10 лет не смогут составить столь значимой социальной группы, какой являются протестанты в Западном Полесье. Реальным центром протестантизма в РБ еще длительное время будет оставаться юго-западная часть Беларуси, а Минск, вероятно, будет регионом активной миссионерской деятельности.

Протестанты Беларуси концентрируются прежде всего в одном регионе: в Западном Полесье и прилегающих регионах. Их распространение происходит не за счет создания новых регионов концентрации в других частях государства, а преимущественно за счет расползания западнополесского ядра на все новые пограничные территории. Тем самым сохраняется единая структура управления протестантским движением и предостерегаются возможности его раскола из-за обособленного развития каких-то групп общин на базе разных культурных субстратов и культур.

Протестанты продемонстрировали способность находить ключи к культурным кодам всех основных групп белорусов.

Общины вбирают в себя людей в Бресте, несмотря на то что в этом городе около половины населения составляют русские и другие мигранты не из этого региона. Протестанты оказались в состоянии закрепиться в полукатолическом регионе Барановичей и даже в религиозно индифферентной восточнобелорусской Случчине.

Причем и в районе Барановичей, и в районе Слуцка большинство верующих — это местные крестьяне и(или) их переселившиеся в город дети. Ныне на наших глазах протестанты бурно растут на базе специфичной чернобыльской культуры Мозыря и Калинковичей и столь же быстро распространяются в среде молодежи и интеллигенции в Минской городской агломерации.

В основном регионе протестантского влияния в Западном Полесье за последние семь-восемь лет произошла качественная трансформация этой конфессиональной группы — построено до десятка крупных молельных домов, рассчитанных более чем на тысячу посадочных мест каждый. В Минске в 90-х годах построен молельный дом Христиан веры евангельской, рассчитанный на 2500–3000 мест. Вероятно, это самая крупная в Европе и бывшем СССР пятидесятническая церковь. Следует также учесть, что у пятидесятников более быстрые, чем у баптистов, темпы роста новых общин. В отличие от баптистов они направляют имеющиеся средства и возможности преимущественно на миссионерскую деятельность, потому количество пятидесятнических общин, подавших документы на регистрацию или готовящихся к этому, гораздо выше, чем у баптистов.

Вокруг крупного молельного дома группируется по несколько десятков небольших «дочерних» общин. Фактически протестанты перешли к епископальной структуре построения и вышли за рамки семейной полуполюгальной церкви. Кроме того, ими открыты высшие учебные заведения (библейские институты у евангелистов и баптистов), радиостанция, печать, система детских лагерей и так далее. Планы развития протестантских церквей предусматривают создание опирающихся на уже построенные дома объектов: школ, газет, издательств, приютов для престарелых, детских летних лагерей. Новые молельные дома должны будут строиться небольшими, рассчитанными на жителей близлежащих микрорайонов или деревень. Это будут преимущественно «дочерние» молельные дома, ориентированные на крупный дом поблизости.

Протестанты продемонстрировали способность к росту на базе всех основных культурных групп белорусского населения. Им «сдались» и

православные западные «полешуки», и католики в районе Барановичей (а также в Вильнюсе в Литве), и белорусы-«восточники» в Слуцке, Солигорске, Могилеве, и чернобыльцы Мозыря — Калинковичей.

Свыше 50% общин принадлежат к Союзу ХВЕ, еще около 40% — баптистские, однако и среди членов баптистских общин до половины составляют евангелисты, так что они составляют до 70% верующих протестантов. При этом догматические различия между этими деноминациями очень незначительны, и речь фактически идет о двух течениях одной церкви, между руководящими структурами которой пока не фиксировалось ни одного конфликта.

---

Сегодня мощь аппарата власти в РБ позволяет с помощью разных средств сдерживать миграционные потоки, но миграция из деревень в города все же идет.

---

В интересующем нас контексте важно, что мигранты из деревень Брестской области часто не уходят за пределы Западного Полесья. Вероятно, и дальше сельские мигранты станут оседать преимущественно в областном центре, вблизи него, в небольших городках типа Кобрин и скорее всего в регионе расположенного на той же трассе города Барановичи. Тем самым в район Бреста и Барановичей следует ожидать продолжения притока протестантской молодежи из деревень в южной части области. Особенность ситуации также в том, что в отличие от православных мигрантов протестанты интегрируются в городе почти исключительно через церковные, общинные структуры. То есть приток протестантской молодежи будет и далее вести к разбуханию городских общин и к увеличению их миссионерского и экономического потенциала.

Наконец, протестантам очень помогает последовательное уклонение от политизации церковной жизни. Более того, как правило, в местах возникшей межконфессиональной напряженности или внутрицерковных конфликтов немедленно появляются протестантские проповедники, которые, указывая на «мирскую» вовлеченность активистов — католиков или православных, увлекают религиозно активную часть местных верующих в свои структуры. Скажем сильнее: любая попытка использования в политических целях православно-католических противоречий ведет, по крайней мере в условиях Западной Беларуси, к росту

протестантских структур. Уже потому политизация любой из традиционных конфессий чревата катастрофическими последствиями для нее на совершенно неожиданном для многих направлении.

---

Если на волне «единения» с Россией РПЦ будет действительно превращена в опекаемый государством организм, то это может вызвать не только рост противоречий между БПЦ и костелом, не только рост внутренних неурядиц внутри самой церкви, но и заметный отход религиозно активных православных активистов Западной Беларуси в протестантские общины.

---

Сегодня реально остановить рост протестантизма в Беларуси в прямом миссионерском противостоянии не в состоянии ни одна из традиционных конфессий. Теоретически противостоять протестантам могли бы католики, но только в том случае, если бы в РБ прибыли массы миссионеров из католических орденов, но это невозможно по политическим соображениям другого порядка.

### **Вера или мова?**

С другой стороны, протестанты невольно позволяют ослабить потенциально возможный кризис в отношениях Беларуси и Украины по вопросу о принадлежности населения большей части Брестской области. Согласно наиболее распространенной на Украине версии, местные диалекты являются диалектами украинского языка, а местные жители — украинцами. В каждом «украиноязычном» районе Брестской области существует украинское культурное общество, а украинские дипломаты в Беларуси периодически заявляют о 1,5–2-миллионном украинском меньшинстве в Беларуси. Однако рост протестантизма несколько меняет ситуацию в белорусскую сторону: на Украине протестантов примерно в четыре раза больше, чем в Беларуси, но там они не приближаются к статусу второй и тем более первой конфессиональной группы, как в РБ. На Украине огромным влиянием обладают традиционные конфессии (см. табл. 4), а главное — национальное движение в этой стране неизмеримо весомее, нежели в Беларуси.

Таблица 4

Количество официально зарегистрированных религиозных общин на Украине на 1 января 1993 года\*

Церковь	Количество общин
УПЦ Киевского патриархата	1989
УПЦ Московского патриархата	5364
УГКЦ	2807
РКЦ	517
Общины мусульман	42
Церковь ЕХБ	1241
РЦ ЕХБ	104
Церкви ХВЕ	602
Общины евангелистов вне союзов	197
Церкви ХВ	20
Свидетели Иеговы	409
Церковь АСД	326
Церковь АСД-реформистов	20

\*Источник: Віче: Журнал. — 1993. — №8.

Мощный украинский национализм рассматривает протестантов как носителей космополитического, антиукраинского в своей основе типа идеологии и культуры. Более того, наиболее радикальные украинские национальные группы нередко оценивают протестантов как силу, объективно союзную Соединенным Штатам, а сами США считают главным геополитическим противником Украины.

Кроме того, протестанты на Украине далеко не так едины в деноминационном и догматическом плане, как в Беларуси. Они концентрируются в трех разных регионах: Западном Полесье — Вольни, в Закарпатье, близ Одессы. В каждом из этих регионов преобладает своя деноминация. Возле границы с Беларусью ситуация с протестантами точно такая, как в РБ: баптисты и евангелисты, причем в абсолютных цифрах на украинском Западном Полесье протестантов больше, чем с белорусской стороны.

Несмотря на прозападную риторику украинских властей, после распада СССР положение протестантов в Украине зачастую было худшим, чем в Беларуси, в основном за счет более мощной конкуренции со стороны традиционных конфессий. Худшие, чем в РБ, условия суще-

ствования и, главное, худшие перспективы не позволили протестантам на Украине создать настолько мощную организационную структуру, какая есть у их белорусских единоверцев. Раз остановить дальнейший рост в Беларуси протестантизма маловероятно, значит, логично рассчитывать на рост притяжения украинских единоверцев к белорусскому протестантскому очагу. То есть притяжение части населения белорусского Западного Полесья к Украине по языковому признаку может быть при необходимости компенсировано белорусским руководством ростом притяжения к Беларуси части населения Западного украинского Полесья по конфессиональным соображениям.

Возможно разыгрывание протестантской карты и по другим внешнеполитическим направлениям. Самое же главное — фактом своего существования протестанты делают для любой политической силы в РБ крайне рискованную попытку создать привилегированное положение для какой-то одной конфессиональной группы. Беларусь должна быть либо последовательно светской, либо политически нестабильной.

Таким образом, дальнейшее сближение России и Беларуси влечет за собою осложнение межконфессиональных отношений в Беларуси и чревато прежде всего:

- ростом в РБ межконфессиональной напряженности;
- ослаблением позиций православной церкви за счет роста католического костела и протестантских церквей;
- превращением Беларуси в одну из точек опоры католического костела и протестантов для активной миссионерской деятельности в России.

Отказ же от сближения с Россией чреват быстрым перерастанием межконфессиональных сложностей в комплекс затяжных межконфессиональных конфликтов в силу ориентации заметной части белорусской националистической оппозиции на католицизм и неготовности православной церкви противостоять иноконфессиональному давлению без хотя бы некоторой поддержки со стороны государства.





# ФЕНОМЕН «БЕЛОРУССКОСТИ»

## Унийность как основа политической культуры

**Б**еларусь имеет принципиально отличную от России культуру политического обустройства. В этом регионе тяжело создать сильную и устойчивую центральную власть. Практически отсутствует долгосрочный экономический источник такой силы: ни шведских рудников XVI–XVII веков, ни богатств Сибири XVII–XVIII веков, ни осваиваемой причерноморской степи XIX века. В то же время регион между Полесьем и Балтийским морем практически невозможно оккупировать и устойчиво господствовать над ним, опираясь лишь на собственную военную силу. Наконец, этот регион сам по себе не очень привлекателен по сравнению с Балтийским морем и его торговым значением, степью или, повторюсь, Сибирью.

---

Этот регион — всегда зона обширного транзита, который может быть успешным только если будет политически обеспечен согласием на него местного населения.

---

Своего рода локальный Хартленд. Каким бы образом ни возникла власть, которая претендовала на этот регион, ей приходилось устанавливать на данной территории отношения сотрудничества с множеством местных элит, слабо связанных общими интересами между собой. Естественное стабильное состояние политической системы для этого пространства — рыхлая конфедерация, которая время от времени спланивалась для решения региональных задач. В некотором смысле все опустошительные войны в этом регионе — это очередная неудач-

ная попытка военным путем обеспечить контроль новой внешней силы над регионом ради достижения более важной и масштабной геополитической задачи. Такие задачи пытались решать Алексей Михайлович, Карл XII, Наполеон, Вильгельм II, Гитлер... Однако вооруженным путем контролировать этот регион долго нельзя. Местная политическая традиция, которая в состоянии обеспечивать выживание на этой территории и прогресс, — это культура унии, перманентной консолидации региона в контексте более широких объединительных процессов. Если российская политическая традиция — это традиция захвата и покорения, то традиция белорусская и шире балто-славянская, региональная — это стремление объединиться на определенных условиях с сохранением каждым субрегионом своих прав, обязанностей и отличий. Политическая культура белорусов — это прежде всего культура переговоров об очередной унии или уточнении условий уже заключенной унии.

Такие исторические события и персонажи, как коронации князей Миндовга и Даниила, Кревская и Люблинская унии, вся история правления Ягеллонов, Великое посольство Льва Сапегы в Москве, Станислав Понятовский, даже Александр Лукашенко с его курсом на интеграцию с Россией без потери самостоятельности Беларуси — абсолютно логичны в политической культуре и традиции белорусов, но алогичны в культуре и политической традиции русских. И наоборот, совершенно естественно в рамках российской политической и культурной традиции стремление даже нынешней, слабой России вобрать Беларусь в свой состав «семью субъектами федерации», как предложил в 2002 году президент Владимир Путин.

Непонимание российскими интеллектуалами и политиками сути политической инициативы Беларуси относительно союза с РФ без вхождения в состав последней абсолютно естественно, ибо эта инициатива не укладывается в традиционное для Москвы восприятие себя самой как «собирательницы земель» под единым скипетром — сильной централизованной властью. В то же время с точки зрения белорусской политической традиции совершенно нормально стремиться к объединению, но не к растворению в единой стране. Так были организованы Великое княжество, Речь Посполитая и даже отчасти Советский Союз с его союзными республиками.

Россия развивалась в иной политической и географической обстановке, где жизнеспособной оказалась именно культура и традиция

натиска и деспотии, нереальные в Беларуси. То, что называют толерантностью белорусов, — это, как правило, специфическая форма прагматизма, адекватная местной политической среде.

### **Европейскость как постоянный социально-культурный фон**

Белорусы в отличие от русских всегда находились в тесном культурном контакте с западно- и центральноевропейскими народами. Территория современной Беларуси не была завоевана монголами, и на нее не была распространена система баскаков и подушных податей. Напротив, Великое княжество Литовское позднее отвоевывало у татар славянские княжества. Крестоносцы были остановлены преимущественно за счет внутриевропейской дипломатической комбинации с участием католической Польши. Великое княжество в момент своего взлета сумело вовлечь в сферу своего влияния Крым, регион Дона и Южного Буга. Оно оказало помощь гуситам и в той или иной форме приняло участие в ранних войнах с турками на Балканах. Беларусь оказалась в зоне влияния революции цен и стала неотъемлемой частью европейской экономики, для которой в XVI веке район Балтийского моря имел первостепенное значение.

Беларусь испытала реформацию и латинизацию. Города региона были преобразованы по европейскому образцу, и городское население широко пользовалось Магдебургским и иными видами европейского городского права. Уже в начале XVI века был создан письменный свод законов — Литовский статут, который действовал на территории нынешней Беларуси с изменениями и дополнениями вплоть до 1839 года. Шляхетская демократия и правовая культура достигли высокой степени влияния. Многоконфессиональность была нормой с момента возникновения Великого княжества.

Регион Беларуси не знал традиционного для Москвы господства одной церкви — православной. Вплоть до XVII века православие находилось здесь в подчинении константинопольским патриархам. Беларусь не знала православного мессианства (концепция Третьего Рима) и самодержавия, принципиально важных для Москвы. Беларусь не знала эпохи широкой колонизации новых пространств, что было характерно для Москвы и русских.

Беларусь рано освоила книгопечатание. С конца XVI столетия в Вильне существовала иезуитская академия, позднее ставшая университетом. Европейская, преимущественно католическая система образования, католические ордена и протестантские церкви распространили свое влияние на всю территорию Беларуси.

Вплоть до разделов Речи Посполитой крестьянство здесь не знало крепостничества на уровне приписывания к заводам и продажи крестьян отдельно от земли, как это делалось в России. И позднее крепостничество в этом регионе имело формы, отличные от существовавших в великорусских или малорусских частях империи. Деревни были устроены по «европейскому» образцу согласно реформе конца XVI века («Устава на волоки»). Реформа 1861 года в Беларуси носила более мягкий по отношению к крестьянам характер, чем в собственно России.

---

Военная стратегия в регионе Беларуси много веков базировалась на использовании большого количества замков, а не государственных крепостей, как в Московском государстве.

---

Практически все города, обладавшие Магдебургским правом, и частные города были обнесены стенами. Даже относительно небольшое частное владение часто представляло собой укрепленный военный объект. Замки и города должны были сдерживать противника на границе государства, пока внутри страны будет собрано мобильное шляхетское ополчение и наемные войска, которые в маневренной войне разгромят врага. Регулярная армия в регионе Беларуси, как правило, была небольшой и собиралась лишь изредка.

Беларусь не знала территорий, неподконтрольных власти в течение долгого времени, — наподобие Сибири, Дона или Запорожской Сечи. Пространство Беларуси было, как правило, территорией, где господствовало принятое законодательство, тогда как антисистемные вызовы порядку обычно приходили извне. Бунтарский социальный элемент, как правило, был вынужден покидать этот регион.

Очевидно, что в Москве — России многое из перечисленного было иным, даже противоположным. Политическая традиция и культура русских и белорусов сформировались в пространствах, весьма отличных по своей организации.

## «Белорусскость» как технология выживания «тут»

Белорусы много столетий, практически всегда развивались в европейской среде — как один из очень своеобразных и относительно небольших народов. Попытка выстроить в Беларуси политические схемы без учета этого фактора обычно влечет за собою неудачи.

Так, в Беларуси нельзя установить при помощи государства одну, скажем, православную, конфессиональную доминанту. Множество храмов, сохранившихся до сих пор, включая Софию Полоцкую, являются униатскими как по ориентации по сторонам света, так и по архитектуре. И уже сам архитектурный ландшафт будет аргументом в массовом восприятии православного фундаментализма как чего-то не совсем правильного. С другой стороны, значительная часть населения Беларуси в разные исторические эпохи относилась и относит себя к тем или иным протестантским вероучениям. Жесткая поддержка государством одной церкви сразу стимулирует рост числа протестантов за счет оттока религиозно активных людей из покровительствуемой государством же церкви (примеры — Реформация середины XVI века, межвоенная Польша, нынешняя ситуация с баптистами и пятидесятниками).

Любая демократизация или смена режима в Беларуси мгновенно поднимает множество исторически обусловленных вопросов разного масштаба. О собственности на церковные здания. О трактовке многих событий местной истории. О взаимоотношениях между разными культурными группами населения. О роли государства и права в регуляции тех противоречий, которые могут расколоть регион в случае доминирования какой-либо одной радикальной трактовки его истории и культуры.

Русские оказались способны в силу ряда причин стать сердцевиной общества и государства, ставившего перед собою глобальные задачи.

---

Белорусы умеют мыслить себя в контексте большого целого, культура и традиция белорусов позволяет им находить свое место внутри большого политического и культурного организма, не растворяясь в нем.

---

Русские как народ таким опытом практически не обладают. Зато у русского народа есть традиция мыслить себя вселенски, абсолютно, безоглядно бросаясь достигать самые масштабные цели.

Русские обладают относительно непрерывной исторической и культурной традицией, хранителями которой выступают церковь, государство, русский язык, обширное пространство расселения русского народа и его численность. Утрата одного или некоторых из этих факторов, любые трансформации внутри институтов государства и церкви, любые реформы языка не влекут за собою прерывания традиции в целом, ибо одновременно все эти факторы уничтожены или трансформированы быть не могут. В некотором смысле русский народ живет в ощущении времени как вечности, в которой он будет «всегда». У белорусов не один раз могло быть уничтожено все или почти все: язык, государственность, церковь, которой они были привержены в данный момент истории, этническая самоидентификация. Иногда, как, например, во время нацистской оккупации, речь шла о возможности физического уничтожения или прямого порабощения белорусов. Белорусская идентичность неизбежно вобрала в себя осознание возможности гибели и дала на него рациональный ответ — программу выживания и победы во имя выживания. Белорусы не живут в гарантированной «вечности» и вынуждены жить рывками и расчетом. Выходом из такого расчетливого, более «скучного», чем в русской системе ценностей, существования не может быть простой переход к русской самоидентификации.

---

Действительно, русским человеком быть в Беларуси нельзя. Обычные, самые невинные философские размышления в русском духе ставят человека в Беларуси перед угрозой полной неадекватности.

---

Скажем, как определить, какая церковь является у белорусов национальной? Как примирить белорусскую идентичность с ее толерантностью и русскую идеократичность и «имперскость»? Можно ли, живя в Беларуси, резко отбросить в своем сознании деревню, сельские корни? Как, наконец, понять, почему в современной Беларуси может одновременно реализовываться очень «русский» по идеологии политический курс с арестами активистов националистической оппози-

ции и обострением отношений с Западом, и одновременно оказывается очень жестко разгромлен весь спектр русских националистических организаций и СМИ?

Белорусская идентичность в отличие от русской является в основе своей рациональной формой приспособления к окружающей действительности. Беларусь не манифестируется, а постигается. Белорусская националистическая традиция, которая является полным и вполне зрелым аналогом национализмов соседних народов, более ста лет неудачно пытается выстроить «белорусскость» через манифестацию. Неудачи преследуют всех идеологов, которые пытаются увидеть белорусскую идентичность, проявляющую себя через апологетику некой внешней формы культуры — язык, кодифицированный исторический миф, конфессиональный патриотизм. Отдельный разговор, почему это не получается. Но это разговор в значительной мере внутри-европейский, вне русского контекста. Он касается феномена белорусов в контексте европейской общности — поскольку те особенности белорусской истории, культурной и политической традиции, о которых шла речь выше, сближают белорусов и Беларусь со многими народами Центральной и Восточной Европы, но отличают их от русских и России. Манифестационность не свойственна белорусской традиции и идентичности. «Белорусскость» выражает себя скорее через действие, через движение к понятной практической сложной цели.

Здесь даже на индивидуальном уровне нельзя ни доказать, ни реализовать ни одной ассимиляционной идеи и практики. Здесь нельзя долго хранить ни одной культурной формы. Помню, как папа римский, выступая перед толпой в 800 тыс. человек в Вильнюсе, сказал, обращаясь к белорусам по-белорусски: «Не бойтесь себя», то есть храните свою идентичность как ценность. Это европейский контекст белорусской идентичности, но он понятен и через русско-белорусский дискурс: белорусская идентичность не так тесно связана с культурной формой, как русская или европейская. Это также входит в противоречие и с католическим пониманием значения эстетики и красоты, столь важным именно для польского варианта католицизма... Форма никогда не успевает отстояться до своей быстрой гибели. К сожалению или к счастью — это, видимо, закон развития культуры в Беларуси: быстрое прогорание не успевшей созреть культурной формы. Вот и сейчас мы видим, как советская форма белорусской культуры и идентичности также рушится, сменяемая еще не понятными новыми глубокими подвижками. Понятно, ес-

ли бы советская идентичность исчезала, заменяясь под влиянием процесса евроинтеграции ныне стандартным, европейским, либеральным национальным сознанием. Но ведь новая белорусская идентичность является еще и чернобыльской, неведомой остальной Европе...

«Белорусскость» — это, в общем, неверное слово, оно вводит в заблуждение, предполагая понимание принадлежности к Беларуси и белорусам как чего-то самодостаточного, абсолютно ценного, предполагая апологетику формы культуры — а апологетики-то и нет.

---

«Белорусскость» — это скорее технология жизни в данном конкретном регионе. Иногда — это технология выживания. В этом смысле белорус — это «тутэйший», белорусом можно быть, в общем, только в регионе Беларуси.

---

Белорусом можно быть, только сделав сознательный выбор в пользу именно такой формы выживания, жизни посредством «белорусскости», определенные черты, формы и закономерности которой я и попытался описать выше.

Нынешняя эпоха в развитии белорусов — с одной стороны типична для белорусской культуры. В рамках Российской империи в XIX столетии вследствие прекращения разрушительных войн и технического прогресса на территории современной Беларуси произошел демографический взрыв. Численность белорусов резко выросла: примерно в три раза в период после войны 1812 года. Вместе с тем произошла кристаллизация специфичной крестьянской культуры как отдельной по самоидентификации от культуры традиционного правящего класса. Почти вся помещичья земля в Беларуси даже в начале XX столетия принадлежала римско-католической, часто уже польской по самоидентификации шляхте. Фактически Беларусь превратилась в территорию кастового общества: культурно-идентификационные границы между социальными классами были почти непроницаемы. Крестьяне обычно были лояльны царю, и их социальная настроенность против шляхты часто использовалась российской властью для подавления ее антироссийских восстаний. После ликвидации Греко-католической церкви и ее объединения с православной церковью в ходе Полоцкого церковного собора 1838 года крестьяне стали преимущественно православными.



Шляхта в течение XIX века пережила мощную культурную полонизацию и в значительной мере перешла к польской идентичности. Шляхта была преимущественно римско-католической, часто политически антирусски настроенной.

Русского населения в Беларуси почти не было. Города в течение XIX века стали по составу населения преимущественно еврейскими.

Урбанизация, начавшаяся в Беларуси в основном после перехода к массовому строительству железных дорог во второй половине XIX века, привела к притоку в города масс крестьян.

Вместе с урбанизацией в регионе нынешней Беларуси, Литвы, части Украины возникла и развивалась деятельность интеллигентских групп, которые выстраивали свои проекты создания особых наций на базе специфичных крестьянских культур региона.

Из множества такого рода проектов постепенно развились в нечто реальное лишь несколько: литовцы, латыши, украинцы и белорусы, хотя были и другие варианты: кривичи, ятвяги, черноруссы и т. д.

Победа белорусского культурного проекта объясняется скорее всего тем, что он формировался на базе проводившейся самой Российской империей идеологии триединого русского народа. Белорусы понимались как одна из ветвей русского народа. Крестьяне в массе своей уже к концу XIX века усвоили эту относительно новую для них идентичность, наполняя ее в основном официально дозволенной интерпретацией — белорусы как ветвь русских, происходящая от кривичей, и т. д. Эта концепция в Беларуси носила название западнорусизма. Западнорусизм, кстати, не отрицал наличия белорусского языка, но трактовал белорусский язык по-разному: от понимания его как комплекса диалектов русского языка до принятия его в качестве отдельного славянского языка (академик Е. Карский. «Белорусы» и т. д.). Белорусская идентичность пришла на смену более антироссийской вариации идентичности крестьян как литвинов или русинов-униатов.

В конце XIX — начале XX столетия белорусскость стала все более трактоваться частью интеллигенции (часто шляхетской по происхождению) как проявление культуры особого восточнославянского народа. Эта версия стала получать распространение по мере кризиса Российской империи. Социальные и межконфессиональные противоречия на территории Беларуси стали все чаще принимать форму межэтнических противоречий. Возникла белорусоязычная литература, и сформировался белорусский литературный язык.

Крах Российской империи привел и сопровождался кризисом российской идентичности и распространением нероссийских вариантов самоидентификации крестьян на территории Беларуси, Литвы, Латвии, Польши, Украины. Между национальными проектами началась политическая борьба. В ходе этой борьбы белорусы в большей степени, чем другие народы региона, оказались поддержаны советской Москвой.

Советская интерпретация белорусской идентичности представляет собою в значительной степени западнорусизм, который постулирует белорусов как отдельную нацию, а не часть русского народа. Основные постулаты западнорусизма остались в советской интерпретации белорусов неизменными: прародители белорусов — кривичи (добавились дреговичи и радимичи), Полоцкое княжество как первое белорусское государство (добавилось Туровское княжество), белорусы как угнетенный народ Великого княжества Литовского, белорусы как крестьяне, угнетенные поляками до освобождения, происшедшего в ходе уже Октябрьской революции, белорусский язык — язык крестьян, который, правда, был государственным языком в Великом княжестве, национальная мечта белорусов «всегда» — воссоединение с русским и украинским народами в рамках Московского государства.

С большим или меньшим успехом советский вариант белорусской идентичности распространился и на востоке Беларуси в БССР, и на западе, попавшем под власть польского, весьма националистического государства. Наиболее массовой политической организацией западных белорусов оказалась Коммунистическая партия Западной Беларуси (КПЗБ). КПЗБ пронизывала едва ли не все крупные деревни. Политическая, культурная, вооруженная борьба белорусов против Польши в межвоенный период проходила, как правило, в виде поддержки коммунистических или социал-демократических промосковских организаций и идей, под лозунгом воссоединения белорусов в рамках БССР.

В ходе Второй мировой войны Беларусь воссоединилась в рамках БССР и произошла мощная вспышка белорусского национального чувства. Белорусы в целом выступили против нацистов и, как правило, поддерживали советских партизан. Нацисты пытались опереться на несоветскую интерпретацию белорусского национализма, и немалая часть белорусов поддержала нацистов.

---

Война с нацистами превратилась в Беларуси еще и в войну двух типов национальной идентичности: советская белорусская культура противостояла несоветской, формально проевропейской и антирусской интерпретации белорусов.

---

Война в Беларуси была очень ожесточенной, и культурно-политическая поляризация белорусов оказалась очень жесткой, тотальной. В ходе разгрома нацизма сторонники несоветского варианта белорусской идентичности были в основном убиты или покинули страну, составив костяк эмигрантских общин белорусов на Западе. Ненависть победившей версии белорусской культуры к нацистским коллаборантам, как правило, автоматически переносится и на исторические белорусские символы, которые использовались ими, и на все, что связано с несоветским вариантом белорусской идентичности и идеологии, вплоть до литературы и (временами) белорусского языка. Есть и обратное неприятие белорусскими эмигрантами на Западе едва ли не всех сторон жизни Беларуси после войны. Этот раскол нации не преодолен.

На территории самой Беларуси носителей несоветского варианта белорусской идентичности после войны остались буквально единицы. Никакой Западной Беларуси как эквивалента Западной Украины не сформировалось. Западные белорусы, особенно православные, как правило, придерживаются той же советской белорусской идентичности с некоторыми локальными ее вариациями. Белорусское советское культурное наследие стало неотъемлемой частью реально существующей в Беларуси белорусской этнической культуры.

В ходе Второй мировой войны произошла резкая политическая трансформация: погиб почти весь правящий класс, сформировавшийся в довоенной БССР и межвоенной Польше. Было уничтожено почти все городское, оно же в основном еврейское, население. БССР покинули многие поляки. Новый правящий класс сформировался в основном из числа бывших советских партизан и подпольщиков. Для этого правящего класса Вторая мировая война, Великая Отечественная война была неотъемлемой частью социальной культуры и корпоративной идеологии.

Именно «партизаны» добивались и добились инвестиций из союзного центра на развитие в БССР крупных заводов, восстановление и развитие городов, мелиорацию и сверхиндустриализацию. Этот правящий класс по-своему позиционировал себя в Москве. Его внутренняя солидарность и моральная чистота были для бывшего СССР, вероятно, беспрецедентны. Однако, будучи по происхождению крестьянским, этот социальный слой, безусловно, не обращал слишком большого внимания на историческое сознание белорусов, ограничиваясь культом «Беларуси — партизанской республики». Тем более что националистические интерпретации белорусской идентичности как раз обращаются в основном к истории и к языку. Ненависть к националистам-коллаборантам у «партизан» была в общем тотальной.

С другой стороны, свободная от исторических сомнений и споров советская белорусская культура оказалась прекрасно приспособленной к технократическим культурным экспериментам и к созданию сильных институтов государственной власти в БССР. А также — к восприятию прежде всего технических достижений, к быстрой урбанизации и развитию в БССР крупного промышленного производства.

«Партизаны» как социальный слой и основа политического класса послевоенной БССР ушли из жизни естественным путем незадолго до распада СССР. Они не были свергнуты в ходе внутренней культурно-политической трансформации, они состарились и умерли. Однако в рамках послевоенной индустриализации БССР успела сформироваться новая генерация белорусского политического класса: директорат крупных промышленных предприятий и близкие к нему социальные группы.

Советские белорусские хозяйственники также были преимущественно крестьянами по происхождению. Они также совершили своего рода жизненный подвиг сообща: пусть и в тени политической поддержки неграмотных «партизан» они вышли из деревень, получили образование, пробившись в городах, создали и развили «свои» заводы и фабрики, свои колхозы и животноводческие комплексы, институты и университеты. Их технократизм и неглубокая гуманитарная культура, их советская белорусская идентичность были естественны для послевоенной партизанской Беларуси. Никакой культурной революции в белорусскую культуру Слюньков, Соколов или Кебич (лидеры этого социального слоя) не привнесли и не могли привнести.

---

СССР рухнул как раз в тот момент, когда внутри Беларуси генерация хозяйственников успела прийти на смену «партизанам».

---

В коллапс 90-х годов Беларусь вступила с новой генерацией политического класса, которая в общем органично унаследовала страну и культуру от предыдущего поколения людей власти. Никаких крупных внутренних расколов внутри этой генерации не было. Все культурные противоречия регионального или конфессионального плана, даже языкового и этнического, хозяйственники не могут и не склонны рассматривать как слишком значимые.

Нынешние выдвиненцы, «лукашенковцы» — это новая генерация белорусских управленцев и политиков, которая приходит на смену уходящим на покой советским хозяйственникам.

Никаких расколов внутри этой новой генерации также нет, никаких заметных клановых или культурных разделов, никаких неподконтрольных Минску группировок. Это важно понять при всех расчетах белорусских «революций»: после Лукашенко будут «лукашенковцы». Иных управленцев в Беларуси нет. Конфликт между ними и советскими хозяйственниками практически отсутствует. Выдвиненцы-«лукашенковцы» уже органично, в силу смены поколений, переняли власть у советского «директората».

Ничего неожиданного для Беларуси советская интерпретация белорусской идентичности не представляет. Регенерация культуры после очередного опустошения произошла за счет деревни. Новый правящий класс сформировал свою идеологию на базе своей Победы, не вдумываясь слишком глубоко в исторические интерпретации тех событий, которые были «до него».

Спецификой послевоенной белорусской культурной ситуации является неожиданное значение послевоенного белорусского культурного антинацизма. Последовательный антинацизм целой этнической европейской культуры — это редкость. Лишь евреи, создавшие Израиль, могут сравниться с белорусами в неприятии нацизма. Белорусы оказываются в культурном одиночестве в Восточной Европе. Увы, антисоветские и антироссийские интерпретации восточноевропейских культур и идентичностей обычно содержат в себе готовность примирения с традицией коллаборантов и с нацизмом хотя бы в какой-то его части.

Антинацизм белорусов выводит белорусскую культуру за рамки культуры крестьянской, локальной, противопоставляющей себя лишь соседям, готовой удовлетвориться мифами о своей истории и литературой на национальном языке. Последовательный антинацизм программирует осмысление белорусами истории и своего места в ней сквозь ценности большие, нежели примитивный корпоративизм, свойственный националистическим идеологиям, распространенным в Восточной Европе.

Конфликт между национальным «возрождением» 90-х годов и советской белорусской культурой был, помимо прочего, конфликтом между обычным восточноевропейским провинциальным языковым национализмом и культурой, вырвавшейся за рамки регионального мышления. Курс на союз с Россией для белорусской постсоветской культуры столь же органичен и столь же не разрушителен, как стремление сохранить себя в рамках Европейского союза от «русификации» со стороны небольших восточноевропейских национализмов.

Сверхиндустриализация дала белорусской культуре материальную мощь вырваться за рамки восточноевропейской культурной «клетки». Сохранение крупной промышленности Беларуси означает сохранение белорусами преемственности по отношению к своей советской культурной традиции. И напротив, белорусский европейского толка национализм непременно настроен на уничтожение самого фундамента белорусской советской идентичности в виде крупных заводов, технократического мышления и почти эсхатологического антинацизма. Увы, примирение между белорусским национализмом и сильной, националистичной в отстаивании интересов своей страны белорусской властью в нынешнюю эпоху белорусской истории невозможно.

Советская белорусская идентичность — уникальное явление для Восточной Европы. Обычно местные национальные культуры развивались как культуры, противостоявшие России/СССР, во всяком случае манифестировавшие такое противостояние. Антинацизм и советская культурная традиция выводят белорусов на глобальный уровень осмысления своих культурных приоритетов и ценностей, выводят за рамки регионального мышления и вообще за рамки региона.

## Белорусский вирус для России

Происходящее ныне сближение между Беларусью и Россией вновь раскрепощает протестантский очаг в Юго-Западной Беларуси для миссионерской деятельности в России. Об этом факторе в белорусско-российских отношениях часто забывают. А ведь к моменту окончательного присоединения Западной Беларуси к СССР в 1944 году протестанты на востоке были уже 15 лет как почти полностью физически уничтожены или досиживали свое в тюрьмах и лагерях. Лишь в Западной Беларуси и на Украине протестантские очаги еще продолжали существовать.

К моменту распада СССР советская баптистская община (в нее, впрочем, автоматически включали при подсчетах и остальные протестантские деноминации) считалась самой крупной в Европе. В ней было, по разным подсчетам, от 400 до 800 тыс. верующих, и в очень большой степени это были скрытые евангелисты. Не секрет и то, откуда они взялись, — полесские протестанты, сохранившие организационный и людской потенциал в послевоенных лагерях и ссылках, в ходе миссионерской деятельности на просторах СССР сливались с остатками российского протестантизма и разносили свою веру по огромной стране. Советское государство не смогло остановить рост единственной конфессиональной группы — протестантов.

Сегодня средняя западнобелорусская община, существовавшая до 1939 года, имеет порядка 30–40 дочерних общин, созданных ее членами в Восточной Беларуси и Восточной Украине, Казахстане и Средней Азии, Сибири, даже в Туве на границе с Монголией. «Единение» с Россией рискует раскрепостить протестантов, вставших на ноги за годы независимости Беларуси, позволит им вновь двинуться на Россию и наконец заменить в России многочисленных американских и корейских проповедников.

### Положение вещей

По состоянию на 1 января 2005 года в Беларуси зарегистрировано 1315 православных общин (1092 храма), на втором месте протестанты — 983, среди которых только ХВЕ — 482, обошедшая по этому по-

казателю вторую по «историчности» римско-католическую церковь, представлена 433 общинами. Нельзя забывать и то, что, как правило, протестанты характеризуются гораздо большей активностью и актуализацией исповедования своей веры, то есть, проще говоря, «воцерковлены». Таковыми являются если не 90%, то никак не меньше половины общего числа причисляющих себя к этому направлению христианства. Аналогичный показатель в православной среде не превышает 1%. Весьма значительная часть из числа «исторически исповедующих православие» попадает под ту категорию, к которой относит себя и глава государства, — «православные атеисты». Близкая к этому ситуация и в католической церкви. Естественно, такая ситуация не может не оказывать парализующего действия на «исторические церкви». Положение усугубляется и тем, что конфессиональная самоидентификация как «православного» или «католика» очень часто играет роль своего рода «бренда», указывающего на определенную национальную и даже политическую направленность.

---

Наблюдается вполне понятная прогрессирующая тенденция — чем более «расцерковлено» религиозное сообщество, тем легче оно позволяет себе числить в своих рядах случайных людей, что, в свою очередь, еще больше расцерковляет его.

---

Вероотступничество выражается в том, что от имени Церкви позволено говорить и действовать чуждым и даже враждебным к ней людям. При этом «церковные люди» это варварство склонны от души приветствовать как некую милость, как знак «возросшего авторитета церкви». При этом у «внешних» по отношению к церкви людей культивируется совершенно ложное ощущение, что «церковники наращивают влияние» и вот-вот «заставят молиться». Таким образом, церковь оказывается в двойном проигрыше — она выхолащивается изнутри и настраивает настороженность снаружи.

В этом смысле показательна история с принятием нового закона «О свободе совести и религиозных организациях». Многим показалось, что это уж точно «милость». В законе провозглашается особенная роль православия, а за ним и других «исторических» религий. Интересно, что среди протестантских деноминаций «историчный»



статус придан наименее влиятельной и «разбавленной» — лютеранству. Прочее протестантство, несмотря на то что оно по общественной значимости уже на равных конкурирует и с православием, и с католичеством (а возможно, и поэтому), не удостоилось упоминания среди конфессий, «сыгравших историческую роль».

Вольно или невольно такими актами укрепляется всякого рода «религиозный атеизм» и поверхностное восприятие религии как своего рода «культурного» феномена, в котором важны только «традиции», под маркой которых часто культивируются откровенные предрассудки и языческие ритуалы. Церковь буквально разлагается изнутри.

Может показаться, что хоть в чем-то, но, например, православная церковь выиграла — с государством заключено общее «рамочное» соглашение и еще 14 различных программ сотрудничества с ведомствами и министерствами — от силовых до образования и даже туризма и спорта. Некоторые из этих программ завершаются уже в 2005 году. Но реальных плодов «сотрудничества» не видно. Более того, в некоторых сферах, связанных с идеологией (образовании, например), религиозное влияние становится все более «неуместным», поскольку даже в самом урезанном виде не вписывается в активно реанимируемые советские схемы идеологизации воспитания.

Политику нынешнего руководства Белорусской православной церкви в отношениях с государством и внешним миром можно смело считать проваленной. Оно полностью предалось воле властителя и безропотно принимает все шаги власти, в том числе и по ограничению церкви. Изгнание из школ (по новому закону воскресным школам отказано в аренде помещений общеобразовательных учреждений), жесткие условия для разрешения строительства новых храмов (необходимо наличие на руках средств, составляющих больше половины сметной стоимости храма), многократное увеличение налога на землю, легшего ощутимым и зачастую непосильным бременем на приходы. Лишь иногда проскальзывает робкое «печалование» среди общего тона приветствий на праздничных мероприятиях церковно-государственного характера, но это «печалование» остается безрезультатным. Ведь всем видно, что у нас в отношениях церкви и государства «все хорошо». Зачем же еще что-то предпринимать?

Если говорить о других «национальных» особенностях религиозной жизни в Беларуси, то принято упоминать об униатской ветви католичества и автокефальном православии. Быть может, такое внима-

ние к этим факторам обусловлено близостью к Украине. Так или иначе, но означенные ветви христианства в Беларуси играют мизерную роль. Греко-католическая церковь некогда охватывала до двух третей населения, но было это слишком давно — с 1596 по 1839 год. Соответственно в отличие от Украины память о ней практически умерла. Униатство оказалось в парадоксальном положении: с одной стороны, нечто никому не известное и новое, а с другой — претензия на «народность» и национальные корни. В начале 90-х наблюдались активные шаги по возрождению униатства как «национальной церкви» белорусов — без большого успеха, и похоже, что даже римское католичество оказалось более привлекательным в качестве такой «новой» религии. На текущий момент в Беларуси зарегистрировано всего 13 общин греко-католиков.

Вокруг православия тоже затевалась известная интрига с автокефалией, но она оказалась еще более бесперспективной, чем возрождение униатства. Здесь тоже делался акцент на идее «национальной церкви». Быть может, на этой волне и можно было кого-то привлечь, если бы не слишком уж нарочито бросающаяся в глаза немощь белорусской автокефалии, да еще раздробленной на враждующие группировки с откровенно «самосвятской» иерархией. В сколько-нибудь приемлемом виде «автокефалы» сохранились только за рубежом. Откуда периодически грозят «походом на Минск». Видимо, в ответ на это и принято уникальное решение — зарегистрировать за Белорусской православной церковью МП «коллективное право собственности» на использование названия «православный» и его производных. Но, как кажется, это преувеличенные опасения. Во всей стране не найдется и одной пусть незарегистрированной, но ощутимо представительной общины.

Таким образом, протестантское движение в РБ, да и во всей Средней Европе обречено на успех. Ничто в ближайшие 10–15 лет не может остановить его рост. Рост неопротестантизма — это своеобразное, часто изолированное от культурного мейнстрима движение. Но тот культурный вызов, который несут своим культурам неопротестанты, настолько неожидан и сложен для них, что при политической разбалансировке региона неопротестанты могут взрывным путем приобрести очень заметное политическое значение. Возможно, перед нами новая форма эволюции части культурного пространства Беларуси, подчиняющаяся более общим закономерностям, нежели рассмотрен-

ные нами. В любом случае рост протестантизма способствует укреплению белорусского государственного организма и уже тем самым создает предпосылки к геополитической стабилизации всей Средней Европы как комплекса стран, не входящих в состав некоего большого образования ни на Западе, ни особенно на Востоке.

Не исключено, что формирование в РБ устойчивого мультиконфессионального общества с заметным присутствием протестантского делового и политического элемента в правящей белорусской элите займет все время внутренней миграционной стабилизации региона. Тогда настанет новая фаза в развитии неопротестантизма, которая может представлять собой попытку распространения этой конфессиональной группы, опираясь на Беларусь, за ее пределы. Вероятно, прежде всего в виде помощи неопротестантам России.

С другой стороны, миграционная и экономическая стабилизация Средней Европы, дальнейшее углубление европейской интеграции может потребовать отказа местных обществ от национальных идеологий, основанных на языке, историческом самосознании и государственности. Процесс европейской интеграции заставит перейти к новым, наднациональным идеологиям и модернизировать традиционные национализмы. Вполне вероятно, что тогда одним из «подарков» Средней Европы Европейскому союзу может выступить эта сегодня достаточно экзотическая и локальная конфессиональная группа и субкультура неопротестантов.





ГЛАВА ВТОРАЯ

# **ЭКОНОМИКА. СВЕРХИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ**



# СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ

## Между Балтийским и Черным морями

**Ф**актически перед распадом СССР в Беларуси свершился не только процесс индустриализации западной части республики, но и внутренний культурный переворот, когда в обществе стали преобладать выходцы из тех регионов, которые достаточно поздно вошли в состав СССР и сохранили высокую степень культурного отличия от населения Восточной Беларуси. Безусловно, что изменение демографического соотношения культурных групп белорусов влекло и влечет за собою постепенную утерю былого влияния представителей восточнобелорусских региональных элит и рост влияния «западников». Этот общий фоновый показатель позволяет оценить степень потенциальной разрушительности межрегиональных отношений в Беларуси как достаточно высокий. К тому же межрегиональная или, иначе говоря, внутренняя культурная трансформация белорусского общества пришлась как раз на время экономического кризиса, связанного с распадом СССР, когда заметно ослабела консолидирующая роль Восточной Беларуси в силу сокращения промышленного производства. А также в силу нового специфичного фактора межрегиональных взаимоотношений — последствий аварии на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года.

По мере быстрого развития транспортных коммуникаций Восточная Беларусь оказалась в очень благоприятной ситуации для развития именно крупного промышленного производства:

- Восточная Беларусь располагалась на важнейших, все более растающих по мощи коммуникациях между Москвой, центральными районами СССР и самыми развитыми в экономическом отношении восточноевропейскими союзниками СССР: Польшей, ГДР, Чехословакией;
- через Восточную Беларусь проходила основная коммуникационная линия между Ленинградом и Украиной;
- меньшее, но все же заметное значение имело расположение Восточной Беларуси на коммуникационных линиях между Ригой и другими балтийскими портами и Украиной, украинскими портами;
- Восточная Беларусь оказалась близко расположена к Московской агломерации, чтобы развиваться в значительной мере в ее контексте и под ее влиянием, но в то же время не истощаться, подобно окружающим Москву русским областям, население которых стремилось уехать в Москву.

По сути, можно сказать, что после ликвидации Восточной Пруссии и переориентации экономических связей внутри Восточной Европы на континентальные магистрали Беларусь стала играть для региона между Полесьем и Балтийским морем примерно ту же роль, которую ранее играла Восточная Пруссия. Именно Беларусь, прежде всего Восточная Беларусь, стала естественным транспортным, промышленным, в некотором смысле культурным и политическим ядром региона. Новое экономическое районирование Восточной Европы было следствием развития СССР и связанной с ним экономической и политической систем. Беларусь, став «советской Восточной Пруссией», зависит от существования огромного единого пространства на востоке не меньше, чем Восточная Пруссия зависела от папноевропейского тыла.

Вся система региональных процессов в Восточной Европе, сделавшая возможным и стабильным послевоенный взлет БССР из пепелища, связана с существованием крупного, интегрированного социально-экономического, культурного, политического пространства на востоке. Это пространство было заинтересовано во взлете БССР и сделало возможным этот взлет. Крах этого пространства рискует повлечь за собою крах всей системы внутрирегиональных взаимоотношений и изменение роли разных регионов, падение роли Беларуси в частности.



---

Беларусь — та страна региона между Полесьем и Балтийским морем, которая более всего получила от эпохи существования СССР и потому более всех остальных стран заинтересована и в сохранении крупного социально-экономического образования с центром в Москве, и в глубокой интеграции всего региона, где расположена Беларусь, с этим москвоцентричным пространством.

---

Ограничимся констатацией: основные инвестиции были направлены на восстановление разрушенного войною народного хозяйства Беларуси. Это означало в первую очередь восстановление восточной части БССР. Западнобелорусские области в первые послевоенные десятилетия заведомо оставались второстепенным регионом БССР, индустриальное развитие которого откладывалось на более поздний период.

Аналогично были определены тенденции развития Украины: основные инвестиции после войны были сконцентрированы на востоке и в центре Украины. Восточная часть Украины и прилегающие области России к концу 80-х годов XX столетия превратились в регион беспрецедентной концентрации крупной промышленности. Около половины промышленного производства СССР к моменту его распада сосредоточилось в этом регионе. Западная Украина развивалась гораздо более медленными темпами. К моменту распада СССР в Западной Украине на те же 10 млн. населения, что проживали в Беларуси, приходился лишь один город с численностью населения в 800 тыс. человек — Львов и три города с населением примерно в 300 тыс. человек: Ровно, Луцк, Черновцы. Около половины населения Западной Украины проживало к концу 80-х годов в деревне, что примерно соответствует уровню урбанизации в тот момент экономически отсталой Западной Беларуси. Причем в отличие от Западной Беларуси в Западной Украине сельское хозяйство не было ни высоконцентрированным, ни высокоразвитым.

Образовалась важная для понимания послевоенных белорусско-украинских культурных процессов ситуация на западной границе двух республик: с белорусской стороны к границе примыкали мелиорированные регионы с самым высоким в БССР уровнем жизни на селе, и

там после войны произошел мощный демографический взрыв. С украинской стороны к белорусской границе подходила территория с самым низким уровнем жизни в Украине, с высоким уровнем скрытой безработицы, с гораздо большими массивами неосушенных болот и худшими коммуникациями. Массы западных украинцев из полесских районов искали и ищут работы в белорусских колхозах и широко переселяются в западнобелорусскую деревню, как, впрочем, и в города.

Однако тот факт, что естественной границей Беларуси и Украины выступает Полесская низменность, влечет за собою в целом небольшое взаимное притяжение между прилегающими к границе районами Украины и Беларуси. Со стороны Украины к Беларуси прилегают относительно редконаселенные территории, которые не могут дать слишком большого миграционного притока в белорусские города. Со стороны Беларуси на западе расположены небольшие города, самым крупным из которых является Брест, лишь недавно достигший 300-тысячного населения. Местные белорусские города не могут выступить слишком значительными центрами притяжения украинского сельского населения. На восточной части белорусско-украинской границы расположены более крупные белорусские города, но здесь же находятся и крупные украинские центры, включая Киев. Украинские города естественно оттянули в первые послевоенные годы основную часть восточнополесского сельского миграционного потенциала к себе.

Регион севернее Полесья и регионы Украины южнее Полесья развивались в послевоенные годы, мало пересекаясь. Взаимодействие с Украиной играло и играет для Беларуси меньшее значение, чем взаимодействие с Прибалтийскими странами, Польшей и особенно регионами Московской и Ленинградской агломераций.

Уже в первые послевоенные десятилетия Польша включила в себя примерно 40% освобожденных от населения и частично разрушенных бывших немецких территорий, которые полякам было необходимо заселить и освоить. Восточные районы Польши в своем развитии затормозились. Преимущественно на запад Польши ушла миграция этнических поляков из Западной Беларуси, Западной Украины, Литвы и Латвии, которую допустил Советский Союз в середине 40-х годов (свыше одного миллиона человек). На запад же были переселены украинцы с восточных приграничных территорий Польши. Заселение поляками освободившихся от украинцев земель вдоль границы с СССР

проходило медленно, в основном за счет естественного прироста. Таким образом, освоение западных польских земель сопровождалось оттоком не менее двух миллионов человек из разрушенных в ходе войны территорий по обе стороны советско-польской границы.

Белорусско-польская граница делится слабо населенной обширной Беловежской пущей на два массива: в районе Бреста и в районе Гродно — Белостока. Выселение украинцев обезлюдило с польской стороны южный участок приграничных земель. Развитие северного участка в значительной мере определялось характером освоения Польшей и Советским Союзом бывшей Восточной Пруссии. После выселения немцев из Восточной Пруссии ни Советский Союз, ни Польша не стали восстанавливать Восточную Пруссию в качестве важного социально-экономического региона. Из примерно 900 тыс. человек, составляющих население Калининградской области России, ныне около половины сосредоточены в городе Калининграде и близком к нему Балтийске. В деревне в Калининградской области проживает около 20% населения. Основные порты области имели закрытый военный характер и мало использовались в интересах развития экономики. По сути, Калининградская область РСФСР представляла собой систему обеспечения крупной воинской группировки и нескольких баз Балтийского флота СССР.

Примерно такой была и послевоенная политика Польши относительно западной части Восточной Пруссии. Польша развивала свою часть Восточной Пруссии медленно, сосредоточившись на развитии прилегающих к ГДР бывших немецких земель. С юга к польской части Восточной Пруссии прилегает традиционно слабо развитая болотистая и лесистая зона Мазурских болот. Этот регион Польша после войны использовала в основном как зону притока мигрантов для освоения бывших немецких территорий и крупных городов. Заметных инвестиций «на Мазурах» также не было.

---

В течение первых послевоенных десятилетий обширная полоса польских и советских территорий от бывшей Восточной Пруссии до Карпат превратилась в зону замедленного экономического развития, в источник миграционных ресурсов для более развитых и динамичных регионов Польши, БССР, УССР.

---

Прибалтийские республики бывшего СССР развивались неравномерно и также заметно медленнее Восточной Беларуси, Восточной Украины, Западной Польши. К моменту распада СССР вся советская Прибалтика, включая Калининградскую область РСФСР, представляла собой регион, примерно равный по площади БССР и примерно с таким же числом жителей, как в Беларуси — около 10 млн. человек. При этом в Прибалтике имелся лишь один город с численностью населения около 800 тыс. человек — Рига, четыре города насчитывали 300–500 тыс. жителей: Таллин, Вильнюс, Каунас, Калининград. В деревне в целом проживало около трети жителей Прибалтики. Степень урбанизации и экономического развития Прибалтики резко уступала показателям БССР и лишь немного превосходила показатели Западной Украины, сопоставимой с Прибалтикой по территории и населению.

---

К моменту распада СССР западная часть Беларуси по уровню своего социально-экономического развития примерно соответствовала Прибалтике, но превосходила Прибалтику по степени индустриализации сельского хозяйства.

---

Внутри советской Прибалтики, так же, как в БССР, выделялись территории с разным характером и уровнем развития. В Латвии и Эстонии уже с 50-х годов концентрировались инвестиции из союзного центра, развивались крупные заводы и города. При этом значительная часть рабочей силы для работы на крупных промышленных предприятиях привлекалась из прилегающих к этим республикам районов Беларуси и России.

Латвия и Эстония обладали важными балтийскими портами, которые использовались в нуждах советской экономики как северные морские выходы для предприятий белорусской, украинской и российской промышленности. Эти республики располагались относительно близко от Московской и Ленинградской агломераций и развивались в значительной степени в контексте этих агломераций. По характеру своего социально-экономического развития Латвия с Эстонией напоминали Беларусь, однако степень их индустриализации была ниже, чем в восточной Беларуси. И в Латвии, и в Эстонии столицы превратились в центры, подавляющие остальные населенные пункты.

Литва развивалась по иному пути, нежели Латвия и Эстония. По площади территории и населению Литва составляла почти половину территории и населения советской Прибалтики и около 40% территории и населения БССР. Численность литовцев превышает численность латышей и эстонцев вместе взятых. Однако в Литве крупные промышленные производства не развивались в такой степени, как в Латвии и Эстонии, степень концентрации промышленности была относительно невысока, столица не довлела над всей республикой. В столице Литвы проживало к моменту распада СССР около 500 тыс. человек. В Каунасе — около 400 тысяч. Третий по величине город Литвы Клайпеда — около 200 тысяч. Сельские жители составляли в Литве около трети населения. Остальные жители проживали в основном в небольших городах. Небольшие города Литвы, как правило, имели своим ядром градообразующее экспортное промышленное предприятие: Мажейкяйский НПЗ, Алитусские химические производства, Игналинская АЭС и т. д. Однако доля экспортной продукции промышленности Литвы уступала аналогичным показателям БССР.

Сельское хозяйство Литвы было высоко индустриализовано. Основные показатели сельского хозяйства Литвы примерно совпадали с показателями Западной Беларуси. Однако в Литве не было аналога мелиоративных систем Полесья. Мелиорация, которая широко применялась в Литовской ССР, носила менее глубокий характер, чем в БССР, не сопровождалась коренным изменением характера природного ландшафта обширных регионов. Если искать аналогию Литве, ближе всего к ней по основным показателям была примерно равная ей по территории и численности населения Западная Беларусь. Степень урбанизации Литвы была немного выше Западной Беларуси, но степень концентрации производства в сельском хозяйстве за счет белорусских мелиоративных систем — ниже.

Другое важное отличие Литвы от Западной Беларуси — ее невысокое транзитное значение. Транзит на Калининградские порты имел скромное значение. Клайпедский порт также не разворачивал экономику страны к морю. По сути, Клайпеда была портом для каботажного плавания по Балтийскому морю. Примыкавшая к замороженной в своем развитии бывшей Восточной Пруссии Литва оказалась медвежьим углом Восточной Европы, единственной республикой или страной Восточной Европы, которая к моменту распада СССР обладала относительно равномерной системой расселения. Небольшие литов-

ские города не могли выступить притягательными центрами для широкомасштабной миграции из Беларуси и России. Серьезным отличием Литвы от остальных частей региона по обе стороны советско-польской границы являлась невысокая миграция литовских крестьян за пределы республики.

В послевоенные десятилетия регион между Балтийским и Черным морями прошел два крупных периода в своем развитии. Первый период, с 1944 по 60-е годы, — восстановление хозяйства, разрушенного в ходе Второй мировой войны. В этот период сложилась неравномерная система расселения в странах региона и выделилось несколько микрорегионов с высоким уровнем развития промышленности и городов: Восточная Украина, Восточная Беларусь, Западная Польша. В 60-х годах параллельно с ростом индустриальных регионов развернулась быстрая индустриализация и развитие городов в Западной Украине, Западной Беларуси, Прибалтике, Восточной Польше. В ходе этого периода БССР, УССР, Польша, в меньшей степени Прибалтийские республики начали переход к равномерной системе расселения.

Завершение этого периода должно было состояться в рамках программы «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года», принятой XXVI съездом КПСС, и ее новой редакции, принятой XXVII съездом на 1986–1990 годы и на период до 2000 года.

Экономический рывок региона между Черным и Балтийским морями в 60–80-х годах был следствием в основном внешних факторов. Регион попал в благоприятные стратегические условия, вызванные ростом цен на углеводородное сырье и началом широкомасштабного экспорта западносибирских нефти и газа в Европу. На этот момент надо обратить особое внимание. Широкомасштабное использование Европой российской нефти и газа повлекло за собою радикальное изменение характера экономического районирования всей Евразии. Центр нефте- и газодобычи Советского Союза сместился из Закавказья — Поволжья в Западную Сибирь. Экспорт нефти и газа составил очень важную компоненту внешней торговли СССР. Регионы, оказавшиеся на пути экспортных трубопроводов, получили дополнительный мощный стимул развития.

Фактически в 60-х годах, параллельно с освоением западносибирских месторождений нефти и газа, закончилось развитие Советского Союза как самостоятельной и самодостаточной экономической систе-

мы. На смену автаркии сталинского СССР пришла интеграция советской экономики в мировую экономику посредством, в первую очередь, поставок на мировой рынок углеводородного сырья.

Основным потребителем советского сырья стала Европа. Экономическая система Евразии, по мере наращивания советского углеводородного экспорта, приобретала все более именно европоцентричный характер. Прежнее советское экономическое районирование меняло характер, значение традиционных советских индустриальных регионов и агломераций падало. Увеличивалась технологическая зависимость СССР от европейских стран. Польша, Чехословакия, ГДР превратились в интегрированный индустриально-технологический комплекс, во многом альтернативный восточноевропейскому индустриальному ядру и традиционным советским индустриальным регионам.

Именно в Восточную Европу осуществлялось быстрое перемещение заметной части индустриально-технологического ядра всей огромной экономической системы СЭВ. Разумеется, наукограды и объекты, наиболее важные для обороны СССР и СЭВ, по-прежнему находились в основном в России. Но рядом с традиционным индустриально-технологическим ядром уже возникло новое явление — восточноевропейский комплекс научно-индустриальных структур, важных для всего СЭВ. Не существовало некоей целенаправленной политики по формированию в Польше или Чехословакии нового ядра всего «социалистического содружества» вместо, скажем, восточноевропейского индустриального очага. Имело место прагматичное использование новых возможностей для экономического роста, образовавшихся вследствие освоения Западной Сибири.

---

Все восточноевропейские страны в 60–80-х годах развивались однотипно. Советский Союз наращивал поставки им углеводородного и иного сырья, а западноевропейские государства широко кредитовали восточноевропейцев, инвестируя в основном в развитие перерабатывающей промышленности.

---

В течение 70-х годов восточноевропейцы получили кредитов и инвестиций примерно в одной пропорции: около 1 млрд. долларов на 1 млн. населения. Фактически происходила быстрая внутренняя

производственно-технологическая интеграция стран ЕЭС и европейских участников СЭВ. Геополитическое значение этой внутренней европейской интеграции было важнее интеграции внутри СЭВ. Восточноевропейские социалистические страны, сближаясь с западноевропейскими странами, становились элементами более мощного индустриально-технологического организма, нежели тот, который поддерживал существование СССР. Транзитные трубопроводы, проходившие по территории восточноевропейских стран, дополнительно стягивали в единое целое эти страны и страны Европейского экономического содружества. Внутри всей Евразии складывалась новая система неэквивалентного обмена, где индустриальным ядром выступала интегрированная Европа, а сырьевой частью — пространство СССР.

Однако в целом индустриальный комплекс Украины и глубинных районов СССР развивался, работая на поддержание самостоятельной экономической системы СССР. В Москве, Донбассе или Кривом Роге развивалась в основном уже сложившаяся там технологическая культура. Существующая много десятилетий инфраструктура вокруг традиционных индустриальных центров также поддерживала устойчивое независимое экономическое пространство государства с центром в Москве.

Для БССР также важна географическая близость к Московской агломерации. Развитие коммуникаций между Россией и Европой автоматически усиливало, и усиливает ныне вовлеченность Беларуси в контекст развития Московской агломерации. Обычно свыше 30% торговли РБ и РФ приходится на Москву.

Парадоксальная, конечно, ситуация: усиление интеграции России и Европы влекло и влечет за собою усиление европейских стимулов для развития белорусской экономики, особенно экспортной промышленности: новые коммуникации через Беларусь, все большие объемы углеводородного сырья, проходящего через белорусскую территорию. Одновременно те же факторы втягивают Беларусь в производственную кооперацию и экономическую интеграцию в основном на востоке прежде всего в Москве. Глядя на индустриальный, а не сырьевой характер белорусской экономики, кажется логичной интеграция Беларуси прежде всего в Европу. И все же, в силу одного только притяжения Московской агломерации, Беларусь может сохранить индустриальный облик своей экономики и далее, не втягиваясь слишком глубоко в производственную кооперацию на западе.



Интеграция России и Европы усиливает заинтересованность белорусской экономики в российском экономическом пространстве. Европейская интеграция превращает белорусскую промышленность в элемент неэквивалентных отношений внутри России, где Беларусь выступает в роли части того полюса, который нависает над внутренней российской «Африкой» сырьевых регионов. Усиление белорусско-российского экономического сотрудничества по мере европейской интеграции — естественный процесс субрегиональной европейской интеграции, а не попытка выстроить противостоящую Большой Европе геополитическую целостность со столицей в Москве. Альтернативная Большой Европе конфигурация на востоке — это только такая конфигурация, в составе которой находятся Россия и Восточная Украина.

---

Конфигурация Беларусь — Россия не имеет антиевропейской потенции. Белорусско-российское сближение в ходе европейской интеграции — всего лишь местная особенность формирования Большой Европы.

---

При всей неожиданности этого уникального обстоятельства надо принять его как элемент белорусского феномена, как одно из локальных правил, по которым развивается Беларусь.

К середине 90-х годов XX столетия социально-экономическая система региона между Балтийским и Черным морями должна была перейти в качественно новое состояние. Этот переход не состоялся в силу ряда причин, но его параметры мы хорошо видим на основании уже упоминавшихся программных документов КПСС. В случае выполнения этой программы и сопутствующих процессов в Польше почти исчезала слаборазвитая полоса, состоявшая из Прибалтики, бывшей Восточной Пруссии, Западных Беларуси и Украины. Вместе с исчезновением этой полосы истощался местный демографический ресурс индустриального развития и, по сути, завершалась послевоенная урбанизация и индустриализация региона.

Попробуем вообразить себе, что Польша, ГДР, Чехословакия, Беларусь, Украина, Прибалтика не потеряли, а нарастили свою промышленность в 90-х годах. Это бы потребовало обязательного быстрого освоения Ямальских и туркменских месторождений газа, северных месторождений нефти, проведения новых трубопроводов из России и

региона Каспия в Европу. Вероятно, потребление основных энергоресурсов в регионе выросло бы не менее чем наполовину, как и их транзит через Украину и Беларусь. Новые АЭС дополнительно усиливали бы местную экономику и придавали ей устойчивость. Калининград, Клайпеда, Вентспилс стали бы крупными гражданскими портами, стимулирующими развитие припортовых регионов и связи между странами, расположенными у берегов Балтийского и Черного морей.

Регион выглядел бы совсем неплохо и при сравнении с развитыми странами Западной Европы. Интеграционные процессы между западноевропейскими развитыми государствами и достаточно развитыми восточноевропейскими соседями влекли за собою очень быстрое появление сообщества европейским стран, обладающего общими социально-экономическими структурами. Эта новая европейская общность имела потенциал очень быстро стать ведущим экономическим пространством, естественным центром и для экономической системы Советского Союза.

К середине 90-х годов предстояло выработать новые большие проекты уровня мелиорации Полесья, которые бы усилили внутренние производственные связи между разными частями региона и позволили использовать его потенциал более эффективно. Некоторые из этих новых проектов просматривались уже в начале 80-х годов: развитие портов на Балтийском море, завершение мелиорации Полесья, что позволяло полностью убрать географическую полосу, разделяющую инфраструктуру региона на две части, превращение радиоэлектронной промышленности в одну из основных для базовых отраслей региона, что позволяло именно посредством этой отрасли выйти на глобальный уровень в начинавшейся информационной революции. Производство мобильных АЭС как одной из основ местной атомной промышленности.

Именно на этой стадии в регионе произошел ряд событий, которые прервали его плавное развитие: чернобыльская катастрофа, коллапс Советского Союза, создание Европейского союза. Каждое из этих событий сохраняет свое влияние на регион и на Беларусь. Это влияние долгосрочное и глубокое.

Чернобыльская катастрофа привела к образованию обширного региона экологического бедствия на стыке границ Беларуси, Украины и России. На ликвидацию последствий аварии были брошены громадные средства, которые в иной ситуации были бы инвестированы в

развитие производственных проектов. В обществах трех стран распространились антиядерные, даже антииндустриальные настроения и страхи, что затормозило развитие многих важных производственных проектов. Прежде всего стало невозможно строительство новых атомных электростанций, объективно необходимых региону.

---

Распад Советского Союза привел к появлению устойчивых границ, препятствующих миграции сельского населения Беларуси в другие бывшие республики СССР, прежде всего в города Литвы и Латвии.

---

Традиционно избыточное сельское население приграничных районов ориентировалось на миграцию в близкие крупные города — Вильнюс и Даугавпилс. Ныне эта возможность отсечена, а миграционный потенциал северо-западных сельских районов Беларуси сохранился. Отсюда повышенное миграционное давление на белорусские города из сельских регионов вдоль границы с Литвой и Латвией. Эта проблема имеет немалую культурно-политическую специфику: население вдоль границы с Литвой и Латвией — преимущественно католики, которые обычно считают себя поляками, и поляки. При каких-то обстоятельствах приход значительных масс сельских мигрантов-поляков в Минск или, например, в Гродно способен привести к осложнению отношений между поляками и иными культурными группами городского населения Беларуси, к трансформации культурно-конфессиональных групп в клановые группировки, культурные общины и к их уже организованному противостоянию.

## Советское наследство

Каждая страна бывшего СЭВ, каждая республика бывшего СССР подошла к распаду СССР с собственным, специфическим советским наследством. Беларусь получила от Советского Союза уникальную, беспрецедентную для бывшего Советского Союза и Восточного блока социально-экономическую структуру. Уникальность советского наследства является одним из ключевых факторов, определяющих политику Беларуси до сих пор.

Этой уникальной особенностью являются в первую очередь структура и значение белорусской промышленности для небольшой страны (см. табл. 5).

Таблица 5

Белорусская экономика в 1991 году

Показатели	1991
Промышленность	
Продукция промышленности (в текущих ценах), млрд. руб.	91,9
Производство потребительских товаров (в отпускных ценах), млрд. руб.	45,6
В том числе:	
продуктов питания	16,3
алкогольных напитков	3,2
непродовольственных товаров	26,1
из них товаров легкой промышленности	13,4
Сельское хозяйство	
Продукция сельского хозяйства	
(всех категорий; в текущих ценах), млрд. руб.	30
Площадь сельскохозяйственных угодий, млн. га	9,3
В том числе:	
пашня	6,0
Число фермерских хозяйств (на конец года), тыс.	0,8
Закрепленная за ними земельная площадь, тыс. га	16,5
Поголовье крупного рогатого скота (на конец года), млн. голов	6,6
В том числе	
коровы	2,3
свиньи	4,7
овцы и козы	0,4
Строительство	
Инвестиции в основной капитал за счет всех источников	
финансирования, всего, млрд. руб.	16,0
Инвестиции в основной капитал за счет всех источников	
финансирования на душу населения, тыс. руб.	1,6

Подобно большинству остальных союзных республик бывшего СССР, максимальный уровень производства был достигнут Белару-

сию в 1990 году. К этому году республика обладала промышленностью, которая отправляла за пределы БССР примерно 80% всей производимой продукции. Ни в одной стране бывшего Восточного блока доля экспорта в промышленном производстве не была столь высока — в Чехословакии за пределы страны уходило около 60% продукции промышленного производства, что считалось очень высоким уровнем.

Среди республик бывшего СССР по этому показателю с Беларусью могла сравниться лишь Армения, у которой столь высокий уровень экспортного производства образовался в силу расположения на ее территории лишь нескольких крупных производств, определивших лицо промышленности, — Армянской АЭС прежде всего.

---

Среди союзных республик Беларусь занимала по промышленному производству третье место после РСФСР и УССР, постепенно уступая почетное третье место Казахской ССР, обладающей большими населением, природными ресурсами и территорией.

---

Белорусская промышленность отличалась очень высокой концентрацией производства: около половины всех занятых здесь приходилось на предприятия, где насчитывалось свыше 500 человек персонала. Всего в промышленности было сосредоточено около половины всех занятых в народном хозяйстве Беларуси. Это очень значительный показатель. В развитых странах Европы, прошедших через структурную перестройку своих экономик в ходе перехода к постиндустриальному развитию, доля занятых в секторе услуг поднялась примерно до 60% населения, в то время как доля занятых в промышленности составляет до 15% занятых.

Белорусская промышленность, по сути, была представлена несколькими десятками крупных объединений вокруг головного предприятия, определявшего основные характеристики всей отрасли. Среди них:

- Минский тракторный завод (самый крупный тракторный завод в СССР, в 1990 году произвел около 100 тыс. тракторов). В производство тракторов были так или иначе вовлечены до 100 тыс. человек;

- Минский автомобильный завод (в 1990 году произвел около 40 тыс. грузовых автомобилей). Свыше 10 тысяч занятых;
- Белорусский металлургический комбинат в г. Жодино. Свыше 10 тысяч занятых;
- ПО «Интеграл», производитель элементов и микросхем. Свыше 10 тысяч занятых;
- Белорусский автомобильный завод, БелАЗ. Один из крупнейших в мире производителей большегрузных грузовых автомобилей.

Белорусские экспортные предприятия были мало заинтересованы в экономическом пространстве БССР. Их выживание, их развитие зависело от успеха на экономических пространствах, расположенных вне Беларуси.

Белорусская промышленность отличалась очень высокой долей промышленной кооперации с предприятиями, расположенными вне Беларуси — в основном в России. Около 80% комплектующих для промышленных гигантов завозилось в БССР извне.

Гиганты возникли в БССР не вследствие перехода на более высокий уровень развития местных промышленных производств, они были размещены на территории республики по соображениям союзного центра. Их интеграция в экономическое пространство самой БССР была минимальна. Так, БССР не нуждалась в продукции БелАЗа, т. к. почти не имела карьеров, где могли бы быть применены огромные самосвалы.

Стоит также отметить, что белорусские промышленные гиганты, согласно принятой в Советском Союзе системе подчинения, относились к предприятиям союзного подчинения. Их функционирование напрямую зависело от решений, принимаемых в Москве. Влияние собственно белорусского республиканского руководства на этот промышленный комплекс зависело от степени политического веса этого руководства в Москве.

Белорусские гиганты, как правило, являлись головными предприятиями для тех технологических цепочек, в которые они были вовлечены в масштабе СССР. Поэтому они развивали технологию производства продукции, на которой специализировались, и осуществляли сборку конечного продукта из комплектующих, поступающих из разных регионов СССР. В каком-то смысле эти промышленные гиганты можно сравнить с транснациональными корпорациями, для которых БССР выступала «страной базирования».

Конечно, в некоторых секторах белорусские предприятия сами являлись лишь поставщиками комплектующих для головных предприятий, расположенных вне БССР. Прежде всего это касается военно-промышленного комплекса — на территории республики практически не производилось оружие. Предприятия белорусского ВПК в основном были специализированы на поставках электроники, оптики, отдельных комплектующих для крупных заводов, расположенных в основном на территории РСФСР и УССР. При этом доля занятых в белорусском ВПК была значительна и составляла свыше 10% всех занятых в промышленности.

Однако в целом белорусская экспортная промышленность была представлена именно головными предприятиями, и ее промышленность имела в основном гражданский характер. От их развития зависело продвижение всей экономики Беларуси, тогда как прочая часть экономики БССР в основном представляла собой систему обслуживания нужд этих промышленных гигантов.

Система среднего, среднего специального и высшего образования БССР была приспособлена к подготовке кадров прежде всего для крупной промышленности. С 60-х годов БССР в целом отказалась от привлечения специалистов и квалифицированных рабочих из России и Украины и основную часть специалистов готовила собственными силами. Это хорошо заметно по этнической структуре населения БССР: согласно Всеобщей переписи 1989 года примерно 78% населения БССР составляли белорусы, еще около 4% — поляки. Свыше 80% населения БССР в 1989 году — однозначно местные по происхождению люди. Русские в БССР в 1989 году составляли около 13% населения и в основном попали на территорию БССР после окончания войны с нацистами в ходе восстановления народного хозяйства Беларуси, разрушенного войной, и были заняты в основном в крупном промышленном производстве в городах (см. табл. 6).

После создания современной системы образования в 60-х годах Беларусь готовила кадры для своей промышленности в основном из числа выходцев из деревни, и темпы притока населения в БССР из других республик бывшего СССР резко замедлились. Надо заметить, что по доле титульной нации в составе населения союзной республики БССР уступала лишь Армении (96% в Армянской ССР составляли армяне) и Литве (литовцы — около 80% населения Литовской ССР).

Таблица 6

Уровень образования в Беларуси в 1991 году

Показатели	1991
Число дневных общеобразовательных школ, тыс.	5,2
Из них:	
гимназий	14
лицеев	7
Число средних специальных учебных заведений	148
Число высших учебных заведений	33
Численность учащихся в дневных общеобразовательных школах, тыс.	1489
Из них:	
в гимназиях	15,1
в лицеях	4,9
в средних специальных учебных заведениях	139,0
в высших учебных заведениях, на 10 000 населения	184,6
в дневных общеобразовательных школах	1455
в средних специальных учебных заведениях	136

### Восточнобелорусское индустриальное ядро

Крупная промышленность БССР не только обладала экстраординарным значением для экономики Беларуси. Она резко изменила всю экономическую географию Беларуси. Предприятия крупной экспортной промышленности являлись основой экономики многих белорусских регионов. Промышленность в Беларуси концентрировалась и концентрируется неравномерно. Страна четко делится на две части по линии межвоенной советско-польской границы.

Восточная Беларусь занимает примерно 60% национальной территории. Здесь проживает около 6 млн. человек из примерно 10 млн. жителей Беларуси. На территории Восточной Беларуси расположены наиболее крупные города: Минск (1,8 млн. жителей), Гомель (около 500 тыс. жителей), Могилев (около 400 тыс. жителей), Витебск (340 тыс. человек). Здесь же большое количество небольших городов: Бобруйск, Орша, Мозырь, Полоцк, Новополоцк... В момент распада СССР почти три четверти населения Восточной Беларуси проживало в городах, и примерно столько же проживает в этом регионе в городах сейчас.



Почти все города в Восточной Беларуси имеют в своей основе крупное градообразующее экспортное предприятие.

---

По сути восточнобелорусские города к моменту распада СССР представляли собой огромные рабочие поселки вокруг одного или нескольких крупных заводов. Остановка производства на градообразующем предприятии любого из этих городов влекла за собою социальный кризис, неразрешимый местными силами.

---

В деревне Восточной Беларуси проживало и проживает около четверти населения. Из них свыше половины — пенсионеры. Их доля в числе деревенских жителей региона растет, тогда как доля сельского населения продолжает сокращаться. Депопуляция этого региона началась в 70-х годах, и восточнобелорусская деревня по социально-экономическим и демографическим показателям лишь незначительно лучше сохранена, нежели деревня в прилегающих к Беларуси областях России — Смоленской, Псковской, Брянской.

Степень индустриализации Восточной Беларуси и ее урбанизации была лишь несколько ниже этих же показателей для Урала и Восточной Украины. Однако в отличие от Восточной Украины и Урала Восточная Беларусь наряду с крупной промышленностью обладала развитым сельским хозяйством, способным обеспечить ее нужды, а население восточнобелорусских городов в основном составляли и составляют выходцы из окрестных деревень. Здесь практически не добывалось сырье, были слабо развиты тяжелая промышленность и металлургия, преобладали машиностроительные, нефтехимические, радиоэлектронные производства.

Сверхиндустриализация, проведенная в восточной Беларуси, не позволяла провести в Беларуси экономические реформы по тому типу, по которому они прошли в большинстве постсоветских стран. В Польше, Украине, Прибалтике — во всех странах бывшего СССР и СЭВ в ходе реформ было закрыто большинство крупных промышленных предприятий, а высвободившаяся рабочая сила перетекла в иные сектора хозяйства, образовавшиеся в основном в ходе массовой, малой приватизации. Часть избыточной рабочей силы отправилась на заработки за пределы своих стран. Часть социальных программ по

адаптации населения к закрытию крупных предприятий была проведена за счет западных кредитов или иной помощи.

В Восточной Беларуси такой вариант развития был невозможен: социальные издержки от массового валового закрытия крупных предприятий невозможно было бы покрыть за счет традиционных средств. Ни малая приватизация, ни внешняя помощь, ни трудовая миграция не могли разрешить проблему. Избежать социального взрыва в этом регионе в случае массового закрытия крупных заводов было практически невозможно. Слишком велико было значение в регионе крупных экспортных предприятий, которые было невозможно переориентировать на внутренний рынок, ибо их производственная специализация и мощность были чрезмерны для 10-миллионной страны.

Комплекс восточнобелорусских по преимуществу крупных промышленных предприятий стал социально-экономической основой для политического поведения Беларуси, совершенно иного, чем у остальных постсоветских стран, непривычного и неожиданного. А также для совершенно иной политики экономического реформирования в Беларуси, основанной на предотвращении деиндустриализации страны, на сохранении крупного экспортного производства за счет отказа от шокотерапии и относительно медленных темпов рыночных реформ.

---

Аналогией Восточной Беларуси можно счесть Приднестровье, где также социально-экономической основой самопровозглашенной государственности выступил комплекс крупных для этого региона экспортных промышленных предприятий, которые могли остановиться в ходе радикальных рыночных реформ, начинавшихся перед вспышкой гражданской войны в Молдове.

---

Западная Беларусь качественно отличается социально-экономической структурой от восточной. Запад Беларуси составляет около 40% национальной территории, здесь проживает около 4 млн. человек. В Западной Беларуси лишь два города имеют численность 300 тыс. жителей — Брест и Гродно. Здесь всего лишь несколько средних городов с численностью населения 150–200 тыс. человек, а доля сельского населения в 1989 году составляла около половины. Широкомасштабная послевоенная урбанизация в Западной Беларуси началась на покое-

ние позже, чем в дотла разрушенной войной Восточной Беларуси, а депопуляция докатилась до Западной Беларуси также на поколение позже, чем в восточной части страны, — лишь в 80-х годах.

На социально-экономическую структуру Западной Беларуси оказала принципиальное влияние иная инвестиционная политика, нежели на востоке. Брестская и Гродненская области БССР на протяжении нескольких десятилетий развивались как регионы с высоким уровнем индустриального сельскохозяйственного производства. Эти области традиционно занимали первые места в СССР во «всесоюзном социалистическом соревновании» по показателям сельского хозяйства. Качественный рывок в промышленном развитии Западной Беларуси разворачивался лишь перед самым распадом Советского Союза.

Основные параметры этого рывка видны из материалов двух документов, принятых XVI и XVII съездами КПСС: «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года» (XXVI съезд) и «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года» (XXVII съезд). Брест и Гродно должны были превратиться в центры радиоэлектронной и химической промышленности. Численность населения каждого из этих городов могла превысить 400 тыс. человек. Помимо того, выросли несколько районных центров: Барановичи, Пинск, Лида... и социально-экономическая структура Западной Беларуси должна была потерять свой полуаграрный характер. Обе части Беларуси должны были приобрести примерно одинаково высокий уровень индустриализации, а вся Беларусь должна было перейти к новой — равномерной системе расселения.

Переход к равномерной системе расселения вместо послевоенного деления на индустриальную Восточную Беларусь и аграрную Западную был генеральной целью программы развития городов и населенных пунктов БССР начиная с 60-х годов. В рамках перехода к новой системе расселения внутри каждой области выделялись по три территориально-производственных комплекса вокруг крупных городов. Прежде всего эти ТПК вбирали в себя миграцию из деревень. Небольшие города — центры ТПК, вырастая, разгружали областные центры. Минск сохранялся как город с примерно двухмиллионным населением, областные центры должны были бы иметь в середине 90-х годов примерно по 500 тыс. жителей, а другие центры ТПК — примерно по 300 тыс. человек. Перед распадом СССР новая система расселения

была близка к реализации. Была подготовлена транспортная и энергетическая инфраструктура для рывка в Западной Беларуси, построены новые заводы, усилены системы образования и здравоохранения.

Однако после катастрофы на ЧАЭС и распада СССР это развитие прекратилось, и окончательный переход Беларуси к равномерной системе расселения не состоялся. Мы еще несколько раз вернемся к социально-экономической структуре Западной и Восточной Беларуси, когда будем говорить о белорусском сельском хозяйстве и развитии Беларуси после краха СССР. Пока же подчеркнем: к моменту распада СССР разница в уровнях и типе социально-экономического развития западной и восточной частей Беларуси была очень зрима и велика.

### **Отраслевая устойчивость**

Специфика белорусской промышленности — не только в ее высокой концентрации и экспортной направленности. Важна и ее отраслевая структура. Беларусь обладает очень устойчивой к самым разным вызовам, диверсифицированной и относительно высокотехнологичной промышленностью. Ее основу составляют три отрасли: машиностроение (в основном производство грузовых автомобилей и сельскохозяйственной техники), нефтехимическая и радиоэлектронная промышленность.

Наиболее крупные предприятия машиностроительного комплекса: МТЗ, МАЗ, Могилевский автомобильный завод (МоАЗ), Гомельский завод сельскохозяйственной техники (Гомсельмаш), Минский завод колесных тягачей (МЗКТ), БелАЗ.

Каждый из этих заводов производит уникальную технику и является ключевым или одним ведущих в масштабе всего бывшего СССР. Почти все эти заводы также заметны на мировом уровне. МЗКТ образовался из военного производства МАЗа и изначально был ориентирован на производство всепроходимых тягачей межконтинентальных баллистических ракет. Завод сохранил эту уникальную технологию. Заводы очень тесно переплетаются технологическими и производственными связями внутри Беларуси, составляя мощную сбалансированную отрасль.

Белорусская нефтехимия опирается на нефтеперерабатывающие заводы в Новополоцке и Мозыре. НПЗ в Новополоцке являлся самым мощным подобным заводом в Европе и бывшем СССР, способным перерабатывать свыше 20 млн. тонн нефти в год. Мозырский НПЗ — стандартный, рассчитанный на 10–12 млн. тонн нефти в год.

Эти заводы расположены на разных «трубах», пересекающих Беларусь с востока на запад: Новополоцкий НПЗ связан трубопроводами через территорию Литвы с нефтяным портом Вентспилса, самым крупным советским нефтяным портом, и таким образом изначально ориентирован на экспорт готовых нефтепродуктов в Европу. Мозырьский НПЗ расположен на «трубе», которая идет в Беларусь из Украины и позволяет Мозырьскому НПЗ вести экспорт готовых нефтепродуктов в страны Центральной Европы.

---

**Белорусские НПЗ занимают уникальное положение в Восточной Европе, превращая Беларусь в ключевую страну региона по переработке нефти.**

---

Для сравнения: в гораздо большей Украине к моменту распада СССР существовало пять крупных НПЗ совокупной мощностью всего 50–60 млн. тонн нефти в год. В Польше все НПЗ позволяли перерабатывать около 30 млн. тонн нефти в год. В советской Прибалтике имелся лишь один НПЗ — в Мажейкяе, равный по мощности Мозырьскому НПЗ, то есть мощностью 10–12 млн. тонн нефти в год.

Потребность Беларуси в нефти составляла в конце 80-х годов (и составляет сейчас) около 10 млн. тонн в год. Мощности белорусских НПЗ в три раза превышают потребности страны в нефти и изначально ориентированы на поставку нефтепродуктов на экспорт. Экономический эффект для Беларуси от ее нефтехимии сопоставим с эффектом от машиностроения. Таким образом, повышение мировых цен на нефть влечет за собою рост доходности белорусской нефтепереработки и позволяет Беларуси компенсировать за счет этих доходов потери машиностроения, неизбежные от роста цен на нефть. В случае низких цен на нефть некоторые трудности испытывают нефтепереработчики, но процветают машиностроители.

Химическая промышленность Беларуси концентрируется в основном близ обоих НПЗ — в Новополоцке, Полоцке, Мозыре, а также в Могилеве и Гродно. Процветание химической промышленности в целом привязано к ценам на нефть.

Надо подчеркнуть: Беларусь практически не осуществляет реэкспорта российских нефти и газа. Колебания цен на нефть отражаются на рентабельности нефтехимической промышленности, поскольку готовая продукция отрасли идет на экспорт.

Белорусская радиоэлектронная промышленность концентрировалась в Минске, Гомеле, Витебске, Бресте, будучи представлена несколькими десятками крупных промышленных объединений. В этой отрасли были заняты свыше 100 тыс. человек. Вероятно, около трети радиоэлектронной промышленности СССР концентрировалось в БССР. В структуре отрасли в Беларуси выделялось производство элементов и микросхем на производственном объединении «Интеграл», сопоставимом с аналогичными производствами в Зеленограде под Москвой, и это производство обеспечивало оригинальной элементной базой едва ли не все основные потребности остальных крупных радиоэлектронных производств. После распада СССР ПО «Интеграл» сумело выжить и продолжает оставаться основой радиоэлектронной промышленности РБ. Аналогичные предприятия в России и Украине, других республиках бывшего СССР и СЭВ в целом рухнули. Бывали годы, когда «Интеграл» производил свыше 90% всех элементов и микросхем, производившихся в бывшем СССР.

Важной особенностью белорусской радиоэлектронной промышленности является наличие на территории страны всего замкнутого цикла производства компьютера: от элементов до программного обеспечения. Лишь несколько стран в Европе обладают таким замкнутым циклом и способны при благоприятных обстоятельствах быстро произвести компьютер на базе собственной «архитектуры». После возникновения единого экономического пространства ЕС и необратимой сырьевой трансформации экономики России это свойство белорусской промышленности уже не имеет стратегического значения. Очевидно, что политических и финансовых условий, достаточных для создания альтернативы персональным компьютерам, основанным на американских стандартах, уже не возникнет. Но пока европейская интеграция была неустойчива, а Россия еще не устоялась в качестве сырьевого государства, Беларусь стремилась сохранить свою радиоэлектронную промышленность, в том числе исходя из соображений необходимости достижения постсоветским пространством стратегической независимости от американских стандартов в этой области.

В гражданской части белорусской радиоэлектронной промышленности ярко выделяется производство телевизоров. Оно сконцентрировано на двух заводах: «Горизонт» в Минске (массовый телевизор), «Витязь» в Витебске (элитный телевизор). Ныне в РБ производится лишь немногим меньше телевизоров, чем в РФ. Примерно столько, сколько производилось в 1990 году. Проблема белорусских производителей — отсутствие

собственного производства кинескопов. Перед распадом СССР был завод «Коралл» в Гомеле, который поставлял относительно современные для того времени кинескопы, однако после распада СССР этот завод модернизировать и сохранить не удалось, производство кинескопов и мониторов на территории Беларуси утрачено (см. табл. 7, 8, рис. 1).

Таблица 7

## Основные показатели работы промышленности

Годы	Объем промышленной продукции		
	в текущих ценах, млрд. руб.	в сопоставимых ценах, % к предыдущему году	на душу населения, тыс. руб.
1990	42	102,1	4,1
1991	92	99	9,0
1992	1267	90,8	124
1993	17 562	90,6	1715
1994	30 522	85,4	2984
1995	131 373	88,3	12 888
1996	207 433	103,5	20 417
1997	445 163	118,8	44 000
1998	832 728	112,4	82 678
1999	3 684 247	110,3	367 132
2000	10 501	107,8	1050
2001	18 612	105,9	1867
2002	24 912	104,5	2510
2003	33 387	107,1	3381
2004	47 176	115,6	4802



Рис. 1. Удельный вес продукции отдельных отраслей в общем объеме продукции промышленности в 2004 году, % к итогу

Таблица 8

Производство важнейших видов промышленной продукции\*

Показатели	Годы									
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Электроэнергия, млрд. кВтч	24,9	23,7	26,1	23,5	26,5	26,1	25,1	26,5	26,6	31,2
Первичная переработка нефти, тыс. т	13118	12367	11860	11539	11486	13528	13346	15247	15774	18451
Минеральные удобрения (в пересчете на 100% питательных веществ), тыс. т	3349	3381	3873	4140	4348	4056	4379	4495	4953	5403
Синтетические смолы и пластмассы, тыс. т	480,0	433,6	513,9	467,2	481,3	506,6	502,2	488,3	486,1	491,7
Шины автомобильные и для сельскохозяйственных машин, тыс. шт.	1292	1916	2355	2324	2263	2440	2666	2281	2765	3198
Металлорежущие станки, тыс. шт.	4,7	4,6	4,8	5,3	4,6	5,4	5,7	5,8	5,2	5,4
Тракторы тыс. шт.	28,0	26,8	27,4	26,9	27,4	22,5	22,7	24,3	26,7	34,0
Грузовые автомобили, тыс. шт.	12,9	10,7	13,0	12,8	13,4	14,7	16,5	16,5	18,1	21,4
Автобусы, шт.	62	59	338	1033	754	914	460	467	499	61,0
Электролампы, млн. шт.	129,8	124,3	127,1	104,8	90,9	75,3	104,8	116,7	150,6	195,7
Центробежные насосы, тыс. шт.	4,3	4,9	6,1	8,9	11,3	17,1	12,2	14,1	10,2	10,3
Бумага, тыс. т	27	30	36	45	53	44	51	58	67	71
Цемент, тыс. т	1235	1467	1876	2035	1998	1847	1803	2171	2472	2731

\*Источник: сайт президента РБ А. Лукашенко.

<http://www.belstat.gov.by/homep/ru/indicators/industry.htm>

Текстильная промышленность в Беларуси также была развита исходя из потребностей всего СССР. Ныне экспорт текстильных изделий составляет свыше 5% внешней торговли РБ, он особенно важен в торговле Беларуси со странами ЕС (см. табл. 9, 10, 11).



Таблица 9  
Внешняя торговля Республики Беларусь

Внешняя торговля, млн. долл.	1995	2000	2002	2003	2004 (январь–ноябрь)
Экспорт в страны Содружества	3027	4399	4384	5435	6530
Экспорт в другие страны	1776	2927	3637	4511	5830
Импорт из стран Содружества	3677	6070	6295	8049	10 187
Импорт из других стран	1887	2576	2797	3509	3954
Сальдо со странами Содружества	-650	-1671	-1911	-2614	-3657
Сальдо с другими странами	-111	351	840	1002	1876

Таблица 10  
Структура экспорта Республики Беларусь

Показатели	1995	2000	2002	2003	2004
Товарная структура экспорта, всего, %	100	100	100	100	100
Живые животные, продукты растительного происхождения	5,1	4,8	6,1	7,5	8,2
Жиры и масла животного или растительного происхождения	0	0	0	0	0,1
Алкогольные напитки и табак	2,9	4,6	6,3	6,0	6,3
Минеральные продукты	15,0	10,7	3,0	2,4	5,2
Продукция химической промышленности; полимеры; пластмассы; каучук, резина и изделия из них	11,9	11,4	10,8	10,7	9,3
Древесина и изделия и масса из нее	2,6	4,1	4,2	4,0	3,8
Текстиль	10,0	10,8	10,8	10,0	8,5
Недрагоценные металлы и изделия из них	4,8	6,2	7,8	9,4	9,9
Машины, оборудование и механизмы	18,2	15,5	19,1	19,3	18,3
Средства транспорта	19,4	18,8	18,2	17,3	18,6
Инструменты и аппараты; часы; музыкальные инструменты	0,8	1,3	1,5	1,3	1,1
Товары, не включенные в другие разделы	9,2	11,7	11,9	11,8	10,7

Таблица 11

## Структура импорта Республики Беларусь\*

Показатели	1995	2000	2002	2003	2004
Товарная структура импорта, всего, %	100	100	100	100	100
Живые животные, продукты растительного происхождения	2,6	4,5	4,4	3,2	3,4
Жиры и масла животного или растительного происхождения	1,0	0,9	1,4	1,4	1,1
Алкогольные напитки и табак	4,3	3,6	6,3	6,0	4,7
Минеральные продукты	52,5	43,2	36,9	37,5	39,6
Продукция химической промышленности; полимеры; пластмассы; каучук, резина и изделия из них	12,8	10,8	10,7	10,4	9,8
Древесина и изделия и масса из нее	1,3	3,1	3,5	3,0	2,6
Текстиль	2,0	2,7	3,2	3,0	2,9
Недрагоценные металлы и изделия из них	12,2	14,3	14,1	15,1	16,7
Машины, оборудование и механизмы	7,4	8,2	11,1	11,7	11,4
Средства транспорта	2,3	3,0	2,9	2,7	2,8
Инструменты и аппараты; часы; музыкальные инструменты	0,4	0,9	1,0	1,0	0,8
Товары, не включенные в другие разделы	1,2	4,8	4,5	5,2	4,2

\*Источник: Статкомитет Республики Беларусь.

Добывается и экспортируется прежде всего калийная соль. Основные добывающие шахты расположены в районе города Солигорска Минской области. Лишь несколько стран на планете могут предложить мировому рынку калийные удобрения в таком крупном объеме. Торговля калийными удобрениями является устойчивым источником поступлений доходов и составляет около 20% белорусского экспорта. Остальные предприятия добывающей промышленности заметного значения в экономике Беларуси не имеют.

Особняком в Беларуси стоит уникальное и мощное предприятие — Белорусский металлургический завод в Жодино. Завод был построен незадолго до распада СССР и производит в основном металлокорд, потребность рынков в котором весьма велика. Завод временами дает до 10% валютных поступлений РБ от внешней торговли (см. табл. 12, 13, рис. 2).

Таблица 12

Основные показатели внешней торговли, млн. долл.

Показатели	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Объем внешней торговли, всего	10367	12591	15990	15619	12583	15972	15737	17113	21504	30097
Экспорт товаров	4803	5652	7301	7070	5909	7326	7451	8021	9946	13752
Импорт товаров	5564	6939	8689	8549	6674	8646	8286	9092	11558	16345
Сальдо	-761	-1287	-1388	-1479	-765	-1320	-35	-1071	-1612	-2593
Со странами СНГ	6704	8334	11196	10714	7911	10469	10291	10679	13484	19102
Экспорт товаров	3027	3764	5379	5160	3622	4399	4494	4384	5435	7296
Импорт товаров	3677	4570	5817	5554	4289	6070	5797	6295	8049	11806
Сальдо	-650	-806	-438	-394	-667	-1671	-1303	-1911	-2614	-4510
Со странами вне СНГ	3663	4257	4794	4905	4672	5503	5446	6434	8020	10995
Экспорт товаров	1776	1888	1922	1910	2287	2927	2957	3637	4511	6456
Импорт товаров	1887	2369	2872	2995	2385	2576	2489	2797	3509	4539
Сальдо	-111	-481	-950	-1085	-98	351	468	840	1002	1917

Таблица 13

Основные торговые партнеры Республики Беларусь в 2004 году\*

Партнеры	Экспорт		Импорт	
	млн. долл.	доля, %	млн. долл.	доля, %
Россия	6463,0	47,0	11142,6	68,2
Германия	502,9	3,7	1081,0	6,6
Великобритания	1147,6	8,3	128,4	0,8
Польша	728,8	5,3	475,0	2,9
Украина	539,8	3,9	544,9	3,3
Нидерланды	924,4	6,7	118,7	0,7
Литва	356,3	2,6	175,6	1,1
Китай	301,5	2,2	158,0	1,0
Италия	142,9	1,0	300,5	1,8
Латвия	326,0	2,4	85,0	0,5
Франция	104,6	0,8	165,0	1,0
США	162,5	1,2	195,1	1,2
Бразилия	146,4	1,1	97,0	0,6
Швеция	136,9	1,0	98,4	0,6

\*Источник: сайт президента РБ А. Лукашенко. <http://www.belstat.gov.by/homep/ru/indicators/ftrade.htm>.



Рис. 2. Товарная структура экспорта и импорта в 2004 году, % к итогу

Существует распространенная метафора: «Беларусь была сборочным цехом СССР». В чем-то это так. Но в принципе эта метафора неверно описывает сущность белорусской промышленности. Рядом с крупными белорусскими заводами была развита система подготовки кадров для этих производств, КБ, прикладных и фундаментальных исследований. Белорусские гиганты в большинстве случаев являлись не только сборочными цехами, но и центрами производства технологии и технического обслуживания своих сложных изделий. Правильнее говорить о Беларуси как стране базирования тех технологических цепочек, которые зацикливались на гиганты.

Интересы этих гигантов полностью определяли основные параметры экономического развития БССР. В свою очередь, именно благодаря развитию этих гигантов БССР получила ту политическую и административную силу, которая сделала возможным превращение разрушенной войной аграрной республики в третью по экономической мощи союзную республику.

Отношения между политическими структурами БССР и органами управления промышленными гигантами также напоминали отношения между крупными корпорациями и руководством страны их базирования. Директорат крупных промышленных предприятий, нуждаясь в поддержке и конструктивном сотрудничестве с республиканскими и местными

органами власти, обладал собственными позициями в Москве и иных союзных республиках и интересами, которые временами расходились с интересами республиканского руководства БССР. Тем более так, что их директорат относился к хозяйственной номенклатуре союзного уровня.

---

Отсюда и те проблемы, которые встали перед БССР в ходе распада Советского Союза. Беларусь не могла пойти на деиндустриализацию, но угроза закрытия крупных заводов была велика: в странах Балтии, Украине, России большинство заводов, однотипных тем, на которых покоилась индустриальная мощь Беларуси, в целом рухнули.

---

В Беларуси имелась и другая сторона той же проблемы: крупные заводы обладали политической мощью, способной обеспечивать их интересы перед республиканским руководством и тем более перед местными органами власти в случае, если бы республиканское руководство приняло курс на их сворачивание. Можно сказать и резче: в условиях, когда руководство СССР начало политику шоковых реформ, политику, которая влекла за собою крах крупных производств, директорат крупных белорусских заводов, социальные группы, связанные с этими заводами, руководство местных органов власти там, где были расположены эти заводы (а это практически вся Восточная Беларусь и значительная часть Западной Беларуси) — все эти структуры не могли не обратить свое внимание на Минск, на республиканский уровень управления.

Реформирование крупного промышленного комплекса Беларуси не могло быть осуществлено по стандартной схеме постсоветского реформирования: закрыть крупные заводы, оставить в основном сырьевой экспорт и те отрасли экономики, которые ориентированы на внутренний рынок, развернув массовую, малую и среднюю приватизацию этих отраслей. Белорусский путь реформ, с сохранением крупных производств, требовал иной политической формы и иных приоритетов реформирования:

Крупные заводы должны были адаптироваться на реформируемых экономических пространствах вне Беларуси, где они присутствовали традиционно, научиться работать в условиях рыночных реформ в России, Украине, странах Балтии и т. д.

Внутри страны рыночные реформы требовалось подчинить интересам сохранения крупного экспортного производства. Крупные заводы должны были реально перейти в собственность и подчинение республиканским органам власти из прежнего союзного подчинения. Республиканская власть должна была обеспечить эффективную внутреннюю и особенно внешнюю политику в интересах обеспечения потребностей крупных экспортеров на своих традиционных рынках, в идеале завоевать новые рынки. Традиционным рынком белорусских гигантов была Россия, в меньшей степени — другие союзные республики. Отсюда внешняя политика Беларуси в интересах крупных производителей обязательно должна была включать в себя сближение с Россией и желательно с Украиной при обеспечении защиты крупных предприятий от тех форм реформирования хозяйства, которые инициировались в то время из Москвы, Киева и международных финансовых организаций, стимулировавших реформы в бывшем СССР.

---

Также внутри страны должна была бы проводиться политика мобилизации всех ресурсов нации в интересах сохранения крупного экспортного производства: малая приватизация замедлена, внутренняя инфляция повышена, приватизация крупных предприятий — только под контролем государства, роль государства усилена в целях перераспределения всех имеющихся даже у самих крупных экспортеров ресурсов в интересах всего крупного производства.

---

Заинтересованность в высокой степени консолидации вокруг государства была естественной для крупных предприятий. Советский Союз рухнул, и иного способа сохранить себя в условиях постсоветского коллапса у этих заводов не было. Во многих регионах бывшего СССР крупные предприятия и связанные с ними группы хозяйственников, политиков, населения были социальной базой противников радикальных реформ, но именно в Беларуси им удалось победить. Крупные промышленные предприятия стали социально-экономической основой совершенно неожиданного для постсоветских реалий пути реформ. Предприятия по сути потеряли даже ту самостоятель-

ность, которую имели во времена существования СССР и превратились в единый производственный комплекс, управляемый из республиканского центра.

Разумеется, защита интересов крупных производителей повлекла за собою усиление политической централизации в Беларуси. Политическая централизация, пока она обеспечивает устойчивость крупных заводов, не может не быть поддержана всеми социальными группами, связанными с крупными производствами. Однако обязательно надо иметь в виду, что поддержка сильной центральной власти социальными группами, связанными с крупным производством, не обусловлена какими-либо идеологическими соображениями. Поддержка рабочими крупных заводов сильного государства, местными органами власти, директором заводов, руководством отраслей обусловлена прежде всего прагматическими соображениями.

Отсюда изначально невысокое значение собственно идеологической борьбы в постсоветской Беларуси. Государство должно обеспечивать интересы крупного производства, но эти интересы не включают в себя духовных ценностей. Это обычные интересы предприятий, которые могут рухнуть. Промышленному комплексу Беларуси в принципе не очень важно, под какими лозунгами будут обеспечены его интересы. Идеология в данной ситуации была вторична, и стабильность власти вполне могла и может опираться в Беларуси на не слишком идеологизированную власть. Достаточно одного рационально понятого и рационально одобренного социальными группами, связанными с крупным производством, политического курса республиканского руководства, чтобы власть была устойчивой и стабильной.

---

Белорусская власть не нуждалась в «приводном ремне» сильной политической партии для того, чтобы иметь прочную поддержку на местах. Достаточно было набора административных мер, осуществляемых властью и понятных массам городского населения, близкого к крупным заводам, доверия к способности власти последовательно эти меры осуществлять.

---

Сверхиндустриализированная Восточная Беларусь просто экстраполировала на все государство ту систему власти, которая существует на крупном заводе в момент его кризиса. И эта система власти оказалась устойчивой в основном в силу сверхиндустриализации Беларуси, где оказалось невозможно выдвинуть никакую политику, противостоящую интересам крупного производства. В тех республиках бывшего СССР, где значение крупного производства было меньшим, реформирование пошло иным путем. Беларусь — это объяснимое исключение из правила.

Беларусь — это прежде всего собравшийся в кулак крупный промышленный комплекс, который сумел сплотиться с органами республиканской власти в единый иерархически выстроенный организм, во круг которого мобилизовалось все общество.

Однако всякая мобилизационная система не может существовать постоянно. У белорусской мобилизации есть рациональное объяснение: крупная промышленность должна была пережить крах СССР и найти себя на рыночных пространствах, формирующихся на месте советской централизованной экономики. Белорусский путь не был путем противостояния рыночным реформам. Это был иной, исключительный путь, но объяснимый путь именно рыночных реформ. Просто к рынку адаптировались в Беларуси не через малые предприятия и шоковую терапию, а через адаптацию крупных заводов к реформируемым внешним рынкам. Если бы крупные заводы и действующая в их интересах Беларусь могли остановить рыночные реформы в бывшем СССР, они бы, разумеется, это сделали. Но политической мощи Беларуси изначально не было достаточно для того, чтобы реанимировать СССР, а потому и суть белорусского пути — не противостояние рыночным реформам, а специфичная форма адаптации к ним, особая исключительная форма реформирования.

Белорусский путь оказался успешным (см. табл. 14, 15, 16, 17). Промышленность РБ в 2004 году на 40% превзошла уровень 1990 года.

В середине 1994 года большинство крупных заводов работало один — два — три дня в неделю, темпы падения промышленного производства составляли примерно по 10% в год. Угроза потери крупного производства становилась очевидной обществу. Всплеск поддержки мобилизационной программы, предложенной А. Лукашенко, со стороны тех социальных структур, которые хотели сохранения заводов, кажется абсолютно объяснимым.



Таблица 14

Индексы объема продукции промышленности, %

	1992	1995	2000	2002	2003	2004
	1991=100					
Азербайджан	70	33	35	38	40	43
Армения	52	50	56	67	77	79
Беларусь	91	62	102	113	121	140
Грузия	54	18	24	25	28	29
Казахстан	86	48	59	74	80	88
Кыргызстан	74	27	42	39	46	48
Молдова	73	51	38	48	56	60
Россия	82	54	62	67	72	76
Таджикистан	76	45	42	53	58	66
Туркменистан	85	61	...	...	...	...
Узбекистан	93	98	122	142	151	...
Украина	94	55	60	74	85	96
В среднем по Содружеству	82	52	61	68	74	80
	В процентах к предыдущему году					
Азербайджан	70	79	107	104	106	106
Армения	52	102	106	115	115	102
Беларусь	91	88	108	104	107	116
Грузия	54	86	111	107	115	103
Казахстан	86	92	116	110	109	110
Кыргызстан	74	82	106	89	117	104
Молдова	73	96	108	111	116	107
Россия	82	97	112	104	107	106
Таджикистан	76	86	110	108	110	114
Туркменистан	85	91	...	...	...	...
Узбекистан	93	100,1	106	108	106	...
Украина	94	88	112	107	116	112
В среднем по Содружеству	82	94	111	105	108	107

Таблица 15  
Структура промышленности по основным отраслям ОКОНХ в текущих ценах, % к итогу

	Вся	ТЭК	Метал- лургия	Химия и нефтехимия	Машиностроение и металло- обработка	Лесная, дерево- обрабатывающая и целлюлозно- бумажная	Строй- материалов	Легкая	Пищевая
Азербайджан, 1996	100	70	0,3	4	4	0,1	1	8	7
Армения, 2004	100	16	30	2	4	1	3	1	30
Беларусь, 2004	100	27	4	11	20	4	3	5	14
Грузия, 1998	100	32	7	4	7	1	3	1	25
Казахстан, 1997	100	41	26	2	5	1	2	2	17
Кыргызстан, 2002	100	21	35	2	5	1	3	7	15
Молдова, 1998	100	23	0,0	1	6	2	3	4	44
Россия, 2004	100	32	19	52	193	4	3	1	13
Таджикистан, 2004	100	7	51	1	1,5	0,2	2	12	16
Туркменистан, 2003	100	46	0,0	1	1	0,1	1,5	22	28
Узбекистан, 2002	100	21	15	6	10	1	5	20	14
Украина, 2000	100	22	30	6	13	24	3	2	17

Таблица 16

Структура промышленности по основным отраслям в соответствии с национальными статистическими классификациями видов экономической деятельности в 2004 году в текущих ценах, % к итогу

Показатели	Азербайджан	Армения	Грузия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова
Промышленность, всего	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
горнодобывающая	49	18	8	-	-	-
обрабатывающая	43	63	64	53	2	1
Из нее:						
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	19	31	34	40	79	87
текстильное и швейное производство	0,5	1	0,4	-	-	-
обработка древесины и производство изделий из дерева	0,02	0,3	1	-	-	-
химическое производство	3	2	6	11	13	60
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	2	3	5	1	2	5
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	4	14	8	0,15	0,1	0,3
производство машин и оборудования	1	1	4	1	1	1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8	19	28	2	7	9

Таблица 17  
Промышленность Республики Беларусь

Показатели	1991	1995, трлн. белорусских руб.	2000	2002	2003	2004
Продукция промышленности в текущих ценах, млрд. белорусских руб.	–	131	8810	24 912	33 387	47 176
Продукция промышленности в текущих ценах, млрд. руб.	91,9	–	–	–	–	–
Производство потребительских товаров в отпускных ценах, млрд. белорусских руб.	–	44,6	4200	7999	10 329	11 986
Производство потребительских товаров в отпускных ценах, млрд. руб.	45,6	–	–	–	–	–
В том числе:						
продуктов питания, млрд. белорусских руб.		21,0	1754	3782	4829	5496
продуктов питания, млрд. руб.	16,3	–	–	–	–	–
алкогольных напитков, млрд. белорусских руб.	–	4,7	448	451	538	778
алкогольных напитков, млрд. руб.	3,2	–	–	–	–	–
непродовольственных товаров, млрд. белорусских руб.	–	18,9	1998	3766	4962	5712
непродовольственных товаров, млрд. белорусских руб.	26,1	–	–	–	–	–
Из них:						
товаров легкой промышленности, млрд. белорусских руб.	–	5,9	792	1313	1628	1805
товаров легкой промышленности, млрд. руб.	13,4	–	–	–	–	–

Часто мы можем встретить заявления, что А. Лукашенко опирался и опирается на деревню. Это не может быть верно, ибо основой экономики Беларуси являются именно крупные заводы, и только тот политик может быть в Беларуси успешен, кто отражает интересы крупного промышленного производства и непосредственно связанных с ним социальных групп. Акценты в идеологии в пользу крестьян, в имидже первого лица, в апелляции к крестьянской логике и мотивации электората связаны скорее с политехнологическими соображениями. Они не должны затенять главного: политическая система Беларуси обслуживает в первую очередь интересы высококонцентрированного и высокотехнологичного крупного экспортного промышленного производства и горожан.

## **Сельское хозяйство**

Советское наследие в сельском хозяйстве даже более парадоксально и неожиданно воздействует на Беларусь, чем советское наследие в промышленности.

К концу 80-х годов БССР обладала очень высокоразвитым по советским меркам сельским хозяйством. Уровень его развития в некоторых случаях приближался к уровню наиболее развитых стран мира (см. табл. 18, 19, 20, рис. 3).

Сельское хозяйство БССР отличали две принципиальные особенности: оно базировалось на грандиозной мелиоративной программе и в ряде регионов отличалось очень высокой степенью индустриализации.

На территории Беларуси выделяется обширный, очень своеобразный географический регион — Полесская низменность. Полесье тянется вдоль всей границы Беларуси и Украины, уходя на север и юг от нее примерно на 200 км. За пределами белорусско-украинской границы Полесье уходит на территории Польши и России, теряясь там в иных ландшафтах. Много сотен лет Полесье представляло собой сплошную болотистую полосу, фактически особую страну, прорезанную реками и насыщенную озерами. Население неравномерно заселяло Полесье, концентрируясь в больших деревнях с высокоразвитыми промыслами, немногочисленных небольших городах либо на своего рода островах между болотами, относительно небольших пространствах, пригодных для земледелия.

Два раза в год здесь происходили крупные наводнения, вызванные приходом воды, выпадавшей в верховьях крупных рек, впадающих в

Таблица 18

Индексы объема продукции сельского хозяйства, %

	1992	1995	2000	2002	2003	2004
	1991= 100					
Азербайджан	76	52	64	76	80	84
Армения	102	105	112	131	137	156
Беларусь	91	77	75	77	82	93
Грузия	87	96	90	94	104	97
Казахстан	129	72	67	81	82	83
Кыргызстан	95	68	100,6	111	115	120
Молдова	84	72	56	62	53	64
Россия	91	70	66	72	73	74
Таджикистан	82	64	73	...	...	...
Туркменистан	91	88	...	...	...	...
Узбекистан	94	90	102	113	120	...
Украина	92	75	61	68	61	73
В среднем по Содружеству	93	73	69	76	75	80
	В процентах к предыдущему году					
Азербайджан	76	93	112	106	106	105
Армения	102	105	97,5	104	104	115
Беларусь	91	95	109	100,7	107	113
Грузия	87	113	85	99	111	94
Казахстан	129	76	96	103	101	100,1
Кыргызстан	95	98	103	103	103	104
Молдова	84	103	97	103	86	120
Россия	91	92	108	102	101	102
Таджикистан	82	84	113	...	...	...
Туркменистан	91	101	...	...	...	...
Узбекистан	94	102	103	106	106	...
Украина	92	96	110	101	89	119
В среднем по Содружеству	93	93	106	102	99,2	106

Таблица 19

## Продукция сельского хозяйства

Годы	Продукция сельского хозяйства	
	в текущих ценах, млрд. руб.	в сопоставимых % к прошлому году
1990	16,9	91,3
1991	30,1	95,1
1992	321,2	91,5
1993	3764,1	103,7
1994	7547,4	85,6
1995	46 525	95,3
1996	72 815	102,4
1997	127 654	95,1
1998	223 484	99,3
1999	935 936	91,7
2000	2734	109,3
2001	4539	101,8
2002	6521	100,7
2003	7814	106,6
2004	11 390	112,9

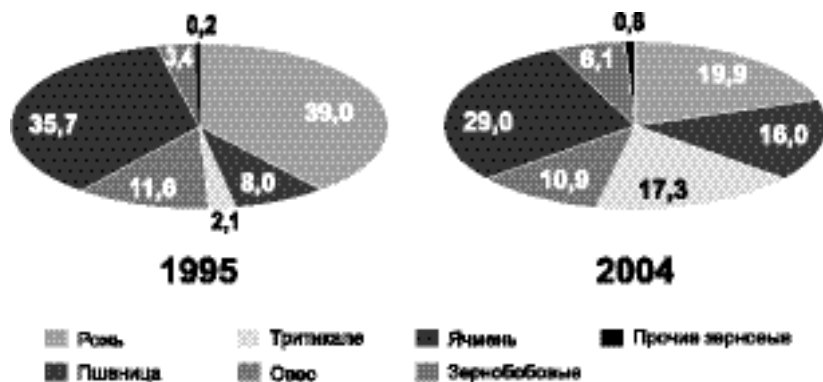


Рис. 3. Структура производства зерна по видам культур в хозяйствах всех категорий, доля от валового сбора

Таблица 20

Производство основных продуктов сельского хозяйства на душу населения, кг

Годы	Зерно	Картофель	Овощи	Мясо,	Молоко,	Яйца,
				в убойном весе	л	шт.
1990	690	843	73	116	732	359
1991	618	879	90	104	668	365
1992	708	879	82	93	576	343
1993	733	1137	102	80	545	343
1994	596	806	101	73	539	332
1995	540	932	101	64	497	331
1996	570	1071	118	61	483	335
1997	635	686	116	62	507	342
1998	480	752	119	67	520	346
1999	363	746	130	65	472	338
2000	485	871	138	60	449	329
2001	517	779	142	63	485	315
2002	603	748	152	62	481	294
2003	552	876	203	61	474	286
2004	714	1008	207	65	530	296

Припять или сразу в Днепр, в ходе весенних и осенних дождей севернее, а чаще южнее Полесья. Если посмотреть на карту Полесского воеводства Польши конца 30-х годов, то бросится в глаза неравномерность заселения Полесья. Не меньше половины населения этого обширного воеводства проживало в районе Бреста в радиусе 70 км от него, словно островитяне, окруженные тогда еще почти непроходимыми болотами и лесами.

Болотистая Полесская низменность составляет около 40% территории Беларуси.

В послевоенное время, в основном начиная с 60-х годов, в Беларуси была проведена беспрецедентно масштабная программа мелиорации. В основном на Полесье, но немного затронула и север Беларуси, где также существуют болотистые регионы. В результате к моменту распада СССР примерно 40% обрабатываемых земель Беларуси разместились на мелиорированных территориях. В целом обширном европейском регионе был полностью изменен характер ландшафта. Болота сохрани-



лись в ограниченном количестве в основном близ заповедников или иных охраняемых зон.

Мелиорация Полесья была очень дорогой программой. Нередко она приводила к отрицательным результатам, но в целом дала положительный результат: новые посевные площади, качественная социальная и экономическая инфраструктура, высокий уровень медицинского обслуживания и уровень жизни крестьян.

Мелиорация стала важнейшим фактором изменения демографической структуры населения Полесья и системы расселения в этом регионе. Здесь резко выросло население, особенно в Брестской области, которая долгое время после войны развивалась как область, специализированная на сельскохозяйственном производстве. Здесь в 50–60-х годах фактически произошел демографический взрыв, и именно мелиорированные территории Пинского Полесья стали наиболее населенной частью области. Деревни с численностью населения в 3–5 тыс. человек стали для этого региона нормой.

В соседних областях украинского Полесья подобной по масштабу мелиоративной программы не проводилось, и там не произошло подобного демографического взрыва и изменения традиционной системы расселения. Украинское Полесье было очевидно регионом с наиболее низким уровнем жизни сельского населения в Украине, в то время как сельские районы Брестской области являлись в Беларуси регионом с наиболее высоким уровнем жизни. Началась заметная миграция украинцев из полесских регионов, прилегающих к границе с Беларусью, в белорусские колхозы, в основном в Брестскую область. Эта миграция продолжается и сейчас.

Однако мелиорация не отменила паводков. Поддержание земель в приемлемом для обработки состоянии требует весьма значительных средств для предотвращения наводнений, поддержания в порядке систем каналов и дамб. Местные органы власти, тем более колхозы не в состоянии собственными силами полностью решить проблему предупреждения нового заболачивания. Обязательно необходима координация этих усилий на республиканском уровне.

---

Мелиорированное Полесье напоминает Древний Египет, существование которого зависело от качества ирригационных систем и их управляемости из единого центра.

---

Основной угрозой осушенным землям в случае недостаточности работ по противостоянию паводкам и вообще по поддержанию в порядке мелиоративных систем является угроза разрушения паводками социально-экономической инфраструктуры на мелиорированных землях: дорог, линий электропередачи, мостов и т. д.

Паводки бывают разными по силе. В случае мощного паводка разрушение инфраструктуры может быть валовым, накрывающим собою самые населенные регионы Полесья. Сокращение внимания государства к поддержанию мелиорированных земель в порядке непременно влечет за собою усиление миграционной активности местных крестьян. Белорусское Полесье, прежде всего Пинское Полесье, и так обладает избыточным сельским населением. Продолжение экономического роста Беларуси в любом случае будет сопровождаться оттоком населения из этих районов. Разрушение мелиоративных систем может резко усилить исход молодежи из деревень, где вновь придется ездить два раза в год от деревни к деревне на лодках, если не на челнах.

Полесский фактор, безусловно, является экзотическим. Огромный Советский Союз мог позволить себе дорогостоящую программу изменения характера ландшафта целого обширного региона. Небольшая Беларусь не может поддерживать в прежнем порядке мелиорированные территории и должна стремиться к сокращению мелиорированных земель, к оттягиванию населения из этих регионов в другие регионы и города. Но Беларусь не может это сделать быстро, ибо потенциальный поток беженцев и вынужденных переселенцев в случае резкого разрушения социально-экономической структуры в полесских регионах может быть очень значительным.

В течение нескольких лет полесские регионы могут дать и полмиллиона таких потенциальных переселенцев. Для Беларуси — колоссальная величина. Дополнительная очень тяжелая политическая и экономическая нагрузка на государство, и так ослабленное проблемами восточнобелорусской промышленности. Потому поддержание мелиоративных систем в порядке — один из факторов поддержки населения Полесья сильной центральной власти. Разумеется, в той степени, в которой центральная власть занимается проблемами сельского хозяйства Полесья и Полесьем вообще. Учитывая, что Полесье — это почти половина территории Беларуси, очевидно, что белорусское государство вряд ли может быть слабым только в силу одного лишь полесского фактора.

В восточной части Полесья полесский фактор накладывается на заинтересованность крупного промышленного производства в существовании сильного государства. Уже в силу такого наложения двух факторов в пользу сильного государства понятно, почему юго-восточная Беларусь близ Гомеля, Могилева и Слуцка стала регионом особой поддержки центральной власти. А ведь есть и иные факторы в пользу поддержки населением именно этого региона сильной центральной власти. Их мы еще рассмотрим ниже.

Проблема поддержания мелиорированных земель и проблема сохранения крупной экспортной промышленности — это долгосрочные факторы, влияющие на белорусскую политику. Эти факторы не связаны с пиар-компаниями или идеологией вообще. Они касаются обычного, рационального, даже технократического горизонтов политического мышления населения и будут действовать в Беларуси в любом случае, находится ли у власти нынешний президент или его сменит иной лидер.

Другой важной особенностью белорусского сельского хозяйства была высокая степень его индустриализации и концентрации производства. Особенно в западных полуаграрных Гродненской и Брестской областях. В сельское хозяйство этих областей были осуществлены очень масштабные инвестиции. Среди инвестиционных проектов особенно важное значение имели крупные животноводческие комплексы. В обеих западнобелорусских областях незадолго до распада СССР были построены 16 животноводческих комплексов, рассчитанных более чем на 50 тыс. голов скота каждый. Самый крупный из этих комплексов — Беловежский в Каменецком районе Брестской области — имел свыше 100 тыс. голов и был одним из самых крупных в СССР и Европе.

Каждый крупный животноводческий комплекс был вписан в экономику местности. Окрестные колхозы в значительной степени стали специализироваться на обслуживании потребностей «своего комплекса»: выращивании кормов. По сути, крупные животноводческие комплексы стали превращаться в аналоги восточнобелорусских градообразующих экспортных промышленных предприятий, полностью изменяя под свои потребности структуру и характер сельскохозяйственного производства в Западной Беларуси. Появление крупных животноводческих комплексов влекло за собой резкий рост производства и экспорта мяса, повышение уровня и ка-

чества жизни сельского населения. При каждом комплексе возник свой городок для обслуживающего персонала, к комплексу подводились современные дороги и иные коммуникации от окружающих колхозов и к близлежащим транспортным узлам. Условия работы занятых в обслуживании комплекса работников напоминали ритмичную работу на промышленном производстве, а не сезонную работу в обычном колхозе.

Резко повышался научный уровень сельскохозяйственного производства в колхозах, окружающих комплексы: технологическая дисциплина на огромных фабриках по производству мяса требовала гораздо более тщательного соблюдения всего комплекса агротехнологий, технологий хранения и переработки продуктов. Качественно повышался уровень животноводческой культуры в колхозах, которые теперь могли пользоваться услугами более опытных ветеринаров, нежели ранее, а также могли закупать на комплексах более качественный скот для выращивания у себя.

Внутренняя технологическая культура в западнобелорусских колхозах стала сложной, получаемые в результате доходы крестьян, условия труда и качество жизни крестьян были столь высоки, что образовался обширный слой сельского населения и местных органов власти, ориентированный именно на крупное сельскохозяйственное производство. Эта часть населения доминировала на селе и в целом противилась демонтажу колхозов и переходу к фермерскому хозяйству. Фермерское хозяйство в той форме, в которой оно пропагандировалось, могло повлечь за собою распад технологической культуры высококонцентрированных крупных и доходных сельскохозяйственных производств.

Для западнобелорусского Полесья характерна аграрная перенаселенность. Избыточные рабочие руки уходили в основном в высоко развитое приусадебное хозяйство, ориентированное на рынок. Огромные села специализировались на выращивании овощей и ягод. Это обостряло проблему нехватки обрабатываемой земли и поддержания в порядке социально-экономической инфраструктуры региона перед угрозой паводков.

В восточной части Беларуси крупных животноводческих комплексов было немного, сельское население гораздо старше, а на мелиорированных землях плотность населения была в несколько раз меньшей, чем в южной части Западной Беларуси. Уровень развития

сельского хозяйства в Восточной Беларуси был гораздо ниже, чем в западнобелорусских областях. И позднее фермерство развивалось быстрее именно на востоке, а не на западе, хотя именно на западе культура индивидуального крестьянского труда сохранилась в большей степени, чем на востоке, пережившем коллективизацию еще в 30-х годах.

На востоке Беларуси колхозы в гораздо большей степени, чем на западе, выполняли функцию социального опекуна стариков и немощных. Среди жителей восточнобелорусской деревни в начале 90-х годов около 70% были пенсионерами. В то время как в Западной Беларуси доля пенсионеров была и сохраняется значительно более низкой и в социальных симпатиях к крупному производству преобладали не столько соображения о социальной опеке со стороны колхозов, сколько рационально понимаемое преимущество высококонцентрированного производства над малоформатным.

Эта особенность белорусского села хорошо проявила себя в ходе президентских выборов 1994 года: деревня и на востоке, и особенно в южной, Полесской части Западной Беларуси массово проголосовала за А. Лукашенко с его программой спасения крупного производства на селе и крупной промышленности в городах. Полуаграрная западнобелорусская Брестская область стала второй среди всех областей по доле населения, проголосовавшего за А. Лукашенко, чуть-чуть уступив лишь его родной Могилевской области.

Тенденция электоральной поддержки политики А. Лукашенко крестьянством южной и центральной частей Западной Беларуси сохранилась до сих пор. Любому лидеру, который хотел бы претендовать на симпатии этой части белорусского электората, необходимо считаться с ориентацией белорусского крестьянства, особенно западнобелорусского крестьянства, на сохранение колхозов и крупного высококонцентрированного, желательного экспортного производства на селе. Политические симпатии белорусских крестьян, особенно западнобелорусских крестьян, по своей мотивации и целям принципиально не отличаются от симпатий промышленных рабочих, особенно восточнобелорусских. По сути, крестьяне являются такими же сторонниками крупного экспортного производства и действующего в его интересах сильного государства, как и рабочие.

Никакого особого, слишком специфического подхода к горожанам и крестьянами в Беларуси вырабатывать не надо. Белорусское крестья-

яство в конечном счете являлось и является специфичным рабочим классом со всеми сопутствующими ему мотивациями и интересами. Обычная ситуация для относительно высокоразвитой индустриальной европейской страны, каковой была БССР в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия и каковой является в целом ныне.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

# **ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА. ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ СОЦИУМ**





# СРЕДА ОБИТАНИЯ НАЦИИ

## Экологическая катастрофа

**П**осле 26 апреля 1986 года свыше 70% радиации, выброшенной во время аварии на украинской Чернобыльской АЭС, выпало на территории Беларуси. Ни один народ на планете, ни одна страна в мире не испытала пока столь масштабной экологической катастрофы. Около 20% национальной территории поражены радиацией, несколько миллионов человек из 10-миллионной нации продолжают облучаться до сих пор. Для Беларуси чернобыльская катастрофа стала внешним вызовом: белорусский правящий класс не контролировал ситуацию вокруг АЭС, не контролировал ее строительство и в очень ограниченном масштабе влиял на ликвидацию самой аварии.

Чернобыльский вызов породил множество проблем, но основной из них, вероятно, является то, что часть белорусов приобрела специфичный набор навыков выживания на пораженной радиацией территории и своеобразный духовный опыт, связанный с чернобыльским фактором в индивидуальной и коллективной памяти. В числе белорусских феноменов чернобыльская культура является, вероятно, наиболее уникальным явлением. С белорусами уже случилось то, что маячит перед всем человечеством: экологическая катастрофа изменила саму среду обитания нации и привела к необратимым последствиям для соматической природы целого народа. Духовная же культура белорусов стала во многом определяться характером осмысления происшедшей и продолжающейся катастрофы.

Чернобыльская ситуация требует глобальной активности. Требуется поиска средств к ее преодолению вне Беларуси, в наиболее развитых странах, что в свою очередь порождает необходимость для белорусов поиска языка для эффективного диалога с другими культурами. Чернобыльская катастрофа дала белорусской культуре моральное обоснование самостоятельного существования и право оценивать степень моральности иных культур, особенно культур развитых стран.

Чем-то эта ситуация напоминает трансформацию еврейской послевоенной культуры в ходе осмысления евреями и другими народами феномена холокоста. Конечно, чернобыльская проблема не воспринимается человечеством с такой же отзывчивостью, как холокост. Но в отличие от холокоста чернобыльская катастрофа нигде не исчезла и не ушла в историю. Негативное воздействие радиации на людей продолжается и требует усилий по ликвидации последствий аварии. Усилий дорогостоящих, которые, увы, еще только впереди.

---

Главным последствием произошедшей почти 20 лет назад катастрофы можно считать, очевидно, появление живой чернобыльской культуры и целого социума чернобыльцев. Этот социум обладает собственным потенциалом влияния на европейскую и глобальную культуру и собственной субъектностью. В некотором смысле все белорусы стали чернобыльцами. Можно говорить о трансформации всей постсоветской белорусской культуры в чернобыльскую и даже о растворении белорусской культуры в чернобыльской культуре.

---

Что может быть большим феноменом современной культуры, нежели ее трансформация под воздействием столь мощной экологической катастрофы? Тем более при сохранении нацией государственности, высокого уровня образования и технологической культуры. Сверхиндустриализация, миграционный потенциал отдельных групп, конфессиональные процессы заметно меняют свой характер на чернобыльском фоне.



Рис. 4. Последствия чернобыльской аварии

## Локализация социума

Люди, которых у нас называют чернобыльцами, внешне ничем не отличаются от остальных — они живут, работают или учатся рядом с нами. Но все же в их образе жизни, поведении, мышлении есть что-то, присущее только им одним. Чем же чернобыльцы выделяются среди нас? Насколько их много и как они уживаются с «обычными» людьми?

На этот вопрос отвечает само слово «чернобыльцы». До 1986 года в Поднепровье, на Полесье, в соседних районах России и Украины жили обычные люди — горожане и сельские жители, старики и молодежь, православные и католики, протестанты и старообрядцы. Разные группы людей с разными культурными и бытовыми традициями, с собственным историческим опытом.

Они сохранили свои отличительные признаки и после чернобыльской аварии, но уже будучи в новом, общем для всех качестве. К примеру, ветковские старoverы теперь отличаются от своих единоверцев в Сибири или Прибалтике. Католики бывших Шепетовичей в Чечерском районе, встретившись в Борунах или в Красном костеле в Минске со своими братьями по вере с Браславщины или Постава, воспринимаются не как «поляки» или просто «свои», а в первую очередь как «чернобыльцы».

То же можно сказать о студентах минских вузов — выходцах с Гомельщины, Могилевщины и других загрязненных радионуклидами территорий. Такие абитуриенты имеют льготы при поступлении в вузы. Чернобыль наделил их особым статусом, который напоминает о себе и в личных контактах — например, когда заходит речь о браке между однокурсниками из «чистых» и «грязных» зон. «Чернобыльский» студент «обычен» лишь до определенной грани, за которую он не должен заходить в своем сближении с остальными людьми.

Случайный попутчик в поезде при знакомстве зачастую вначале говорит, что он «из чернобыльской зоны», а уж потом уточняет — из какого конкретно района или города и где он живет сейчас. В больницах врачи посмеиваются над выходцами из Южной Беларуси или ликвидаторами: «Вас нет смысла лечить, все равно будет рецидив». И чернобыльцы покорно соглашаются с тем, что им лечиться придется дольше и сложнее, чем остальным. Даже разговоры в больничных коридорах у них специфичные.

Чернобыльская катастрофа объединила всех этих людей. Она дала им второе имя, иногда даже более точно идентифицирующее, чем этническая принадлежность или подданство. Чернобыль стал для них источником однотипных проблем: нехватка чистых продуктов, забота о медикаментах и оздоровлении, болезни, тревога за будущее детей, для многих — мучительное расставание с родиной и переезд на новое место жительства.

Всех этих людей, а также жителей чистых зон (врачи, учителя, ученые, активисты благотворительных организаций, люди искусства, духовные лица), связавших свою судьбу с Чернобылем, сегодня можно считать единой культурной группой. Все признаки культурной группы налицо: особая устойчивая самоидентификация, выделение их в определенную группу другими людьми, особая субкультура, тип поведения, даже особый юридический статус (наличие различ-

ных чернобыльских льгот или памяти о таковых, если они отняты). Кроме того, очевидны зачатки организованного поведения участников группы — создано множество общественных «чернобыльских» организаций.

Однако лечиться от болезней, вызванных радиацией, приходится всем. То есть социологическими замерами на предмет самоидентификации локализовать эту культурную группу мы не сможем. Для этого необходимо использовать целый комплекс разных критериев. Каждая микрогруппа чернобыльцев, выделенная лишь по одному из критериев, может рассматриваться в качестве части большого культурного «чернобыльского» комплекса.

### **Белорусские чернобыльцы — самые «чернобыльские»**

Определяя численность чернобыльцев, попробуем оттолкнуться от масштабов радиоактивного загрязнения и конфигурации «грязных» пятен. В Украине площадь радиоактивного загрязнения относительно невелика, причем площадь зон с высоким уровнем радиации здесь вообще очень мала. Более того, «грязные» пятна не составляют единого компактного массива. Пораженные участки встречаются вплоть до Львова. Правда, внутри пятен радиация невысока. С другой стороны, в Украине были проведены масштабные отселения людей из прилегающих к ЧАЭС районов, в том числе переселен и целый город Припять.

---

В России и Беларуси площадь загрязненных территорий примерно одинакова. Правда, различны социальные последствия загрязнения, поскольку в Беларуси заражено больше людей.

---

Причины этого следующие.

Во-первых, плотность населения на территории, подвергшейся облучению, в Беларуси несколько выше. Из западных областей России, в которых прошли радиоактивные осадки, еще в 1970-х годах молодежь мигрировала в города. Крупных же городов в этом регионе относительно немного. Кроме того, в России, как и в Украине, радиация в основном выпала пятнами, расположенными некомпактно, и фон внутри них невысок.

Во-вторых, в Беларуси доля пятен с фоном свыше 5 кюри составляет 35% площади всей облученной территории, а в РФ — примерно 15%. То есть в Беларуси процент населения, которое подверглось высоким дозам облучения, многократно превосходит тот же показатель в России. Две трети радионуклидов от общего объема частиц, выброшенных взрывами из реактора, выпали в Беларуси. К тому же на ее территорию приходится 60–70% всех высокозагрязненных площадей, образовавшихся в результате аварии. В России загрязнено менее 0,5% национальной территории, облучено — в основном небольшими дозами радиации — до 3% населения. В Украине эти показатели составляют соответственно 7% и 5%, а в Беларуси — 23% и 30–40%.

---

Численность облученных людей на территории Беларуси подсчитать просто — это все наличное население в РБ. Йодовый удар в первые дни после аварии получили почти все белорусы (как, впрочем, и жители близлежащих районов Украины и России).

---

Однако в отличие от соседних государств белорусы продолжают потреблять радиоактивные продукты (22%). 1,8 млн. гектаров сельхозугодий в РБ подверглись облучению, а сельскохозяйственное производство на многих этих землях сохраняется (с 1990 года исключены из сельхозоборота 264 тыс. гектаров). Следовательно — что производим, то и едим.

Однако если быть более точными, то к собственно чернобыльцам в Беларуси можно отнести от 3 до 4 млн. человек. Эта величина складывается из нескольких составляющих. Около 2 млн. человек сейчас проживают на загрязненных территориях (где фон выше 1 кюри). Около 130 тыс. организовано переселены в чистые или относительно чистые районы. Много было и неорганизованных беженцев с загрязненных территорий. Массово покидали зону люди, особенно ответственно относящиеся к своему будущему: врачи, учителя, административные работники (яркий пример — ближайшее окружение президента). В регионе практически не осталось евреев, хотя до аварии на подвергшихся облучению территориях их проживало 40–60 тысяч. То есть с учетом вынужденных переселенцев из отселяемых деревень количество мигрантов из загрязненных зон в «чистой» части РБ должно составлять сегодня 200–300 тыс. человек.

В Беларуси насчитывается около 110 тыс. ликвидаторов. Вместе с членами семей они составляют заметную часть чернобыльцев — вероятно, свыше 300 тысяч. Семьи ликвидаторов можно смело отнести к особой группе чернобыльцев. Около половины ликвидаторов проживает за пределами «зоны». С учетом этой группы получается, что за пределами «грязных» территорий проживают порядка 350–500 тыс. чернобыльцев.

Было бы логично отнести к чернобыльцам жителей населенных пунктов, расположенных между радиоактивными пятнами и отселенными деревнями, так как на них чернобыльский фактор оказывает сильное влияние в идеологическом и бытовом измерении. Это еще около миллиона человек.

Кроме Беларуси, чернобыльцы живут в Украине, России и других странах. Но здесь актуальность чернобыльской проблематики ниже, чем в РБ. Тем не менее нельзя забывать, что взрыв на ЧАЭС создал особую общность людей, уникальную по происхождению, трагичную по сути и миссионерскую по потенциалу. Уникальность чернобыльской общности заключается в том, что она возникла в предельно короткие сроки в результате крупнейшей в истории человечества техногенной катастрофы.

Все чернобыльцы хорошо знают, что радиация опасна для жизни, и большинство их уверены, что из-за аварии ухудшилось их здоровье. В любой загрязненной деревне могут рассказать, что больше всего радионуклидов в грибах и ягодах, много в молоке, что весной и летом вместе с пылью в организм их попадает больше, чем зимой. Другое дело, что не все одинаково воспринимают эту угрозу. Кто-то недооценивает ее в силу недостатка образования или преклонного возраста, кто-то демонстративно игнорирует, как иные жители Буда-Кошелевского района, где каждый день люди говорят о радиации, носят продукты на дозиметрический контроль, отправляют детей на оздоровление, при встречах сообщают друг другу о болезни или смерти общего знакомого и добавляют: «от радиации». А рядом находятся отселенные деревни...

Социологи отмечают так называемый комплекс чернобыльца. Чувство неуверенности, покинутости, состояние противостояния другим членам общества наблюдается у очень многих людей из загрязненной зоны. Человек, решивший не обращать внимания на радиацию и жить так, как раньше, от этого не перестает быть чернобыльцем. Он может сколько угодно обманывать себя, но природу не обмануть.

Однако среди чернобыльцев много и таких, кто предпочитает не ходить по солнечной стороне улицы. Переселившись в «чистые» районы, они внимательно читают этикетки на продуктовых упаковках и спрашивают у продавца, какая фабрика является производителем. Детей заставляют по многу раз в день мыть руки и принимать душ, запрещают играть в песочнице, ходить без головного убора... Почти каждый человек, которого коснулась авария, расскажет, какие продукты предпочтительнее и как, по его мнению, нужно «выводить радиацию».

Коллективный опыт чернобыльцев — это уже реальный признак субкультурной группы, который можно фиксировать в этнографических экспедициях. У чернобыльцев уже сложился собственный фольклор. Во многих деревнях люди рассказывают о том, что в дни аварии видели желтые облака, в которых раздавался треск и гром, что лужи после дождя были разноцветными, а над полями плыл желтый туман. Это и была радиация... Часто можно услышать рассказы о стаях волков, которые хозяйничают зимой в деревнях, и о том, как местные жители сражаются с ними. О диких кабанах, которые расплодились повсеместно и совсем не боятся людей. Рассказывают об иностранцах и журналистах, которые приезжают посмотреть, «что такое чернобыльская зона», и поглазеть на «сталкеров». Об этом часто говорят с обидой, так как журналисты зачастую стараются снять на пленку все самое неприглядное — ветхую крышу, сломанный забор...

Много рассказывают об эвакуации, о переселении, которое происходило на глазах многих людей. Сюжеты в разных местностях перекликаются, дополняют друг друга, создавая единый страшный эпос. Это рассказы о председателях колхозов, о местном начальстве, милиционерах. Появились и песни на чернобыльскую тему, сочиняет их в основном молодежь. Есть и стихи. О чернобыльцах существует уже множество публикаций самого различного характера, а «Чернобыльская молитва» С. Алексиевич — это летопись судеб многих из них.

### **Чей-то электорат**

Конечно же, чернобыльская группа в культурном плане не является монолитной. Самоселы — это одно, ликвидаторы — другое, переселенцы — третье. Они придерживаются разных политических взглядов. Есть сторонники Лукашенко, БНФ, а есть вообще никого не подерживающие и никому не верящие. Разные политические силы пы-



таются заручиться поддержкой чернобыльцев, а те зачастую не могут понять, кто лишь использует их для укрепления собственных позиций, а кто действительно собирается помочь. И даже то, что государственная помощь в последние годы существенно сократилась, многими воспринимается с пониманием. Политическое поведение некой особой культурной группы вовсе не обязательно адекватно ее реальным потребностям. В истории это не редкость.

---

Однако в любом случае чернобыльцы — это чей-то электорат, и завоевать их поддержку можно в том случае, если подходить к ним как к особой группе населения со специфическими проблемами, которые дополняют общие, характерные для всего общества.

---

Факт существования этой субкультурной группы может вызывать сочувствие, неприязнь, раздражение или прагматическое желание использовать ее в своих целях. Но игнорировать или обходить ее вниманием нельзя. Проживая вдали от радиоактивных зон, мы часто забываем об этом особом факторе белорусской провинциальной жизни.

О чернобыльской катастрофе пишется много. Еще несколько лет назад каждая уважающая себя газета даже где-нибудь в ЮАР и Аргентине помещала материалы о двухголовых собаках и восьминогих телятах, якобы родившихся в загрязненной зоне. Однако практически никто из пишущих не пытался анализировать изменения в общественном поведении людей, оказавшихся под ударом радиации. Это особенно странно в Беларуси, где к чернобыльцам можно смело отнести 30–40% населения. Еще более странно, что, анализируя феномен белорусского президента, мы часто забываем, что наибольшей поддержкой А. Лукашенко пользуется именно в чернобыльских регионах, откуда он родом. Наконец, самое странное и самое страшное в этой ситуации — это сегодняшнее поведение жителей загрязненных регионов: экономический рост нашего государства в последние полтора года достигнут в значительной мере за счет того, что были свернуты широкомасштабные программы ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Чернобыльцев породила авария на ЧАЭС. Выбросы из взорвавшегося реактора продолжались несколько месяцев, пока построили

саркофаг. Однако социальные проявления последствий аварии происходили медленнее, лишь постепенно захватывая в свою сферу все новые сотни тысяч и миллионы людей.

Первыми чернобыльцами стали работники АЭС, пожарные, жители ближайших населенных пунктов. Бойцы трех пожарных караулов тушили пламя, рисковали здоровьем и жизнью, понимая суть происходящего кошмара. Они получили громадные дозы общего облучения (до 500 мЗв) и в основном ныне умерли или находятся при смерти. В силу того что сама ЧАЭС расположена в Украине, мы в Минске обычно об этой трагедии не знаем.

Люди, которые проживали на территории, позже названной тридцатикилометровой зоной, получили примерно такие же дозы, еще не осознав фактически ничего. Ученые, прибывшие на АЭС руководить ликвидацией аварии, бригады «Скорой помощи» и все, кто по причине своей работы или в силу сложившихся обстоятельств оказался в роковой близости от места катастрофы, объективно стали субъектами новой общности людей. Они получили высокие дозы радиоактивного облучения, оказались принудительно выселены из своих домов — то есть вольно или невольно были вынуждены начать новую жизнь в новом культурном качестве. Они стали «чернобыльцами».

Выбросы из взорвавшегося реактора продолжались несколько месяцев. Загрязненные осадки и пыль накрывали все новые и новые районы, а значит, новые сотни тысяч людей превращались из просто русских, белорусов, украинцев в чернобыльцев. Они долгое время не знали об этом, их никто не эвакуировал, а меры, предпринятые в местах их проживания, не обеспечивали никакой безопасности. Жители Могилевщины получили радиационный удар зачастую больший, нежели быстро эвакуированное население тридцатикилометровой зоны.

Кто знает, сколько еще людей стали бы чернобыльцами, если бы радиоактивные облака, двигавшиеся на восток, не «посадили» на границе Беларуси и России, расстреляв из градобойных ракет? Именно поэтому ряд населенных пунктов восточных районов Беларуси (Ветковского, Добрушского, Чечерского, Чериковского, Краснопольского, Костюковичского, Славгородского, Кормянского), не находящихся в непосредственной близости от ЧАЭС, не уступают, а в ряде мест превосходят по плотности загрязнения Наровлянский, Хойникский и Брагинский районы, которые подверглись наиболее мощному радиационному удару.

В первые же дни после аварии число чернобыльцев увеличилось за счет людей, присланных на ликвидацию аварии. Это были армейские части, отряды милиции, мобилизованные военкоматами «на учебные сборы» шоферы, строители, люди других специальностей. В Беларуси насчитывается более 110 тыс. ликвидаторов, хотя точную численность их определить достаточно сложно, так как не все из работавших в то время в зоне загрязнения официально признаны участниками ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, тогда как удостоверение ликвидаторов получило определенное число людей, побывавших в зоне 1–2 раза или имеющих лишь косвенное отношение к ликвидации. Формирование чернобыльского социума проходило в условиях отсутствия достоверной информации, поэтому восприятие населением (особенно в деревнях) аварии и ее последствий не соответствовало страшной реальности. В то же время многие жители городов и поселков, правильно оценив обстановку, стремились как можно скорее уехать подальше от АЭС. В основном люди ехали к родственникам, брали отпуска и уезжали к морю, и, конечно же, все рассчитывали вернуться если не через месяц-другой, то к началу учебного года. В большинстве случаев так и произошло, но часть чернобыльцев смогла оставить хотя бы детей в чистых районах. Увы, потом выяснилось, что многие такие районы были загрязнены так же, а иногда даже сильнее. Самостоятельных переселенцев в этот период было еще мало, в основном из числа медиков и педагогов.

Подавляющее большинство ожидало каких-то действий от государства, не решаясь бросить работу, жилье и уехать в неизвестность, тем более что представители власти и органов здравоохранения делали успокаивающие заявления, уговаривали не поддаваться панике и заверяли, что скоро все будет в порядке: нужно лишь соблюдать гигиену, поменьше бывать на улице и отправить детей в лагеря. 2 мая 1986 года было принято решение об эвакуации населения из белорусской части тридцатикилометровой зоны ЧАЭС. В мае было эвакуировано 11,4 тыс. жителей 50 населенных пунктов Наровлянского, Хойникского и Брагинского районов. Всего на протяжении 1986 года было переселено 24,7 тыс. человек.

Первых чернобыльцев, тех, чью жизнь авария кардинально изменила сразу, было до миллиона. Остальные, уже облученные и продолжавшие облучаться, жили в основном в неведении. Возможно, государственные мужи, которые знали все о последствиях катастрофы,

просто сэкономили средства. Возможно, боялись народного возмущения. Но пока массовые антикоммунистические движения в Беларуси, на Украине, в России не стали в своих интересах раскручивать эту тему, никто не обращал внимания ни на заявления академика Сахарова о масштабе происшедшего, ни на демонстративное жертвенное самоубийство академика Легасова. Того Легасова, который возглавлял научные исследования по определению воздействия последствий аварии на природу и население загрязненных территорий.

# ЛИКВИДАТОРЫ И НЕ ТОЛЬКО

## Уничтожаемые молчанием

**Н**ачалом второго периода формирования чернобыльцев как особой группы стало завершение строительства саркофага. Непосредственный удар радиоактивными частицами из реактора прекратился. Теперь на людей воздействовали только остаточные последствия аварии. Значение ликвидаторов внутри социума упало. Чем больше проходило времени, тем более масштабными становились последствия от воздействия малых доз радиации на массы населения, которых никто не собирался переселять с загрязненных территорий. К тому же на грязных землях по-прежнему массово производили сельскохозяйственные продукты, которые ели жители чистых зон. Молчание о масштабе аварии и время очень скромных мер по ликвидации последствий катастрофы длилось вплоть до конца 80-х годов, когда начались массовые выступления протеста.

Вспомним: первая послечернобыльская весна не разморозила правду о чернобыльской катастрофе. Это была закрытая тема для прессы. Исследования и рекомендации ученых часто не принимались во внимание государственной властью. Интересы различных ведомств, коррупция также не способствовали оценке проблем во всех аспектах. Между тем, чернобыльцы жили жизнью, диктуемой посткатастрофной реальностью. Уже появились умершие непосредственно от последствий аварии, более 200 человек заболели лучевой болезнью, более 2 тыс. человек получили различные формы лучевого поражения, появились радиационные патологии, и возрос общий уровень всех заболеваний.

В 1988 году Минздрав СССР ввел временно допустимые уровни радиационного загрязнения основных продуктов питания по цезию-137, но эти уровни в 10–100 (!) раз превышали доаварийные значения. Предел индивидуальной общей дозы облучения на 1986 год был определен в 10 бэр, на 1987-й — 3 бэра, на 1988-й — 2,5 бэра, а предел дозы облучения за жизнь был установлен на уровне 35 бэр. Все эти нормы были крайне несовершенны и во много раз превышали международные нормы радиационной безопасности (не более 0,1 бэра в год и 7 бэр за жизнь). С июля 1990 года для Беларуси были введены республиканские контрольные уровни с ограничением содержания радионуклидов в молоке и мясе в два раза и впервые введены контрольные уровни по стронцию-90 (годовая доза внутреннего облучения ус-танавливалась не более 0,17 бэра).

В это время идентификация жителей загрязненных территорий как чернобыльцев уже повсеместно укоренилась. Для окружающих не имело значения конкретное место проживания человека, приехавшего на оздоровление или переселившегося в «чистый» район. Этот человек для всех был чернобыльцем, не таким, как они. Постепенно и сами чернобыльцы ощутили себя особой, специфической группой. Свое отличие от других, пожалуй, раньше всех почувствовали чернобыльские дети, которых забирали на время каникул родственники из разных районов СССР. Стали уже печально известными, можно сказать, хрестоматийными слова «чернобыльские ежики», «светлячки», «травленные», которыми награждали чернобыльских детей их сверстники, чьи родители не разрешали им играть вместе. Конечно, дети, отдохавшие в пионерских лагерях и санаториях целыми классами, не слышали этих слов от взрослых воспитателей, к тому же очень часто воспитателями были их учителя-чернобыльцы. Но и эти дети, не испытывавшие прямого отторжения «чистыми» сверстниками, осознавали свою непохожесть на других иначе — хотя бы потому, что их целыми поездами, независимо от желания, вывозили на оздоровление. А когда начались больницы... все от мала до велика поняли, что Чернобыль объединил их в одно целое. Радиационные факторы вызывали все большее беспокойство у населения, об этом свидетельствуют материалы множества социологических опросов. Радиофобия стала едва ли не самой распространенной формой психического расстройства в чернобыльских районах. Мы уже забыли, как не покупали молоко годами и бегали проверять щитовидку к знакомым врачам.

Вплоть до конца 80-х годов государство не ставило чернoбыльские проблемы во главу угла. Не было даже программы действий в посткатастрофных условиях, и по-прежнему никто не спешил сообщить людям о реальных масштабах и последствиях аварии. Начало широких программ по ликвидации последствий аварии было вырвано у государства людьми силой. В Беларуси с весны 1989 года задачу давления на власть ради спасения людей взял на себя комитет «Дети Чернобыля» Белорусского Народного Фронта. Он стал инициатором и организатором акций «Чернобыльский шлях» 30 сентября 1989 года, «Чернобыльская Ассамблея народов» в ноябре 1989 года, переселения Славгородской школы-интерната для детей-сирот, оздоровительного отдыха 6 тыс. детей в пяти странах, гуманитарной помощи больницам, школам, детским домам и семьям в 12 районах чернобыльской зоны. Этот момент можно назвать переломным в истории чернобыльского социума, так как впервые внимание широкой общественности в СССР и других странах было обращено на реальные проблемы чернобыльцев, и началось формирование международного общественного движения солидарности и гуманитарной помощи жертвам чернобыльской катастрофы.

Во многих загрязненных городах прошли экологические митинги.

---

Лишь осенью 1989 года Верховный Совет БССР принял Государственную программу по ликвидации в Белорусской ССР последствий аварии на ЧАЭС на 1990–1995 годы.

---

В декабре 1989 года было решено отселять семьи с детьми до 14 лет, беременных женщин и больных из населенных пунктов с плотностью загрязнения 15–40 Ки/км<sup>2</sup>, но отселение растянулось на несколько лет. Сейчас там проживают около 35 тыс. человек, в основном не захотевших переселяться, и к ним добавились «возвращенцы».

Как бы ни относились к БНФ ныне, но в конце 80-х годов БНФ практически один говорил в Беларуси о Чернобыле и стоял у истоков экологического движения. Лишь немногие чернобыльские активисты того времени стояли в стороне от БНФ. Вероятно, наиболее известным из них является академик В. Б. Нестеренко. Увеличился поток «экологических беженцев». В 1990 году их было в

2,5–3 раза больше, чем организованных отселенцев. Это был период высокой активности населения пострадавших районов, когда радиационный фактор занимал первое место по значимости среди всех остальных.

### Сумевшие подняться

Первая половина 90-х годов стала временем расцвета чернобыльского движения. После прорыва информационной блокады вокруг последствий чернобыльской катастрофы начался и новый период в формировании чернобыльцев как особой культурной группы. Чернобыльцы стали быстро создавать свои собственные общественные организации. Говоря научно, социум создал свои формы самоорганизации. В 1990–1991 годах в Беларуси были созданы около 20 общественных организаций и фондов, которые ставили своей целью защиту прав пострадавшего от аварии населения, благотворительную помощь различным категориям чернобыльцев. Затем количество организаций стало быстро расти. Деятельность этих фондов далеко не однозначна. Скажем, одним из таких фондов — «Спадчына Чарнобыля» — руководил в свое время Иван Иванович Титенков, то близкий к президенту А. Лукашенко бизнесмен, то отдаляющийся от него в глубины российского бизнеса.

Стали возникать конфликты между чернобыльским движением и теми силами, которые сочувствовали чернобыльцам, но по большому счету преследовали свои собственные цели. Вероятно, наиболее крупным конфликтом такого рода можно считать ситуацию вокруг Геннадия Грушевого. Он был обвинен в выводе чернобыльских структур из-под контроля руководства Фронта и во многих других смертных грехах. Однако характерно то, что чернобыльские структуры после этого конфликта не исчезли и не растворились в БНФ, а быстро выросли. Вероятно, чернобыльское движение становилось самостоятельным и менее политизированным, чем иные. Чернобыльские организации стремились уклониться от прямого политического противостояния, концентрировались на благотворительной деятельности. Их задачей было не взятие власти, а выживание после катастрофы.

Однако и при такой направленности чернобыльские организации совершили в начале 90-х годов своего рода подвиг. К моменту прихода к власти в РБ А. Лукашенко на оздоровление (в основном



на Запад) через общественные организации уезжало больше детей, чем через государственные структуры (примерно по 30 тысяч в год отправлял только фонд Грушевого). Свыше половины, во многих случаях до 80% всех лекарств в больницах на территориях с уровнем радиации от 15 кюри поставлялись бесплатно через эти общественные организации. Только в Германии, только с одним лишь фондом «Детям Чернобыля» Г. Грушевого сотрудничало в 1994 году свыше 100 специально созданных немецкими гражданами «чернобыльских инициатив».

С возникновением чернобыльских движений и инициатив определенное число людей оказалось причастно к решению проблем чернобыльцев, больше других знали их беды, пытались формировать адекватное общественное восприятие постчернобыльских процессов. Наиболее активная часть чернобыльцев оказалась вовлеченной в деятельность этих инициатив. Тех, кто сам непосредственно не подвергся радиационному удару, но активно действует в интересах чернобыльцев, можно условно выделить в своеобразную категорию людей, ближе других находящихся к чернобыльцам. В их числе множество иностранных граждан из разных стран мира, которые организуют детский оздоровительный отдых и лечение, гуманитарную помощь жителям загрязненных территорий и больницам, лечащим чернобыльцев.

К этой же особой категории людей и по такому же критерию можно отнести медиков, которые лечат чернобыльцев на «чистых» территориях, чиновников, причастных к чернобыльским проблемам, писателей, журналистов, ученых, занимающихся чернобыльской тематикой. То есть по прошествии времени группа людей, в жизни которых Чернобыль занимает очень важное место, имеет тенденцию к увеличению, расширению по идеологическому признаку, по факту вовлеченности в сферу чернобыльских проблем, в то время как численность людей, непосредственно пострадавших от катастрофы, будет постепенно сокращаться.

Увлеченные политическими победами А. Лукашенко, мы сейчас забываем, что еще несколько лет назад лидеры общественных чернобыльских инициатив были очень популярны среди чернобыльцев и всего населения республики (и остаются таковыми до сих пор). На выборах 1990 года в Верховный Совет БССР депутатами было избрано много кандидатов от чернобыльцев, и в Верховном Совете часто рассматривались вопросы, связанные с Чернобылем. С марта 1991 года

начала выходить социально-экологическая газета «Набат», создан журнал международного гуманитарного сотрудничества Demos, в 1992 и 1994 годах фонд «Детям Чернобыля» провел международные конгрессы «Мир после Чернобыля». Экологические митинги, ежегодные акции «Чернобыльский шлях», массовое создание различных общественных организаций, первые художественные произведения о Чернобыле, конкурс детских сочинений «Чернобыль в моей судьбе», наконец, начало массового выезда детей на оздоровление за границу — слагаемые чернобыльского движения в этот период.

На фоне бурной деятельности общественных организаций государство было вынуждено развернуть программу по решению проблем, порожденных катастрофой. Лишь в июле 1990 года Верховный Совет БССР объявил Беларусь зоной экологического бедствия. Земли с плотностью загрязнения более 40 Ки/км<sup>2</sup> были исключены из землепользования. Началось массовое отселение людей с территорий с плотностью загрязнения выше 40 кюри и от 15 до 40 кюри. В 1991 году был установлен предел общего облучения в 0,1 бэра.

Горбачевская гласность привела к тому, что о Чернобыле заговорили политики, медики, ученые, в прессе появилось множество материалов о подлинных масштабах аварии и о ее последствиях. Чернобыльцы к этому времени уже осознавали, что их постигла огромная необратимая беда, но то, что они узнали, превзошло все представления.

В декабре 1991 года в Беларуси был принят закон «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС», он определял комплекс определенных льгот для чернобыльцев: бесплатное питание в школах, ПТУ, техникумах загрязненных районов, бесплатное пребывание дошкольников в детских садах, дополнительный отпуск, выплата ежемесячного денежного пособия на каждого члена семьи — «гробовых», предоставление бесплатных путевок на оздоровление или денежная компенсация за путевку, двойное пособие по уходу за ребенком до трех лет. Люди могли пользоваться этими льготами в соответствии с полученным статусом: ликвидатор, житель зоны первоочередного или последующего отселения, зоны с правом на отселение, зоны проживания с периодическим радиационным контролем. Предоставление определенных льгот послужило для части чернобыльцев фактором, сдерживающим переселение в чистые районы, где к тому же еще возникала проблема трудоустройства.

С этого времени поток самостоятельных переселенцев значительно сократился, уступив место организованному отселению. Так, в 1991–1992 годах по схеме обязательного отселения выехало в 8,5 раза больше людей, чем по свободному выбору.

Этот бурный период осложнялся тем, что совпал с резким падением уровня жизни. В условиях возникшего товарного дефицита и высоких цен далеко не все чернобыльцы могли обеспечить себе необходимое усиленное, витаминизированное питание, стали обращать меньше внимания на загрязненность продуктов радионуклидами, тем более что дозиметрический контроль в это время осуществлялся далеко не во всех населенных пунктах.

В конце 1991 года развалился Советский Союз. Социально-экономический кризис углубился. Общество политизировалось. Чернобыльские организации не только бурно развивались, но и не менее бурно конфликтовали друг с другом. Все это способствовало тому, что проблема ликвидации последствий аварии в сознании большинства чернобыльцев передвинулась на второй план, а наибольшее беспокойство стали вызывать высокие цены, дефицит товаров и преступность.

Во второй половине 90-х годов ситуация изменилась. Возможно, дело здесь не в исходе президентских выборов 1994 года. Возможно, обнищавшее общество было не в состоянии более выдерживать тяжесть ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Возможно, общество устало от чернобыльских проблем. Но для чернобыльцев настали сложные времена. На государственном уровне стали высказываться мнения о том, что на загрязненных территориях с уровнем 1–5 кюри люди уже не получают доз облучения, опасных для здоровья, а следовательно, там можно жить и работать. С многих грязных районов сняты прежние ограничения. Чистыми признаны даже города вроде Черчерска, где отселено полрайона и отселенные деревни находятся в 10 км от города. Пока не завершён процесс «реабилитации» грязных территорий, сложно сказать, сколько земель потеряют статус «грязных» в глазах нашего государства. Иными словами — сколько людей перестанут получать прямую и косвенную поддержку страны для выживания. Однако можно смело говорить, что речь идет не менее чем о половине всех грязных земель.

С лета 1996 года все новые территории признаются безопасными и правительство сворачивает мероприятия радиационной защиты населения, уменьшено финансирование на оздоровление детей, прекра-

щается выплата денежных пособий. Практически прекратилось отселение людей из сильно загрязненных районов. Сворачивается и освещение положения дел в чернобыльской зоне государственными СМИ. Оказывается сильное давление на общественные организации, в том числе и на чернобыльские инициативы.

Именно в ходе развернутого государством контр наступления на чернобыльцев руководитель фонда «Детям Чернобыля» Г. Грушевой с семьей был вынужден уехать из Беларуси. Перед этим он, несмотря на сильное противодействие со стороны государственной власти, победил на выборах в депутаты ВС Беларуси в избирательном округе в Минске, где компактно проживают более 10 тыс. переселенцев из чернобыльской зоны. В Беларуси введены новые правила на пропуск благотворительных грузов через границу, что резко ударило по уже налаженным связям. В рамках общего подавления самодеятельных структур в РБ происходит падение активности и чернобыльских организаций. Детей хотят оздоравливать либо в Беларуси, либо в России и в Украине, дабы загрузить местные санаторные учреждения и уменьшить прямые контакты чернобыльцев с Западом.

Нельзя сказать, что государство является античернобыльской силой и что политика государства направлена на замалчивание последствий катастрофы, на усугубление этих последствий. Просто на ликвидацию последствий аварии нет средств.

---

Надо выбирать: или развивается экономика, и потом находятся средства на преодоление последствий аварии, или ныне скудные средства тратятся на чернобыльские программы сейчас.

---

Внешняя помощь Беларуси на ликвидацию последствий аварии зерна по сравнению с тем, что необходимо. На ликвидации последствий аварии экономят, а тех, кто может сопротивляться такой экономии, подавляют силой. Ситуация драматична, в ней действуют как понимающие люди, так и ограниченные бюрократы, преступники и идеалисты, политические авантюристы, и политики, и идеологи.

Впрочем, для предмета нашего анализа важно иное — ныне происходит качественно новое явление в жизни чернобыльцев. Государство пытается отнять у них то, что с трудом было ими отвоевано в

конце 80-х годов. Вряд ли опыт общественной самоорганизации у чернобыльцев начала 90-х канул в Лету. Не исключено, что мы стоим в начале процесса новой консолидации этого социума вокруг идеи выживания. Консолидации в условиях, когда уже накоплен большой массив особой субкультуры.

### **Беженцы чернобыльской войны**

История отселения людей с загрязненных радионуклидами земель — это как раз тот случай, когда масштабы и сроки переселений неадекватны реальной опасности, которой подвергалось и подвергается население после аварии на ЧАЭС. Затягивая переселение людей, государство только усугубляет проблему, навешивает на все белорусское общество дополнительный груз дорогостоящих программ, которые все равно придется решать позднее.

Кого можно считать чернобыльскими переселенцами и сколько их ныне? Чернобыльскими переселенцами можно считать, строго говоря, всех людей, которые покинули территории, зараженные в результате катастрофы. Точно подсчитать население, покинувшее зараженные местности под воздействием именно радиации, почти невозможно. Мотивы поведения людей, в том числе мотивы отъезда за пределы «зон», нередко не связаны напрямую со страхом перед болезнями. К тому же страх перед радиацией — это величина подвижная, почти рейтинговая. Сегодня люди боятся, а завтра президент скажет, что «здесь жить можно» — и им уже ничто не страшно. Тем не менее в целом страх перед радиацией среди населения зараженных территорий достаточно высок. Согласно данным Института социологии АН РБ, в 1995 году 74,6% опрошенного населения загрязненных районов поставили радиационную опасность в числе первых четырех угроз, с которыми они сталкиваются в своей жизни.

Всех переселенцев можно разделить на две группы: организованные и свободные. К организованным относятся люди, эвакуированные или отселенные с территорий с плотностью загрязнения 15 Ки/км<sup>2</sup> и выше в специально построенные для них квартиры и дома. Часть самостоятельных переселенцев учитывается официальной статистикой и обычно добавляется к числу организованных. Это те, кто получил жилье в выбранном для жительства населенном пункте на правах пострадавших от Чернобыля. В первые три-четыре года после аварии

наиболее динамично вели себя самостоятельные переселенцы. Не получив от государства правдивой информации об аварии, но составив представление о ее масштабах и последствиях по сообщениям «вражеских» радиостанций, по поведению местных чиновников и медиков, люди стали уезжать подальше от беды. Сделать это было непросто, потому что официальная установка «спокойствие и только спокойствие» была серьезным препятствием для очень многих, особенно для членов КПСС.

Тем не менее «исход» начался, и вплоть до 1991 года самостоятельные переселенцы были основными мигрантами с загрязненных территорий. В 1990 году поток таких переселений превышал организованное отселение в 2,5–3 раза и составил около 50 тыс. человек.

---

В основном опасные районы самостоятельно покидала наиболее трудоспособная и образованная часть населения — те, кто был в состоянии найти жилье и работу в чистых районах и кого охотно принимали вербовщики из разных хозяйств и организаций с нехваткой рабочей силы.

---

Эти люди уже не надеялись на то, что государство решит их проблемы, ведь после отселения в 1986 году 24,7 тыс. человек заметных отселений не велось вплоть до 1990 года, когда наконец-то отселили деревни Чудяны Чериковского района с плотностью загрязнения цезием-137 146 Ки/км<sup>2</sup>, Шепетовичи Чечерского района (61,39 Ки/км<sup>2</sup>) и ряд других деревень с уровнем загрязнения выше 40 кюри и началось медленное отселение жителей из зоны загрязнения выше 15 Ки/км<sup>2</sup>. Только в 1990–1992 годах было отселено около 54 тыс. человек. На эти и два последующих года и пришелся основной пик организованных (или обязательных) переселений.

Началом организованного отселения можно считать эвакуацию города Припять 27 апреля 1986 года и детей и беременных женщин из десятикилометровой зоны 1 мая 1986 года. 2 мая 1986 года зона была расширена до 30 километров, и из нее вывезли детей. Реальная эвакуация всего населения из этой зоны началась 3–4 мая 1986 года.

Переселение было объявлено временной мерой. Людей размещали первоначально даже в школах поблизости от их деревень. Из украинской части тридцатикилометровой зоны эвакуировали около 90 тыс. че-

ловок, в их числе 49 тыс. человек (по другим данным, 44,6 тыс. человек) из города энергетиков Припяти, из российской — 186 (!) человек.

В 1990–1992 годах проходило отселение людей из 17 загрязненных районов Беларуси. В России в то же время было отселено около 30 тыс. человек. В целом же за 11 лет, прошедших после чернобыльской катастрофы, численность организованных и свободных учтенных переселенцев в Беларуси достигла 131,2 тыс. человек, на Украине около 100 тысяч, в России 50 тыс. человек. Значительное число переселенцев, самостоятельно покинувших зоны с высокой радиацией, нигде не учтено. Даже по тридцатикилометровой зоне при расчетах «теряется» около 20 тыс. человек, бежавших от аварии куда глаза глядят сразу после взрыва совершенно самостоятельно.

В ряде регионов Беларуси чернобыльские переселенцы проживают компактно, и их проблемы являются определяющими для целых территорий. Заметные компактные поселения чернобыльских переселенцев есть в Минске (Малиновка, Шабаны), Могилеве, Гомеле и некоторых других городах Беларуси, а также в Киеве, Житомире и в Славутиче на Украине, в Брянске в России. Однако особенно важно, что переселенцы компактно осели в ряде сельских районов Беларуси. Традиционная культура у сельских жителей сохраняется в большей степени, чем в городе. Так, в Мстиславском и Шкловском районах есть целые колхозы, организованно переселившиеся из чернобыльских районов.

29 декабря 1989 года Президиум Верховного Совета БССР принял Указ об образовании особого Дрибинского района Могилевской области, на территорию которого было переселено особенно много населения из загрязненных зон. Сейчас в Дрибинском районе проживают до 7 тыс. переселенцев, в основном из Краснопольского и Славгородского районов. Жилье для переселенцев строится в сельской местности в 11 районах Могилевской области, в 10 — Гомельской области. В остальных областях чернобыльцы осели в основном в городах, из них примерно 31 тысяча — в Минске. Переселенцы, по крайней мере их значительная часть, не растворяются в общей массе населения чистых зон, а консолидируются в устойчивые особые культурные группы.

На территории, где уровень загрязнения превышает 15 Ки/км<sup>2</sup>, то есть там, откуда даже по официальным белорусским правилам необходимо население отселить, ныне проживают 30–35 тыс. человек (с учетом беженцев из горячих точек бывшего СССР и самоселов). Значительная часть из них, вероятно, вскоре эти земли оставит.

При сохранении наметившихся тенденций среди самостоятельных переселенцев на территориях, где радиация относительно невысока (свыше 1 Ки/км<sup>2</sup>), в течение ближайших 10–15 лет место жительства сменят 150–200 тыс. человек. Значит, только в Беларуси к 2010 году число людей, которые с 1986 года покинули и еще покинут места постоянного жительства под тем или иным влиянием чернобыльской аварии, достигнет полумиллиона человек. Ситуация для общества не катастрофичная, но сложная. Столь масштабный исход населения ставит перед небольшой Беларусью ряд острых проблем. Среди них особое значение имеют социальные противоречия, порождаемые переселениями.

Это в первую очередь проблема адаптации все большего числа организованных и неорганизованных переселенцев в чистых зонах. Помимо психологического комплекса «беженцев», переселенцы несут с собою потенциально высокий уровень заболеваемости и связанный с высокой заболеваемостью комплекс субкультуры. Их дети (теоретически) ездят на оздоровление, взрослые получают льготные путевки в санатории и т. п. Растворить переселенцев в общей массе населения чистых территорий уже не удалось. С учетом продолжающегося переселения — не удастся тем более. Слишком их много и слишком сильна у переселенцев тяга друг к другу.

Вместе с переселенцами в жизнь людей в чистых зонах дополнительно зримо приходит Авария. Чтобы общество сохранило в таких условиях духовное единство, государство и вся политическая система Беларуси должны создать соответствующую духовно-идеологическую атмосферу. Нравится это кому-то или нет, но единство общества вокруг идеи ликвидации последствий аварии должно обеспечиваться всей мощью государственной машины и общественного мнения РБ. Иначе успешная адаптация чернобыльцев в чистых зонах невозможна.

## **Момент истины**

Другой крупной проблемой, связанной с переселенцами, является судьба людей в местностях, откуда идет переселение. Тем более что заметная часть жителей грязных районов отказывается признавать факт вредного влияния радиации на их организм, а то и вообще задумываться на эти темы и уезжать оттуда не собирается. С точки зрения сиюминутных интересов бюрократии и населения чистых зон пред-



почтительнее, чтобы население в грязных зонах оставалось и продолжало жить по-прежнему. В экономическом плане Беларусь теряет из-за исхода населения из грязных районов многое. Безвозвратно потеряно примерно 3% обрабатываемых плодородных земель, 485 тыс. населенных пунктов остались без жителей, закрылись более 600 школ и детских садов, около 300 объектов народного хозяйства, 95 больниц, 550 предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания, прекратили работу 54 крупных сельскохозяйственных объединения. Только организованное переселение людей в Беларуси за прошедшие 11 лет «съело» около 5 млрд. долларов.

По неоднократным заявлениям А. Лукашенко, в 90-х годах около 25% бюджета уходило на ликвидацию последствий аварии. «Президентская» цифра циркулирует и по иностранным отчетам о положении дел в странах, подвергнувшихся радиационному удару. Обычно считается, что Россия тратит на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС около 1% бюджета, Украина — 12%, Беларусь — 25%. Цифра для Беларуси громадная. Такими долями в бюджете финансируются тяжелые войны. Афганская война из бюджета СССР изымала куда меньший процент. Вероятно, таким образом учитываются косвенные бюджетные затраты, ибо прямые цифры чернобыльских затрат меньше.

При бесплатной белорусской государственной медицине и социальных программах населению чистых зон все равно придется оплачивать глупость тех, кто остался в грязных зонах, и преступление перед человечеством тех государственных чиновников, кто убедил население остаться в грязных зонах. Что будет происходить с людьми на грязных территориях, зависит от государственной политики. Вариантов немного:

- дальнейшая деградация социума, который остается без людей разумных, переселившихся самостоятельно, рост культуры болезней, падение гигиенической культуры, распространение асоциальных явлений, преступности, наркомании. Иррациональное поведение этого населения при выборе политических вариантов развития страны. Рано или поздно произойдет и взаимоотталкивание чернобыльских и чистых регионов и региональных культур;
- исход населения из сельской местности, быстрое вымирание оставшихся стариков, отток населения из грязных в чистые зоны и крупные города. Распространение вместе с переселенцами на

чистые зоны специфичной чернобыльской субкультуры, сложившейся в грязных зонах.

Для стабильности государства и общества Беларуси и моральней и дешевле стимулировать переселение из грязных зон, спасать своих соотечественников, а не реабилитировать территории, которые восстановить нельзя.

### **Ликвидатор к ликвидатору — скоро все ими станем**

Чернобыль настолько глубоко вошел в нашу жизнь, что мы уже часто не обращаем внимания на то, что в Беларуси нормой является работа в грязных зонах, исполнение функциональных, должностных обязанностей там, где находиться опасно для здоровья. Ни оплата труда должностных лиц в грязных зонах, ни иные формы компенсации урона их здоровью даже близко не восполняют утраченного здоровья. Когда в Гомельскую или Могилевскую область приезжают иностранцы, они часто стараются «незаметно» не пить и не есть ничего местного, не выходить из машин, дабы не дышать местным воздухом и не попадать под местный дождь. Наши люди работают, как будто ничего не произошло, хотя здоровье свое при этом теряют.

Сколько же у нас тех, кого можно по сути считать ликвидаторами, кто стал чернобыльцем, не обязательно проживая в чернобыльской зоне?

Сразу учтем тех, кто обладает официальным статусом ликвидатора аварии на ЧАЭС. Этот статус и соответствующие льготы получили в основном те, кто принимал участие в ликвидации последствий аварии в 1986–1989 годах в тридцатикилометровой зоне и на территории ЧАЭС, а также проводил работы по дезактивации, строительству жилья и жизнеобеспечению населения в зонах первоочередного и последующего отселения в 1986–1987 годах. В чернобыльские регистры постсоветских государств занесены несколько менее 800 тыс. человек. Удостоверения ликвидаторов из них имеют около 100 тысяч в Беларуси, 152 тыс. человек в России (хотя участвовали в ликвидации последствий аварии 200–350 тыс. россиян). 200–300 тыс. ликвидаторов проживают на Украине.

Особое положение в этой группе занимают инвалиды-чернобыльцы. Это не только собственно ликвидаторы, но и все те, чья инвалид-

ность имеет причинную связь с чернобыльской катастрофой. В Беларуси их около 4 тыс. человек.

Другая группа признанных ликвидаторами официально — военнослужащие и сотрудники военизированных структур, исполнявших свой долг на ликвидации последствий аварии. Через сутки после взрыва в зону аварии прибыли части Киевского ВО, химических войск и Гражданской обороны. В дальнейшем в зону прибыли и постоянно работали воинские контингенты из других военных округов. В начале мая по решению ЦК КПСС Министерство обороны СССР начало призыв «на военные сборы» здоровых молодых мужчин («партизаны»).

Общая численность личного состава находившихся в зоне войск (вместе с призванными военкоматами на «сборы») в 1986–1987 годах составляла около 150 тыс. человек. Военнослужащие выполняли наружную и внутреннюю дезактивацию АЭС, промплощадки прилегающей территории, дезактивацию и ремонт техники и транспорта, выезжающего из зоны. Делалось это почти вручную, с простейшими механизмами. К работам по ликвидации аварии были также привлечены сотрудники МВД и ВВ. В Беларуси таковых около 14 тыс. человек.

Сотрудники силовых структур и «партизаны», как правило, ассоциируются в массовом сознании с понятием «ликвидаторы». Это несомненно так. Но наряду с этими людьми в этот период в зоне эвакуации, а также в зонах первоочередного и последующего отселения выполняли свои обязанности руководители отселяемых хозяйств и предприятий. Номенклатурные работники должны были руководить эвакуацией своих хозяйств, а также — зачастую — хозяйственной деятельностью своих организаций в условиях катастрофы. Председатель колхоза, ездивший по полям на своем газике, ловил столько же горячих частиц, сколько и его шофер, и лишь немногим меньше, чем его механизаторы.

В зонах первоочередного и последующего отселения, куда, как правило, вначале эвакуировали людей из тридцатикилометровой зоны, хозяйственники должны были обеспечивать размещение, во многих случаях руководить строительством жилья для переселенцев. При этом они получали дозу радиации, вполне сопоставимую с той, которую получали люди на строительстве жилья.

Стали уже привычными обвинения местных чиновников в открытии информации об аварии и бегстве из опасной зоны. Это бы-

вало, как были препятствия со стороны вышестоящих органов вывозу детей и выезду людей до официальной эвакуации. Но если посмотреть на номенклатуру трезвее, то можно сказать, что местная государственная и хозяйственная номенклатура, столь нелюбимая многими за дело, в данной ситуации выполнила свои должностные обязанности. Структуры управления в Гомельской и Могилевской областях не рухнули, как в 1941 году после удара немцев. Госаппарат сохранил управляемость, хотя чиновники в отличие от простых людей знали, что происходит и чем облучение угрожает им. Свою дозу облучения они получили. Многим бросается в глаза, что смертность от рака у руководящих работников Гомельской и Могилевской областей сегодня гораздо выше среднего показателя по этим областям. И темпы прироста онкологических заболеваний в их среде выше, чем в среднем по вверенной их руководству территории. Сотрудников государственных учреждений, силовых структур и хозяйственных руководителей на загрязненных территориях порядка 200–300 тыс. человек.

---

Самую большую группу людей, облученных в ходе аварии, составляют простые люди, проживающие на этих территориях до сих пор.

---

Колхозники, жители небольших городков, местная интеллигенция, включая молодых специалистов, каждый день уже двадцать лет получают свои смертельные дозы. Никто из них не умрет спокойно. Все перед смертью будут долго мучиться, как ныне ликвидаторы. И те, кто считает, что жить в зоне неопасно, и те, кто так не считает. И те, кто голосует за президента и его программу реабилитации грязных земель, и те, кого увольняют с работы за участие в чернобыльских общественных организациях. И те, кто грабит отселенные деревни, и те, кто эти деревни охраняет. Никто не получит от государства компенсации, адекватной ущербу их здоровью, хотя практически все они работают на государство, а руководство страны подерживают и одобряют.

Далеко не все, кто обладает правом на официальный статус ликвидатора, этот статус получили. Через зону эвакуации, первоочередного и последующего отселения в 1986–1989 годах прошло гораздо больше людей, чем признано ликвидаторами официально.

Можно только предположить, что непризнанных ликвидаторов, вероятно, не меньше, чем тех, кто заветные «корочки» получил. По крайней мере на Украине и в России статус ликвидаторов имеют не больше половины тех, кто там был. Вряд ли у нас ситуация в этом плане лучше.

## Покорное большинство

А ведь есть еще и те, кто формально не является ни жителем грязных территорий, ни участником тушения пожара на ЧАЭС, а свои дозы уверенно набирают. Это жители чистых территорий, расположенных поблизости от грязных пятен.

Многие районы на карте выглядят как лоскутное одеяло — там соседствуют чистые участки и участки с разным уровнем загрязнения. Во многих районах есть отселенные деревни. В таких районах какая-то часть населения проживает на чистой территории, но в силу своей работы часто находится на загрязненной. Множество людей проводит в радиоактивной зоне все свое рабочее время.

Например, в Чечерском районе в зоне отселения построен европейского значения завод по переработке вредных отходов. Рабочих привозят из чистой зоны (в основном из Гомеля), и они работают на объекте, получая свои дозы облучения. Практически во всех загрязненных районах не хватает многих категорий специалистов для жизнеобеспечения населения, и многие вынуждены приезжать из чистых районов в силу своих должностных обязанностей. Медики работают вахтовым методом. Сотрудники ОМОН, МВД, патрулирующие и охраняющие отселенные территории, тоже во многих случаях живут в чистой зоне, но в рабочее время проезжают многие километры по радиоактивным дорогам, через леса с горячими частицами.

---

Многие хозяйства занимают часть загрязненных земель, и работники колхозов и совхозов выезжают на зараженные земли для ведения хозяйственной деятельности, хотя сами могут жить в чистых деревнях.

---

Таковыми являются почти все жители территорий с загрязнением свыше 1 кюри и около полумиллиона жителей чистых пятен, располо-

женных между загрязненными деревьями или в непосредственной близости от них, — до 3 млн. человек или около 1,5 млн. занятых.

Шоссе Петербург — Гомель — Одесса проходит через пятно отселенных деревень в Буда-Кошелевском районе. На съезде с шоссе в сторону бетонная подушка. На ней вагончик. В вагончике — два молодых милиционера. Вагончик и бетонная подушка стоят на месте захороненной деревни, откуда родом один из этих милиционеров. В вагончике фон нормальный — 14 миллирентген в час. А возле шлагбаума, закрывающего проезд в «зону», — уже 60 миллирентген, а на траве у шлагбаума и вагончика — 120.

По сути, есть суровая проблема существования лиц, исполняющих функциональные обязанности на зараженной территории. Все они в той или иной степени ликвидаторы. А многие к тому же еще и постоянные жители грязных территорий.

В целом порядка 2 млн. человек, проживающих ныне на территории РБ, в течение последних 11 лет исполняли или продолжают исполнять свои функциональные обязанности на загрязненной радионуклидами территории. Из них государство обеспечивает более-менее сносное существование только тем, кто обладает официальным статусом ликвидатора (примерно 100 тыс. человек). Чернобыльский социум охватывает все новые группы населения чистых территорий.

# ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ

## На рубеже демографической катастрофы

**В** различных отраслях науки накопилась информация, позволяющая более обоснованно говорить об отдаленных последствиях крупнейшего в истории человечества радиационно-экологического бедствия. Результаты исследований не оставляют места щадящим, успокаивающим прогнозам. По данным Министерства статистики и анализа РБ, сейчас в зоне радиоактивного загрязнения выше  $1 \text{ Ки/км}^2$  насчитывается 1 млн. 840 тыс. 951 человек. Среди них более 483 тыс. детей.

Существовавшие до чернобыльской аварии традиционный уклад жизни, шкала ценностей, культурные ориентиры и мировоззрение всех социальных групп ныне Чернобыльского региона претерпели существенные изменения (самосознания, половозрастной и квалификационной структуры населения). В итоге загрязненную территорию и отдельные относительно чистые пятна внутри нее можно охарактеризовать как регион исключительно глубокого социокультурного бедствия.

Анализируя демографическую ситуацию в чернобыльской зоне и в Беларуси в целом, академик НАН РБ Е.М. Бабосов отмечает: «Вызванные чернобыльской катастрофой негативные изменения... поставили нашу республику на грань демографической катастрофы». Растущая естественная убыль населения сопровождается ухудшением физического и психического здоровья населения, что в результате приводит к потерям в генофонде. Такое положение фиксируется с 1994 года. От больных детей Чернобыля рождаются больные внуки Чернобыля, а по-

том правнуки и т. д. Доктор биологических наук Р.И. Гончарова (НИИ генетики и цитологии НАН РБ) отмечает, что «частота врожденных пороков развития будет возрастать в последующих поколениях, пока не достигнет равновесного состояния». «Все население Беларуси живет на территории повышенного генетического риска. Нам необходим постоянный мониторинг заболеваемости всего населения». Такой вывод на фоне крайне недостаточных медицинских и социальных мер защиты населения приводит к мысли о том, что рубеж, отделяющий общество от демографической катастрофы, может быть перейден в самом ближайшем будущем.

В результате экологической миграции на загрязненных территориях деформировалась квалификационная структура населения. Часть вакансий заполняется за счет мигрантов из различных регионов бывшего СССР (беженцы составляют до 20% населения чернобыльской зоны). Для восполнения кадровых потерь открыт мединститут в Гомеле, пединститут в Рогачеве. Набранные туда по целевому направлению студенты должны вернуться в свои районы, которые массово покинула местная элита. А ведь элита занимала свои традиционные ниши в общей субкультуре региона. С ее оттоком культурная среда беднеет, становится однобокой, теряет традиционные варианты духовного развития, альтернатив которым еще не имеет. Эти духовные ниши сейчас пытаются заполнить религия и криминальный мир.

Медицинские данные свидетельствуют, что физическое и психическое здоровье детей чернобыльской зоны ухудшается. По сведениям НИИ санитарии и гигиены, в экологически загрязненных районах среди дошкольников высок процент детей с отставанием биологического развития от паспортного возраста (39,1%), часто и длительно болеющих (20,5%). Школьники, подвергшиеся радиационному облучению, отличаются повышенным уровнем ситуативной и личностной тревожности, которая коррелируется с уровнем загрязненности. Школьные же нагрузки рассчитаны на здорового во всех отношениях ребенка. Мнения, что чернобыльские дети, ослабленные воздействием радиации, часто не в состоянии их вынести, придерживаются все большее число медиков, психологов, педагогов.

Институтом «Белрад» разработана программа по обучению населения загрязненных районов основам радиационной грамотности и созданию на базе местных школ центров, владеющих необходимой информацией о радиационной ситуации, литературой о радиацион-



ной защите (сейчас такой литературы в зоне нет) и внедряющих в сознание жителей элементов нового экологического сознания. Около 20% опрошенных школьников хорошо осведомлены о правилах жизни в зоне, но уровень радиационной грамотности населения в целом низок. Большая часть жителей не владеет информацией о допустимых уровнях загрязнения продуктов, о методах ведения хозяйства в условиях радиации, нерегулярно носит продукты на пункт дозиметрического контроля (если таковой вообще имеется). По данным того же института, в деревне Ольманы Столинского района в семьях учителей, медработников, колхозных специалистов уровень внутренних накоплений радионуклидов в 10–20 раз ниже, чем у остальных жителей деревни.

---

В большинстве чернобыльских районов после аварии распространилось убеждение, что радионуклиды из организма можно вывести с помощью водки.

---

Это мнение плюс сильный психологический стресс на фоне падающего уровня жизни привели к тому, что алкоголизация стала одной из характерных черт жизни в чернобыльской зоне. И именно на периферии чернобыльской зоны (Светлогорск) зарегистрирована вспышка наркомании.

Несмотря на то что радиационная культура населения в чернобыльской зоне низка, все же традиционное отношение к окружающей среде и образу жизни изменилось. Даже те, кто живет на загрязненных землях по «дочернобыльским» правилам, осознает, что этого делать нельзя и что радиация по-прежнему угрожает их здоровью. Но годы, прошедшие после аварии, невозможность или нежелание изменить традиционный жизненный уклад сформировали привычку жить в условиях риска. Академик Бабосов даже отмечает, что адаптивный тип реагирования людей на условия проживания в зоне загрязнения имеет медленную, но неуклонную тенденцию к расширению.

Одновременно присутствуют два несовместимых явления — чувство опасности и пренебрежение ею. Болезни или их ожидание, чувство страха и вины перед детьми сформировали у населения комплекс жертвы, когда все вокруг виноваты во всех бедах, а ответственность за свою судьбу перекалдывается на кого угодно — на государство, фон-

ды, медицину — и жизнь превращается в ожидание гуманитарной помощи. Помощь эта воспринимается уже как спецпаек и не унижает человеческое достоинство. «Мы пострадали — нам должны» — такой принцип доминирует в чернобыльской зоне. Стремительно стареющая и болеющая чернобыльская деревня так и не смогла полностью понять и принять правила смертельной игры.

Улучшение бытовых условий в зоне загрязнения создаст у населения иллюзию благополучия, заставит закрепиться в ней тех, кто еще планирует уехать, и даже привлечет в зону новых людей. Этому как нельзя лучше поспособствуют и официальные заявления, что в зоне можно нормально жить и работать. Уже сняты ограничения на прописку, уже возвращаются назад переселенцы, не прижившиеся в новых местах, уже направляются в зону по распределению молодые специалисты. Уже вводятся в оборот ранее оставленные земли. Согласно заявлению Александра Лукашенко, в 1997 году возвращено в оборот 5 тыс. гектаров земель, ранее выведенных из хозяйственного использования. Позднее в оборот возвращались все новые зараженные площади. Такая политика в отношении загрязненных территорий приведет к расширению чернобыльского социума, к увеличению групп риска, к росту заболеваемости и как следствие — к потерям в генофонде. Вот тогда уж точно грянет демографическая катастрофа с необратимыми последствиями<sup>1</sup>.

## Первая постиндустриальная нация?

Наибольшей по площади и числу людей, оказавшихся под постоянным воздействием радиации, является северная группа пятен между Гомелем и Могилевом. Именно северная группа пятен является источником наиболее масштабных социально-политических последствий от чернобыльской аварии для всей республики.

В числе социальных групп, покинувших чернобыльские регионы, особое значение имеют молодежь, интеллигенция и квалифицированные специалисты. Представители этих социальных групп наибо-

---

<sup>1</sup> В то же время порядка 50 тыс. человек за период с 26 апреля 1986 года прибыли в радиоактивные зоны с чистых территорий. Преимущественно таковыми являются беженцы из зон локальных конфликтов на территории бывшего СССР. В некоторых пораженных радиацией районах доля таких беженцев разных национальностей достигает 10% наличной численности населения.

лее интенсивно уезжали и уезжают из радиоактивных зон. В результате усугубляются социальные последствия деградации восточнорусской деревни под воздействием процесса урбанизации. В пораженных радиацией сельских местностях Беларуси остается в массе своей социально деградированный социум. Именно чернобыльские районы Беларуси стали местом особенно высокой преступности, которая примерно в два раза выше, чем в Гродненской и Брестской областях. Для чернобыльских областей характерны тяжелые преступления — убийства и спонтанная преступность.

В чернобыльских областях гораздо быстрее, чем в других регионах Беларуси, идет распространение наркомании и связанных с наркоманией болезней. Эпицентром заболеваемости СПИДом в РБ является расположенный на окраине зараженной зоны город Светлогорск.

В ряде административных районов, особенно пораженных радиацией, доля лиц пенсионного возраста уже приблизилась к 70% от численности населения (в целом в РБ они составляют около 26% населения). Искаженная демографическая структура порождает комплекс социальных проблем, связанных с уходом за стариками.

В числе социальных последствий аварии можно назвать рост в чернобыльской зоне и специфической чернобыльской организованной преступности.

---

Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что практически все отселенные деревни ныне разграблены, хотя формально находятся под охраной государства. На территории РБ отселено 485 деревень. Разграбление этих населенных пунктов не могло быть совершено без широкого участия в этом государственных структур и без теснейшей смычки государственных структур с криминальными элементами.

---

Из охраняемых зон вывезены и проданы на черном рынке (преимущественно за пределы Беларуси) десятки тысяч домов и иных построек, строительных материалов, техники, имущества граждан и хозяйственных структур. Можно представить, какие средства прошли через руки чернобыльской организованной преступности и куда эти средства ушли. Оказавшиеся в теневой сфере накопления мафиозных

структур и сами структуры не имеют себе равных по мощи на территории РБ и уже сами по себе являются источником потенциальной угрозы для безопасности Беларуси. Особенно быстрый рост криминалитета характерен для крупных городов: Могилева, Гомеля, Бобруйска, Светлогорска. Ныне черныбыльская преступность ограничена сильной государственной властью. Однако неизбежное в какой-то момент ослабление центральной власти в Беларуси обязательно приведет вновь к прямому выходу на политическую поверхность структур черныбыльской преступности, например, в виде наркопроизводства и наркоторговли в черныбыльских зонах.

### **Президент — порождение аварии?**

Своеобразное положение традиционных региональных элит приднепровских областей, превратившихся в просителей внешней помощи для своих территорий из и так нищих иных регионов Беларуси, также способствует в перспективе смычке интересов преступного мира и этих элит.

Политический контроль над ситуацией в черныбыльской местности находится ныне в руках традиционных постсоветских элит. Однако поддержание стабильности в этом регионе требует приспособления этих элит к сугубо местному социуму. Именно для черныбыльских местностей РБ характерны наиболее глубокие ностальгические настроения о временах бывшего СССР и наиболее жесткое неприятие рыночных реформ. Это вполне естественно для общества оставшихся здесь стариков, нуждающихся в социальной опеке, и тяжело пьющих колхозников.

Черныбыльская зона в стабильном положении еще длительное время будет генератором антиреформистских, конфликтных по отношению к окружающему миру настроений и политических движений, а в нестабильном состоянии — может превратиться в опору мощных мафиозных структур. Нормальное, неконфликтное по отношению к Западу и ко всему окружающему миру развитие Беларуси невозможно без интенсивной помощи извне для ликвидации последствий аварии с тем, чтобы остановить консолидацию деградированного асоциального социума на трети своей территории.

Одно из последствий появления внутри черныбыльского ареала политически самостоятельных благотворительных организаций —

быстрое формирование из числа детей особой культурной группы, чей духовный опыт, образовательный уровень и связи могут привести в будущем к острому конфликту поколений. Свыше десяти лет ежегодно за пределы Беларуси на оздоровление сроком до двух месяцев отправлялось только по линии благотворительных организаций до 60 тыс. детей. Как правило, дети отдыхали на Западе. Чаще всего в Германии и Италии. Нередко непосредственно в семьях. В зонах с высоким уровнем радиации (от 15 Ки/км<sup>2</sup> и выше) практически все дети школьного возраста хотя бы по одному разу побывали на Западе. Нередко в течение года около половины школьников из той или иной школы отправлялись на Запад. Нормой стали прямые связи между детьми и семьями, принимающими их на Западе. Проконтролировать эти связи достаточно сложно.

На Западе дети оказывались в семьях с высоким уровнем образования, дохода и социального положения. Уже сам контраст между жизнью на Западе и в родной деревне влиял на внутренний мир детей в сторону иного, чем у их родителей, восприятия действительности. Контраст между деградированным социумом в чернобыльской зоне и возможностями, имеющимися у детей, при определенных обстоятельствах может обернуться сложной политической проблемой. Причем не только для Беларуси, но и для Западной Европы. Чернобыльская молодежь уже сегодня пополняет ряды «зеленых» организаций. Нельзя исключать пополнения за счет некоторых представителей этой социальной группы радикальных течений в «зеленом» движении. Прецеденты подобного рода уже есть.

---

**Чернобыльский социум в любой его форме является источником нестабильности для окружающего мира. Большая часть этого социума находится на территории Беларуси.**

---

Поэтому именно те процессы, которые происходят в белорусском Поднепровье, определяют качественные характеристики внутри этой общественной группы. Вес чернобыльцев в рамках Беларуси столь велик, а их проблемы настолько неразрешимы силами одной лишь Беларуси, что можно говорить о возможности медленной трансформации всей Беларуси в «чернобыльское» общество. Безусловно, подобная тенденция будет вызывать сопротивление тех социальных групп

и регионов, которые оказались не затронуты непосредственно последствиями аварии. Интересы чернобыльцев далеко не всегда стыкуются с интересами иных групп населения Беларуси и иных региональных элит.

Эти противоречия сегодня проявляются, в частности, в проблеме адаптации беженцев и вынужденных переселенцев из чернобыльской зоны на чистых территориях, а также в отношении общества к ликвидаторам. Опыт переселения людей небольшими группами в сельскую местность и небольшие города оказался практически полностью неудачным. Местное население встречает переселенцев отчужденно. Часто озлобленно. Воспринимает их виновниками своих материальных трудностей, винит за полученные льготы и особенно жилье. Также важно и то, что чернобыльцы в массе своей до аварии относились к специфичным региональным культурам.

Региональные культуры населения чистых зон практически всегда очень отличны от Поднепровья и Восточного Полесья. В чистой зоне остались католические аграрные районы северо-западной Беларуси, очень религиозные, близкие по диалекту к украинскому языку районы Брестской области с заметной традицией неприятия русских и восточных белорусов. Адаптация же чернобыльских беженцев в относительно близкой им по культуре восточной части Витебской области затруднена общим относительно низким уровнем развития сельского хозяйства в этом регионе и его небольшими размерами.

Усиление миграции чернобыльцев в западнобелорусскую деревню и Западную Беларусь ведет к появлению здесь особой устойчивой социальной группы изгоев, находящейся в сложных отношениях с местным населением. С другой стороны, эта социальная группа может выполнить функцию опоры республиканских властей относительно местных элит. Особенно важно последнее обстоятельство относительно потенциально несколько «антиминской» по политической ориентации северо-западной части Беларуси с заметной долей католического населения. Концентрация чернобыльских мигрантов в ряде городов этого региона — в Молодечно, Лиде, Гродно прежде всего — способна выступить эффективным противовесом потенциально местному католическому движению. В этом направлении логично ожидать и действий белорусского руководства в случае реанимации внимания со стороны государства к чернобыльским проблемам и новой

волны санкционированных государством миграций чернобыльцев в чистые зоны.

Пока же чернобыльская миграция оказывается более-менее устойчивой и массовой только в крупных городах, где чернобыльцы могут растворяться в общей массе городского населения. В некоторых случаях массивное жилищное строительство жилья для чернобыльцев привело к возникновению своеобразных «чернобыльских гетто» — районов, населенных в основном переселенцами. В этих районах уже заметно серьезное политическое влияние именно чернобыльских общественных организаций.

Адаптация ликвидаторов в чистых зонах менее болезненна, чем переселенцев, но комплекс проблем, с которыми ликвидаторы сталкиваются на местах, примерно тот же: проблема льгот, лечения, жилья для них входит в острое противоречие с интересами местного населения и местных элит. Подобно чернобыльским переселенцам, среди ликвидаторов заметна тенденция к созданию собственных общественных организаций, выполняющих функции профсоюзных и даже политических. Часть организаций ликвидаторов действует совместно с общественными структурами чернобыльцев. Особенно хорошо это заметно на примере фонда «Дети Чернобыля».

Также заметна тенденция к солидарным действиям относительно органов власти вместе с чернобыльцами и ликвидаторами организаций, защищающих интересы инвалидов. Конечно, многие из них действуют и самостоятельно, однако в целом уже выделилось ведущее ядро общественных структур всех трех направлений, которые действуют вместе. Ведущая роль в этом совместном движении принадлежит именно чернобыльцам. При определенных обстоятельствах это движение может быстро превратиться в массовое движение обездоленной и больной части населения за выживание. Любые попытки в Беларуси начать реформы либерального типа за счет действительного сокращения программ помощи чернобыльцам и инвалидам, любая попытка распространить в Беларуси идеологию самовывживания, идеологию последовательного индивидуализма, идею своеобразного «хуторянства» по типу того, как сделано в странах Балтии, обязательно спровоцирует быстрый рост общественных организаций в поддержку больных людей. Эти организации смогут так же быстро превратиться в широкое политическое движение.

## Неготовность мира к чернобыльской субъектности

Последствия чернобыльской катастрофы в Беларуси привели к коренной трансформации белорусской политической и идеологической сцены. Чернобыльцы своим движением не позволят никакой власти культивировать в Беларуси тип слабого государства. При определенных предпосылках эта чернобыльская энергия может быть использована и ради оправдания агрессивной внешней политики на некоторых направлениях.

Чернобыльцы сегодня — одна из наиболее подвижных групп белорусского населения. Миграция чернобыльцев в те или иные местности может быть спровоцирована распоряжением республиканского руководства выделить средства из чернобыльских фондов на строительство жилья концентрированно в том или ином месте. Так или иначе, население покидает и будет покидать Чернобыльский регион. Отсюда одна из важнейших проблем для безопасности Беларуси — куда направить эти, еще поддающиеся регулированию потоки чернобыльской миграции. Если точнее: в какие города отправить чернобыльцев. Создается впечатление, что любая попытка местных элит в Беларуси использовать автономистские лозунги уже в начальной стадии может быть осложнена концентрацией миграции чернобыльцев именно в этот регион.

За счет чернобыльского фактора Беларусь еще значительное время сможет поддерживать свою внутреннюю стабильность, ибо нет сейчас в РБ социальной группы, более заинтересованной в существовании единого унитарного государства, чем эти обездоленные люди. В любой форме самоорганизации чернобыльцы противостоят всем без исключения иным регионам и субкультурным группам Беларуси. А потому являются идеальной группой для пополнения государственных структур. Государство в РБ под влиянием чернобыльского фактора все больше трансформируется из института общенационального значения в орган по перераспределению богатства страны в интересах одной культурной группы. А потому стоит ожидать постоянной напряженности между силами, которые отражают интересы облученного населения, и силами, ориентированными на интересы иных групп белорусов.



Любая последовательная демократия в Беларуси в силу специфики и значения чернобыльцев как социальной группы будет закреплять именно за ними доминирование над другими группами белорусов. Вероятно, интересы иных групп населения РБ будут также склоняться к самовыражению в конечном счете не через демократические институты.

Авария на Чернобыльской АЭС создала для Беларуси новую международную реальность. Беларусь нуждается во внешней помощи для ликвидации последствий аварии. Но эта помощь должна быть столь масштабна, чтобы быть заметной для РБ, что всерьез ожидать ее не приходится. Отсюда Беларусь вынуждена под давлением неразрешимого комплекса чернобыльских проблем торговать своим суверенитетом и в целом вести очень активную внешнюю политику для того, чтобы взамен получить хоть какие-то крохи.

В этом плане совершенно логично поведение белорусского руководства относительно Москвы. Не только чернобыльским фактором объясняется нежелание Беларуси отрываться от России, но фактор аварии позволяет рационально объяснить некоторые моменты в российской политике Беларуси. Любому большому целому, частью которого на волне идеологического «единения» стала бы Беларусь, придется тратить средства на ликвидацию последствий катастрофы. Пока «принять» чернобыльскую Беларусь в свой состав готова только российская патриотическая оппозиция. Российское же государство вряд ли готово взять на себя ношу решения белорусских чернобыльских проблем даже в рамках Союзного государства РБ и РФ, даже на территории собственной Брянской области и своих ликвидаторов.

Однако по мере расширения Европейского союза и усиления Запада как такового чернобыльская проблематика может начать «играть» в западном направлении. Чернобыльские элиты и вся чернобыльская культура вполне могут превратиться в носителей не «панроссийской», как сейчас, идеологии, а паневропейской и прозападной. Силы этих элит вкупе с силами потенциально прозападными иными элитами вполне может хватить на то, чтобы поворот Беларуси на Запад не сопровождался внутренним расколом в белорусском обществе. Ключ к внутренней стабильности Беларуси в условиях усиления Запада и процесса европейской интеграции — в позиции чернобыльских элит и в готовности Запада взвалить на себя реше-

ние части чернобыльских проблем РБ. Пока такой готовности все-  
рез не будет, Беларусь, скорее всего, будет проводить примерно  
столь же парадоксальную внешнюю политику, которую она прово-  
дит ныне.

---

Сегодняшняя духовная самоизоляция Беларуси  
от всей Европы в значительной степени  
объясняется чернобыльским фактором.

---

Фактор этот долговременный, и потому, пока не будет найдено  
приемлемого решения чернобыльской проблемы через процесс ев-  
ропейской интеграции, Беларусь может сохранять нынешнюю внеш-  
неполитическую линию и не будет при этом сотрясаться глубоким  
внутренним кризисом. Более того, внутренняя потребность РБ в ак-  
тивной внешней политике только по чернобыльским причинам мо-  
жет действительно надолго превратить Минск в устойчивого и ак-  
тивного противника Запада и демократических сил России, в проч-  
ную базу антидемократической оппозиции в масштабе всего постсо-  
ветского пространства. В этом смысле чернобыльская проблема яв-  
ляется угрозой для безопасности Беларуси прежде всего потому, что  
программирует напряженные отношения между нею и Западом до  
тех пор, пока Запад не пойдет на очень значительные траты по лик-  
видации предпосылок существования чернобыльского общества в  
центре Европы и на глубокую интеграцию с этим обществом. То есть  
пока на Западе не будет доминировать некая идеология, значитель-  
ным компонентом которой будет экологическое сознание. Черно-  
быльский фактор еще очень долгое время будет главным подспуд-  
ным фактором, осложняющим безопасность не только Беларуси, но и  
всей объединяющейся Европы.

Последствия чернобыльской аварии имеют особое значение для  
межрегиональных отношений в Беларуси. В чернобыльской зоне в  
ее широком понимании оказались второй и третий по величине  
промышленные центры республики — Гомель и Могилев. Области,  
которые ранее выступали в качестве наиболее мощного промыш-  
ленного центра Беларуси, ныне часто оказываются в положении  
просителей. В положении регионов, которые без внешней помощи  
не в состоянии справиться ни с одной из порожденных чернобыль-  
ской аварией проблем. На уровне межрегиональных отношений

это обстоятельство создало сложную коллизию. Большая часть Западной Беларуси, особенно регионы с заметным католическим (польским) населением, непосредственно не пострадала от аварии. На промышленно отсталую часть Беларуси легла нагрузка по дотированию чернобыльских программ в условиях приостановки индустриализации на западе РБ.

Чернобыльские регионы порождают мощные региональные элиты, организованные вокруг администраций Гомельской и Могилевской областей. Естественный, хотя и болезненный процесс усиления западнобелорусских региональных элит по мере изменения в пользу западных белорусов демографического соотношения в данной ситуации дополняется стремительным падением реального веса Поднепровского региона в системе всех межрегиональных отношений. Это обстоятельство стимулирует поднепровские элиты к более активным действиям на внутривнутриполитической сцене Беларуси, ибо иначе они могут быть быстро потеснены другими элитными группами.

---

В целом чернобыльская авария в ее региональном аспекте может рассматриваться как экстремальное проявление деиндустриализации, развернувшейся в Восточной Беларуси после начала затяжного социально-экономического кризиса в бывшем СССР.

---

В свою очередь поднепровские элиты под воздействием прошедшей катастрофы превратились в практически единый регион, который вынужден организованно действовать на внутривнутрибелорусской политической сцене. За счет своей массы и территориального веса внутри Беларуси чернобыльская зона имеет значительные шансы некоторое время удерживать политическое доминирование внутри республики. В свою очередь трансформация поднепровских элит в чернобыльские может угрожать Беларуси дополнительным ростом межрегиональных противоречий. Прекращение дотирования чернобыльской зоны за счет промышленности и других регионов способно взорвать межрегиональную стабильность. Важно и то, что интересы чернобыльских элит ныне серьезно расходятся с интересами других частей Восточной Беларуси. Прежнее относительное единство восточнобелорусских индустриальных регионов и Западной Беларуси сегодня растворяется в новых проблемах.

В числе факторов, которые стали влиять на систему межрегиональных отношений в Беларуси в последние 10–15 лет, принципиальное значение имеют еще два: процесс европейской интеграции и сокращение возможности к миграции населения северо-западной Беларуси в страны Балтии (в Ригу и Вильнюс прежде всего).



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

# **СОВРЕМЕННАЯ БЕЛАРУСЬ**



# ЭКОНОМИКА

## **К** Влияние европейской интеграции

к концу 80-х годов существовали разные варианты следующего этапа европейской интеграции. В значительной степени именно этому следующему этапу была подчинена игра вокруг политики перестройки и переустройства бывшего социалистического содружества. Однако представляется, все варианты включали в себя:

- объединение Германии;
- усиление связей между большинством восточноевропейских стран и стран ЕЭС в противовес послевоенной вольной или невольной ориентации восточноевропейских стран на приоритетное сотрудничество с Москвой;
- усиление потребления сырья из России и региона Каспийского моря, особенно — газа;
- переход европейских стран на новый уровень научно-технической революции во имя выживания в ходе глобальной конкуренции с США и странами Восточной Азии.

Вариантов конфигурации разных стран и регионов, их специализации в рамках общего проекта и влияния на развитие всей Европы, представляется, было немного.

- Тесное партнерство России или иного государства со столицей в Москве (реформированного, децентрализованного согласно положениям Огаревского процесса СССР) с объединившейся Германией и Францией в ущерб восточноевропейским государствам, вынужденным превратиться в основном в территории дешевого сырьевого транзита из России в Западную Европу. В этом случае была высока вероятность потери восточноевро-

пейскими странами значительной части своей перерабатывающей промышленности и превращения Европы в германоцентричный конструкт при сохранении Москвой контроля над значительной частью Восточной Европы, над Украиной, Беларусью и Прибалтикой прежде всего.

- Тесное сотрудничество между объединенной Германией и восточноевропейскими странами, в первую очередь между Германией и Украиной. При таком развитии Германия быстро превращалась в очень мощную среднеевропейскую державу, которая смогла бы извлечь дополнительные источники для развития за счет близости к российскому и каспийскому сырью, а также, возможно, и к сырью региона Персидского залива. Франция, Великобритания и иные развитые страны Западной Европы оказывались в менее комфортных условиях развития, чем Германия, и скорее всего резко отставали бы от Германии в темпах развития. Германоцентричность всей Европы становилась почти неизбежной. Восточноевропейские страны, включая Беларусь, при таком развитии сохраняли значительную часть своей промышленности и переходили к быстрой технологической интеграции с Германией. По сути, в Восточной Европе завершение индустриализации полосы вдоль советско-польской границы совпало бы с формированием германоцентричной Средней Европы как высокоинтегрированного в технологическом отношении целого.
- Тесное сотрудничество между Германией и Францией. Франко-германская европейская ось могла бы стать ядром сначала для развитых стран Европы, провело бы дорогостоящие мероприятия по внутренней интеграции, а затем расширилось бы на другие государства. Франко-германский вариант европейской интеграции влек за собою быструю потерю промышленного потенциала восточноевропейскими странами, так как основным получателем выгод от использования российского сырья становились страны, сгруппированные вокруг Франции и Германии. Основные ресурсы развитых стран Европы оставались внутри их узкого сообщества, а не работали в интересах Восточной Европы, как это происходило в ходе инвестиционного бума в этом регионе в 70-х годах.

В конце 80-х годов все три варианта были предметом политической борьбы. Политику руководства СССР во главе с М. Горбачевым



можно понять как ориентированную на европейскую интеграцию при особой роли партнерства между Россией и Германией, предоставляя компенсационные выгоды и Франции. Именно в рамках этой доктрины можно рассматривать проект освоения Ямальских месторождений газа и проведение новых трансъевропейских магистральных газопроводов из Ямала в Германию через Беларусь и Польшу.

Ямальский газовый проект имел и имеет для Европы и европейской интеграции примерно такое же значение, какое имело освоение нефти и газа Западной Сибири в 60–80-х годах. В конце 80-х годов Европа нуждалась в наращивании поставок углеводородного сырья из России для уменьшения своей зависимости от поставок из политически нестабильных исламских стран. Именно эта заинтересованность сделала возможным строительство трубопровода Уренгой — Помары — Ужгород и всей системы магистральных нефтепроводов «Дружба». В конце 80-х угроза политических вспышек в исламском мире становилась все более очевидной. Вспыхнувшая вскоре гражданская война в Алжире это опасение только подтвердила.

Европа продолжала переход к широкому использованию дешевого газа. Одной из важных дополнительных причин увеличения доли газа в энергопотреблении европейской экономики являлось осознание европейским общественным мнением опасности развития в Европе атомной энергетики после аварии на ЧАЭС. Вскоре после чернобыльской аварии почти во всех европейских странах был введен мораторий на строительство новых АЭС и ввод в строй новых энергоблоков на существующих атомных электростанциях. Сама философия развития энергетического сектора в Европе приобрела принципиально неядерный характер. Соответственно, заинтересованность европейских стран в увеличении поставок газа выросла. Практически все планы развития энергетики в Европе стали предполагать, прежде всего, наращивание потребления газа.

Антиядерная, «зеленая» Европа — это Европа, нацеленная на интеграцию с теми странами, которые обладают газом. Беларусь и Украина, обладая первичной информацией о последствиях катастрофы на ЧАЭС, обладают возможностью влиять на степень заинтересованности европейцев в сближении с Россией или со странами региона Каспийского моря, где также имеются крупные запасы газа. Драматическим образом Беларусь и Украина оказались включены в европейское пространство принятия решений по ключевому направлению развития

объединяющейся Европы: по определению предела возможной европейской интеграции.

Пока европейские ценности включают в свой состав гуманизм, информация о последствиях аварии будет глубоко востребована европейским общественным мнением. А значит, пока Европа не включит внутрь своего культурного организма чернобыльские регионы, сложно говорить о возможности остановки европейской интеграции на востоке. Чернобыльская катастрофа ввела Украину и Беларусь в современный европейский ценностный контекст, сделав их неотъемлемой частью новых европейских ценностей и новой европейской идентичности.

Однако пока чернобыльский ценностный фактор является частью современной европейской идентичности, ориентация европейской интеграции на сближение с Россией остановить невозможно, хотя бы потому, что постчернобыльской Европе нужен российский газ. Подчеркнем еще раз: чернобыльский культурный шок в Европе динамизирует европейскую политику на российском направлении и делает неизбежным рост потребления российского сырья объединяющейся Европой. Разумеется, ориентация Европы на рост потребления российского газа вовсе не означает ориентации Европы на равноправную интеграцию с Россией. Но это уже иная проблема — проблема взаимоотношений между Россией и западноевропейскими странами как частями все более интегрированного экономического, даже геополитического организма — Большой Европы.

Российские месторождения, активно осваивавшиеся в 60–80-х годах, оказались в значительной мере истощены. Новый виток европейской интеграции требовал освоения новых месторождений и нефти и газа, которые бы сыграли для Европы такую же важную роль, даже более важную роль, нежели некогда сыграли Тюмень, Уренгой, Сургут...

Новыми месторождениями, откуда нефть и газ могли прийти в Европу из России, могли стать только месторождения газа на Ямальском полуострове и нефти — на севере европейской части России. Все остальные крупные месторождения нефти и газа на севере России являются более дорогостоящими проектами, чем Ямал и Тимано-Печора: шельф Баренцева моря, Приобское месторождение и т. д.

Освоение новых месторождений требовало изменения всей структуры трубопроводов, которая сложилась в СССР и Европе к концу 80-х го-

дов. Существовавшая структура трубопроводов была ориентирована в целом на источники сырья в Западной Сибири.

---

Нефть поступала в Европу прежде всего по системе трубопроводов «Дружба» через Беларусь в основном в Украину, а из украинского Закарпатья — веером в разные европейские страны. Примерно две трети всего российского нефтяного экспорта проходит через Беларусь.

---

Изменить этот фактор очень сложно, почти невозможно из-за дороговизны такого предприятия.

В самой Беларуси нефтепроводы делятся на два основных больших потока: «труба», которая проходит к городу Новополоцку, питает нефтью Новополоцкий НПЗ и далее — трубопроводы от Новополоцка через Литву в Латвию к самому крупному на Балтике специализированному нефтяному порту Вентспилса. Второй поток — по юго-востоку Беларуси через Мозырь (Мозырский НПЗ), далее в основном на Украину, где у города Броды трубопроводы как бы вливаются в украинские сети и доходят до Ужгорода.

Освоение Тимано-Печорского нефтяного бассейна могло сопровождаться как строительством новых нефтяных портов в районе Ленинграда, чтобы транспортировать нефть в Европу по Балтийскому морю, а могло и предусматривать подключение к проходящей через Беларусь системе нефтепроводов. Могло быть (и произошло ныне в реальности) сочетание обоих вариантов. Белорусские трубопроводы были преимущественно экспортными, транзитными, изменение месторождений, откуда качается в них нефть, принципиального значения для этой трубопроводной системы не имело.

Газопроводная сеть СССР строилась иначе. Добыча газа велась в относительно близко расположенных друг от друга западносибирских месторождениях. Оттуда газ в основном направлялся на Украину, питал собою восточно-украинский промышленный очаг. Далее часть российского газа шла по системе украинских газопроводов на запад. Важным, даже ключевым узловым пунктом для транзита газа также выступало Закарпатье. Свыше 90% всего газового экспорта СССР в конце 80-х годов шло через территорию Украины. Освоение Ямальских газовых месторождений ради экспорта газа в Европу требовало строи-

тельства нового газопровода, который можно было и не подключать к украинским газовым сетям. Наиболее короткий путь для такого газопровода в Европу — через Беларусь и Польшу. Появление белорусского направления для экспорта российского газа в Европу заметно понижало стратегическое значение Украины, хотя Украина надолго остается главным мостом для получения Европой российского газа.

Ямальские газопроводы (газопровод) насыщали территорию Беларуси дополнительными стратегическими характеристиками. Самая главная из них — политическая стабильность Беларуси становилась важной для всех задействованных в проекте стран. Учитывая уже сложившуюся к концу 80-х годов специфичную белорусскую индустриализацию, заинтересованность Германии, Польши, России в функционировании ямальского проекта автоматически означала, осознавали это сами принимавшие решение политики или нет, заинтересованность этих стран в сохранении Беларусь своей экспортной высококонцентрированной промышленности.

---

Ключ к внутренней безопасности Беларуси и ее социально-политической стабильности — успешное функционирование белорусской промышленности.

---

Нельзя обеспечить нормальный транзит газа по территории Беларуси, если останутся белорусские гиганты и массы населения окажутся безработными, а мелиорированные земли полностью заброшенными. Ямальские газопроводы автоматически превращали европейскую интеграцию в процесс, который способствует дальнейшему росту Беларуси, притом что именно ямальский проект является одним из ключевых для усиления сырьевой специализации экономики России и потери Россией собственной экономической самодостаточности.

Ямальские газопроводы также усиливали заинтересованность ключевых европейских стран в высокой степени региональной безопасности севернее Полесья. В каком-то смысле ямальские газопроводы — гарант от любой формы внешней агрессии против Беларуси, в том числе и от провокации гражданского конфликта внутри Беларуси по любому сценарию.

Газопроводный фактор как фактор безопасности Беларуси хорошо показал себя в ходе столкновения между Беларусью и Россией вокруг

проблемы принадлежности Белтрансага зимой 2004–2005 годов. Когда Газпром зимой устроил блокаду Беларуси, отключив подачу ей газа, Беларусь стала откачивать себе газ из транзитных газопроводов, проходящих по ее территории. В результате пострадали покупатели газа в Польше, Германии, Литве, которые предъявили претензии не Беларуси, а России, ибо Беларусь не принимала участия в сделках между Газпромом и европейскими покупателями газа. Менее чем через сутки после начала газовой блокады Газпром возобновил поставку газа в Беларусь и был вынужден пойти на компромиссные соглашения по ценам на газ для Беларуси и за транзит газа через Беларусь.

Ямальский проект повышал энергонасыщенность территории Беларуси. Белорусская промышленность получала дополнительный источник развития. При описанной специфике белорусской промышленности ямальский проект стимулировал усиление позиций белорусских производителей в России. По сути, белорусская промышленность в России в немалой степени становилась элементом европейской промышленности, позицией европейской промышленности в России.

Примерно таким же стабилизирующим и европеизирующим было влияние ямальского проекта и на всю Россию, особенно на те регионы, которые непосредственно получали выгоды от его реализации.

---

«Ямал» стягивал Россию и Европу в более-менее единую Большую Европу. И потому все экономические и социальные процессы на территории восточноевропейских стран имеет смысл формулировать в европейском ключе, сквозь понятия европейской интеграции.

---

У ямальского проекта есть и другая функция. Предполагалось, что почти одновременно с его реализацией будут разработаны в интересах в основном европейских потребителей месторождения газа в регионе Каспийского моря, преимущественно в Туркмении. В конце 80-х годов, когда планировался ямальский проект, внимание к газу и нефти региона Каспийского моря уже нарастало. И хотя применительно к этому региону таких серьезных планов, как по Ямалу, выдвинуто не было, общая тенденция была видна уже тогда: примерно одновременно с разработкой ямальского газа можно ожидать притока в Европу

газа и нефти из региона Каспия. При разных альтернативных проектах газопроводов из Туркмении в Европу, очевидно, вряд ли можно найти что-то лучшее, чем украинская газопроводная система.

Для подключения туркменского газа к украинской системе было необходимо провести, а иногда расширить существующие трубопроводы от туркменских месторождений к границе России и Украины по территории России. В случае поступления из Туркмении и других среднеазиатских стран газа в объемах 100 млрд. кубометров украинские сети могут оказаться загруженными в такой степени, что принять еще и ямальский газ им будет сложно, несмотря на сокращение поступлений газа из месторождений в Западной Сибири. Реконструкция украинской трубопроводной системы с целью позволить ей выдержать столь высокие дополнительные объемы газа маловероятна в силу своей дороговизны. Гораздо дешевле построить новые газопроводы.

Интерес Европы к ямальскому и каспийскому газу в конце 80-х годов был естественным. Оба этих проекта были долгосрочными, требовали многолетней предварительной дипломатической и строительной стадии. На дипломатической стадии газовые (и иные сырьевые) проекты Европы и бывшего СССР могли по-разному быть встроены в конфигурации европейского объединительного процесса. Начинаясь разработка этих проектов в условиях, когда Советский Союз пытался выстроить особо тесные партнерские отношения с Германией и на этой основе усилить свое участие в европейском объединительном движении. Однако в реальности так сделать не удалось.

Советский Союз развалился, и буквально через два месяца после Вискулевских решений европейская интеграция официально пришла к Маастрихтским договорам. Маастрихтские договоры выстроили Европейский союз вокруг оси Германии и Франции, и несколько лет сохранялась вероятность неудачи объединения Европы вокруг франко-германского тандема без участия восточноевропейцев в этом объединении на его начальных стадиях. Восточноевропейская альтернатива франко-германской оси наиболее ярко проявилась в виде идеи создания Балтийско-Черноморского сообщества (БЧС) в составе Украины, Беларуси, стран Балтии, установления тесных партнерских отношений между БЧС и Германией, инкорпорацией в этот восточноевропейский тандем Польши и других стран региона.

В 1990 году в Минске были подписаны особые протоколы о курсе на создание БЧС Белорусским народным фронтом, украинским

Рухом, литовским Саюдисом, Латышским народным фронтом, затем к ним присоединился Эстонский народный фронт. Но и до того эти национальные движения уже несколько лет действовали в рамках этой политической концепции. Именно в рамках сотрудничества вокруг идеи БЧС сами националистические движения предотвратили начинавшиеся пограничные конфликты вокруг Виленского края, Западного Полесья, района Чернигова, белорусско-латвийской границы.

Эти организации были оппозиционными, но они быстро шли к власти и уже обладали большим политическим влиянием. Экономической составляющей БЧС должно было стать не только широкое сотрудничество с Германией и собственный, восточноевропейский общий рынок. Очень важным пунктом общей платформы было создание так называемого Балтийско-Черноморского коллектора (БЧНК) — системы нефте- и газопроводов, призванной объединить энергосистемы региона Межморья и обеспечить им возможность получения энергоносителей не только из России.

В основе БЧНК была идея построить приемные нефтетерминалы в Одессе (Украина), Бутинге и Клайпеде (Литва), возможно, Вентспилсе (Латвия). Построить небольшие перемычки между украинскими и белорусскими нефтепроводами и внутри Беларуси, между двумя линиями нефтепроводов, а также обеспечить возможность прокачки нефти из морских терминалов Прибалтики на юг, вплоть до Украины. Нефть в Одессу могла приходиться из Персидского залива или по также предполагавшемуся тогда закавказскому трубопроводу. После этого страны БЧС, достигнув энергетической независимости от России, могли бы пойти на резкое повышение транзитных платежей на российское сырье и усилить свое участие в разработке каспийских запасов нефти и газа.

В контексте идеи БЧС надо рассматривать и острую в начале 90-х годов проблему украинского ядерного оружия. В случае сохранения Украиной ядерного оружия, даже если бы Беларусь это оружие сохранить не смогла, БЧС получал военные гарантии успеха своей политики, неизбежно конфликтной относительно России. Партнерство с Германией в такой ситуации давало надежду БЧС на получение германских инвестиций и технологий.

Неудача средневропейской альтернативы Маастрихтской европейской интеграции определилась, вероятно, в ходе официального

отказа Украины от обладания ядерным оружием или незадолго перед тем. В результате, после успешной ратификации Маастрихтских соглашений к концу 1994 года Европейский союз сформировался вокруг франко-германской оси, а страны Восточной Европы оказались в геополитическом цейтноте. Россия стремительно теряла перерабатывающую промышленность и стояла на грани гражданской войны и распада. Восточноевропейцы, включая Украину и Беларусь, теряли крупную промышленность, связанную с российскими поставщиками сырья и комплектующих. Страны Европейского союза занялись дорогостоящим созданием собственного единого экономического пространства, евро, общих политических институтов, выравниванием уровней развития бедных стран и регионов ЕС, полным переустройством вошедшей в состав ЕС восточной Германии.

Восточноевропейским странам ничего не оставалось, как встать в очередь на вступление в ЕС и переориентировать свою политику на очень сложную задачу интеграции в ЕС и НАТО. Начать программы подготовки к вступлению в ЕС. Закрылись или встали на грань закрытия почти все крупные промышленные предприятия. В восточноевропейских странах развернулась широкомасштабная шоковая терапия. Миллионы промышленных рабочих и крестьян ушли в малый и средний бизнес. Резкая деиндустриализация на время приостановила урбанизацию. Усилились регионалистские тенденции. Резко сократилась площадь обрабатываемых земель, началось зарастание и заболачивание ранее окультуренной пашни.

Апофеозом геополитического цейтнота и падения восточноевропейских стран стоит считать, видимо, российский августовский кризис 1998 года. Именно в ходе этого кризиса оборвались экономические связи большинства восточноевропейцев с Россией, и страны переориентировались выжившими секторами своей экономики на более устойчивый и надежный Европейский союз. Примерно с 2000 года восточноевропейские государства стали выходить из кризиса. Это были уже совсем новые восточноевропейцы: государства без крупной экспортной промышленности советской эпохи, технологически и экономически зависимые от развитых стран ЕС. Восточноевропейские страны образовали пояс деиндустриализированных государств внутри ЕС, почти полностью растеряв потенциал, накопленный в послевоенные годы. И тем не менее начавшийся в этих странах экономический рост имеет скорее всего устойчивый характер, ибо опирается на потенци-



ал созданного вокруг франко-германского ядра комплекса развитых европейских стран.

---

Символическим окончанием геополитического цейтнота Восточной Европы, видимо, можно считать дату официального принятия в Европейский союз большинства восточноевропейских государств: 1 мая 2004 года.

---

На фоне удачи Маастрихтского варианта объединения Европы ямальские и прочие транзитные проекты приобрели для Беларуси вполне определенное значение. Именно эти проекты в период геополитического цейтнота Восточной Европы задали Беларуси основные параметры политической и экономической безопасности.

Европейские транзитные проекты на востоке Европы определились к лету 1994 года. В ходе саммита ЕС на Крите летом 1994 года были утверждены приоритетные для ЕС трансъевропейские транспортные коридоры. Через Беларусь должны были быть проведены три коридора: Мадрид — Париж — Берлин — Варшава — Москва, Хельсинки — Петербург — Витебск — Гомель — Киев, Львов — Минск — Вильнюс — Рига. Вероятно, именно транспортный коридор Париж — Москва является главным трансъевропейским проектом на востоке. Остальные два транспортных коридора также очень важны для ЕС.

Схемы финансирования трансъевропейских транспортных коридоров сложны. Однако принципиально важны политические приоритеты ЕС, обозначенные направлениями коридоров. В рамках этих приоритетов происходит формирование консорциумов для строительства и модернизации отдельных объектов и участков магистралей. Согласно этим приоритетам, инвесторы определяются с инвестициями в промышленные объекты и сферу услуг, ведется планирование развития населенных пунктов. Транспортные коридоры создаются постепенно, разные их участки и объекты вступают в строй по своим не всегда согласованным графикам.

Для Беларуси принципиально важно, что ее территория оказалась в зоне наибольших транспортных интересов ЕС. Участки белорусских транспортных коридоров, расположенные в иных странах, модернизируются в рамках собственных программ, создавая дополнительную инвестиционную привлекательность для белорусских программ стро-

ительства новых мостов, пограничных пропускных пунктов, модернизации дорог и вокзалов. Плохие отношения Беларуси и стран ЕС никак не препятствуют развитию транспортных коридоров.

В течение 90-х годов в Беларуси капитально отремонтированы или построены заново железнодорожные вокзалы во всех областных центрах, Минске и всех крупных городах. Резко увеличена скорость движения по железным дорогам в рамках транспортных коридоров и по автомобильным шоссе. На границах Беларуси в районе их пересечения транспортными коридорами открыты пропускные пункты, мосты, подъезды, которые позволили ликвидировать автомобильные очереди, достигавшие с обеих сторон белорусско-польской границы в середине 90-х годов 50-километровой длины. Построена кольцевая автомобильная дорога вокруг Минска, которая заметно увеличила скорость продвижения по трассе Брест — Москва. В этом же ключе можно увидеть даже упразднение таможенного режима на границе РБ и РФ, которое, помимо всего прочего, убрало длинные автомобильные очереди и тут. Капитально отремонтировано все дорожное полотно трассы Брест — Орша.

Почти столь же тщательно проведены работы по модернизации остальных трансъевропейских транспортных коридоров на территории Беларуси. С разным успехом и скоростью проведены и проводятся работы по модернизации национальных участков этих коридоров в соседних с Беларусью странах.

---

Сеть трансъевропейских коридоров задала новый инвестиционный климат Беларуси, который не зависит от политических отношений между Беларусью и странами ЕС. Наиболее привлекательны для инвестиций и динамичны те регионы РБ, которые прилегают к транспортным коридорам, прежде всего Минск, Брест, Витебск.

---

Транспортные коридоры создали новую транспортную ситуацию на местном уровне. В районе Бреста в ходе открытия множества пограничных переходов сам город оказался окружен целой сетью качественных трасс, резко облегчивших местную коммуникацию. Территория, откуда жители могут в течение часа достичь центра на общественном или личном транспорте, выросла в несколько раз. Тем са-

мым в состав Бреста оказались втянуты прилегающие к нему сельские регионы и небольшие города с численностью населения около двухсот тысяч человек. Фактически в районе Бреста образовалась агломерация численностью свыше пятисот тысяч жителей с белорусской стороны и около ста тысяч жителей — с польской.

Примерно тот же процесс со своей транспортной спецификой прошел в районе Витебска. Совершенствование транспортной инфраструктуры вокруг Витебска и развитие личного транспорта привело к образованию более чем полумиллионной агломерации в районе этого города. Обе приграничные агломерации имеют потенциал выйти на уровень миллионных в течение 10–15 лет.

Минск за счет развития коммуникаций и превращения близлежащих городов Борисова, Заславля, Дзержинска в фактические города-спутники также приблизился к агломерации с примерно трехмиллионным населением. После ожидающегося относительно скорого превращения в города-спутники Минска городов Молодечно и Барановичей можно ожидать превращения Минска в примерно 4-миллионную агломерацию в течение ближайших 10 лет.

Благодаря трансъевропейским транспортным коридорам в районе главного коридора Брест — Минск — Орша сосредоточено около половины населения Беларуси. В районе всех трех коридоров проживает около 70% населения РБ. В течение ближайших 10 лет доля населения, проживающего в районе транспортных коридоров, вырастет. Уже сейчас любое экономическое планирование и любая оценка развития Беларуси невозможна без учета влияния трансъевропейских транспортных коридоров (см. табл. 21, 22, рис. 5).

Безусловно, благодаря трансъевропейским транспортным коридорам резко облегчилось сообщение между Беларусью и Москвой, а также Петербургом. Это обстоятельство особенно заметно стимулирует развитие экономики Беларуси.

Территория Беларуси важна для Европы в плане развития «энергетического моста» между Россией и ЕС. По мере расширения Европейского союза в составе ЕС оказались страны, энергетическая система которых до сих пор является структурной частью бывшего Единого энергетического кольца СССР. Еще в ходе решений Критского саммита ЕС 1994 года зафиксировано намерение Европейского союза сформировать свой аналог советского Единого энергетического кольца — Балтийское энергетическое кольцо, которое бы объединило энерго-

Таблица 21

Численность и естественный прирост населения\*

Годы	Численность постоянного населения на конец года, тыс. чел.			Удельный вес населения, %		Естественный прирост населения, тыс. чел.	Население в возрасте трудоспособности		
	всего	мужчины	женщины	городского	сельского		моложе	в возрасте	старше
1990	10190	4782	5408	66,8	33,2	32,6	2495	5665	2030
1991	10198	4789	5409	67,2	32,8	17,4	2483	5654	2061
1992	10235	4814	5421	67,4	32,6	11,3	2473	5662	2100
1993	10244	4821	5423	67,6	32,4	-11,2	2448	5671	2125
1994	10210	4780	5430	67,9	32,1	-19,4	2403	5664	2143
1995	10177	4767	5410	68,1	31,9	-32,6	2350	5672	2155
1996	10142	4755	5387	68,4	31,6	-37,6	2289	5685	2168
1997	10093	4736	5357	68,8	31,2	-47,1	2221	5707	2165
1998	10045	4718	5327	69,3	30,7	-44,7	2132	5752	2160
1999	10019	4703	5316	69,7	30,3	-49,0	2065	5809	2145
2000	9990	4687	5303	70,2	29,8	-41,2	1992	5872	2126
2001	9951	4667	5284	70,7	29,3	-48,6	1918	5918	2115
2002	9899	4638	5261	71,1	28,9	-57,9	1833	5966	2100
2003	9849	4610	5239	71,5	28,5	-54,7	1757	6010	2082
2004	9800	4583	5217	72	28	-51,1	1683	6037	2080

\*Источник: сайт президента РБ А. Лукашенко.

<http://www.belstat.gov.by/homep/ru/indicators/population.htm>.

системы стран и регионов, расположенных вокруг Балтийского моря. Фактически речь идет об интеграции значительной части бывшего советского Единого энергетического кольца и формирующейся единой энергосистемы ЕС. Объединение этих энергосистем также предусматривает использование белорусской территории.

Трансъевропейские транспортные коридоры, трубопроводы, энергетическое взаимодействие создало новую экономическую инфраструктуру, в которой развивается Беларусь. Основные параметры этой инфраструктуры, графики ввода в действие тех или иных объек-

**Таблица 22**  
**Основные социально-экономические показатели**

Показатели	1991	1995	2000	2002	2003	2004
Население и трудовые ресурсы						
Численность постоянного населения (на конец года), тыс. чел.	10 198	10 177	9990	9899	9849	9799
Экономически активное население, тыс. чел.	5023	4524	4537	4500	4480	4447
Численность занятых в экономике, тыс. чел.	5023	4410	4441	4381	4339	4335
В том числе:						
промышленность и строительство	2084	1519	1539	1481	1480	1466
сельское, лесное и рыбное хозяйство	924	838	628	538	496	501
сфера услуг	2015	2053	2274	2362	2363	2368
Численность зарегистрированных безработных (на конец года), тыс. чел.	2	131	96	131	136	83
Уровень безработицы, %	0,05	2,9	2,1	3,0	3,1	1,9
Численность безработных, получивших пособие по безработице						
(на конец года), тыс. чел.	1	69	37	60	61	39
Общая численность пенсионеров (на конец года), тыс. чел.	2362	2532	2501	2483	2461	
Макроэкономические показатели						
Валовой внутренний продукт (в текущих ценах), млрд. белорусских руб.	121,41	9134	26 138	36 565	49 445	
млрд. руб.	87,1					
Прибыль, млрд. белорусских руб.	23,61	1913,2	3000,6	4211,7	2805,02	
Прибыль, млрд. руб.	28,3					
Доходы государственного бюджета, млрд. белорусских руб.	35,51	3181,0	8636,1	12 210,6	15 811,22	
Доходы государственного бюджета, млрд. белорусских руб.	25,9					
Расходы государственного бюджета, млрд. белорусских руб.	38,81	3236,4	8681,1	12 795,0	15 243,52	
Расходы государственного бюджета, млрд. руб.	24,4					
Превышение доходов над расходами, расходов над доходами (-), млрд. белорусских руб.						
	-3,31	-55,4	-45,0	- 584,4	+567,72	
Превышение доходов над расходами, млрд. руб.						
	+1,5					

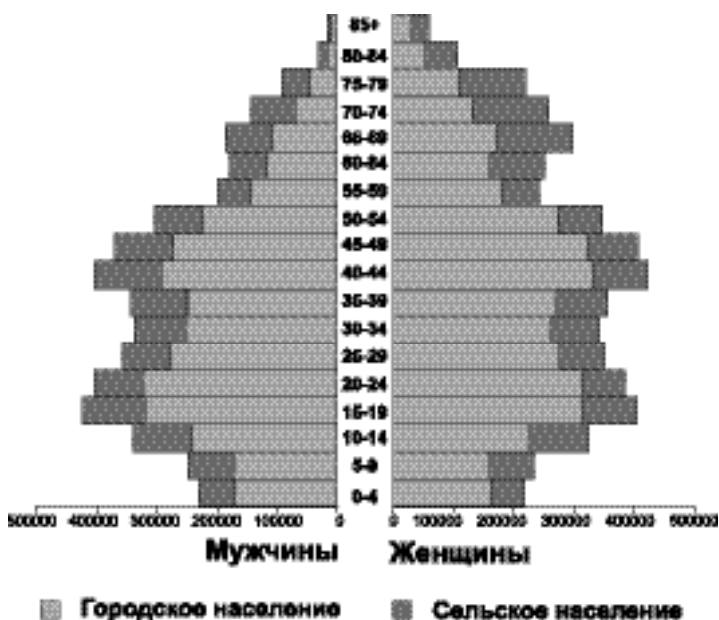


Рис. 5. Возрастно-половая пирамида населения на 1 января 2004 года

тов определяются в ходе решений стран Европейского союза и органов управления ЕС. По насыщенности национальной территории транспортными проектами ЕС Беларусь очевидно стоит в Европе на первом месте или на одном из первых мест.

Вполне можно говорить о том, что основные параметры развития Беларуси все более определяются Европейским союзом, хотя и почти без участия самой Беларуси в принятия решений. Беларуси достаточно самостоятельно вписываться в удивительно выгодные ей решения Европейского союза и процессы европейской интеграции вообще. Уже в первые годы после создания Европейского союза эти обстоятельства стали известны и сформулированы.

Одна лишь предварительная, дипломатическая фаза подготовки ямальского проекта, транспортных коридоров и т. д. определяла белорусскую внешнюю политику и политику относительно Беларуси европейских стран и России. По мере же успеха европейской инте-

грации, укрепления и расширения ЕС, по мере выхода больших европейских строек из предпроектной стадии на уровень реализации именно европейское влияние оказывает все большее влияние на развитие Беларуси. Оказавшись в тени европейской интеграции и не принимая участия в решении стратегически важных для ЕС вопросов, касающихся Беларуси, Минск может пожинать масштабные выгоды от соседства с самым мощным на планете объединенным экономическим пространством.

Подчеркнем: в ходе распада СССР возможна была иная конфигурация европейского объединения, в ходе которой Восточная Европа могла бы сохранить основу своей крупной промышленности. При любом варианте европейской интеграции происходило усиление сырьевой составляющей в экономике России. Любой вариант европейской интеграции влек за собою рост стратегического значения территории Беларуси как моста на пути сырья из России в Европу. Происшедшая интеграция Европы вокруг франко-германской оси явилась одним из самых негативных для Беларуси вариантов развития Европы.

На время, пока страны ЕС проведут свои преобразования, регион, где находится Беларусь, оказался лишен внешних источников поддержки. Но даже при таком варианте европейской интеграции Беларусь получила достаточно много выгод от образования ЕС, которые определили основные параметры ее экономического развития и парадоксальным образом сделали возможным сохранение белорусского индустриального феномена в то десятилетие, когда страны — соседи РБ проходили стремительную деиндустриализацию.

Разберем этот феноменальный и парадоксальный случай подробнее. В чем заключалась экономическая политика Беларуси в 90-х годах и в чем эта политика заключается ныне?

## **Экономическая политика РБ**

После распада СССР и провозглашения независимости Республики Беларусь экономика Беларуси прошла через три основных периода.

1. Деиндустриализация первой половины 90-х годов. Этот период можно завершить первым полугодием 1996 года. Со второго полугодия 1996 года в Беларуси начался непрекращающийся до сих пор промышленный рост. Но можно счесть период деиндустриализации завершенным и летом 1994 года, когда президентом

Беларуси был избран Александр Лукашенко. Сразу после избрания он начал реализацию именно той программы мер по преодолению экономического спада, которая привела к экономическому росту со второго полугодия 1996 года.

2. Период неустойчивого экономического роста за счет использования ресурсов доставшегося Беларуси советского наследства в экономике, культуре, политике. Этот период завершился вместе с началом роста мировых цен на нефть в начале XXI столетия.
3. Начало устойчивого экономического роста вследствие процесса европейской интеграции. Рост мировых цен на нефть стал основой для нового рывка белорусской промышленности. Рост цен на нефть явился следствием успеха глобализации под руководством США, успеха европейской интеграции, развития и расширения Европейского союза. В ходе роста мировых цен на нефть начался экономический рост в России, закрепилась сырьевая специализация экономики России и ее привязка к экономике Европейского союза. Таким образом, экономическое развитие Беларуси также оказалось связано с экономическими процессами внутри ЕС, с теми импульсами, которые происходят из Европы и определяют теперь развитие постсоветского пространства.

Неверно полагать, будто специфичная социально-экономическая политика Беларуси возникла только после прихода к власти Александра Лукашенко. Она сложилась до этого. А. Лукашенко лишь последовательно реализовал тот курс, который сформировался в Беларуси в начале 90-х годов.

Уже в конце 80-х годов в БССР началась сильная внутренняя политическая трансформация, которая была связана с успешной политической индустриализацией западной части республики. Успешная индустриализация вела к усилению позиций внутри БССР директората крупных промышленных предприятий и к усилению зависимости белорусских областных и республиканских элит от промышленных гигантов, к поглощению остальных белорусских социальных групп промышленными гигантами и связанными с ними фрагментами социума.

Изменялась сама структура политической власти в БССР: на смену всем типам территориальных элит — от партизан до латентных националистов — приходил технократический директорат промышленных гигантов. Это хорошо заметно в том числе и на персональном уровне: на смену первому секретарю ЦК КПБ Е. Соколову, поднявше-



муса на программе строительства крупных животноводческих комплексов в Брестской области, лидером Беларуси стал Вячеслав Кебич, бывший директор самого крупного в БССР предприятия — Минского тракторного завода.

В контексте именно этого процесса усиления значения внутри БССР элитных групп, связанных с гигантами производства, надо рассматривать и получение Беларусью в 1988 году статуса республики, где проходит особый экономический эксперимент. Примерно такой же статус получила тогда и Эстония. В рамках эксперимента промышленные предприятия получали большую свободу от союзного центра, а республика, где они находились, — возможности получать большую выгоду от их деятельности на своей территории. Однако сущность этих статусов в Эстонии и Беларуси была разной.

В Эстонии экспериментальный статус являлся формой движения в сторону построения независимого эстонского государства. Эстонская идентичность не воспринимала крупные советские предприятия как свои, рассматривала их в качестве элементов колониальной зависимости от России — Москвы. В конечном счете эстонский эксперимент развязывал руки территориальным властям, крупные предприятия и связанные с ними социальные группы и элиты не имели решающего влияния на принятие решений эстонским руководством по всем стратегическим вопросам развития республики.

В БССР этот же статус имел полярно иное значение и полярно иные последствия. Новый статус БССР способствовал укреплению внутри Беларуси позиций промышленного директората в ущерб позициям всех иных элит. В каком-то смысле можно сказать, что в конце 80-х годов в БССР происходил быстрый переход власти в руки промышленников.

И в Молдавии, и в Прибалтике произошло столкновение интересов социальных групп, ориентированных на крупные промышленные предприятия, и остальной части общества. В Молдавии это столкновение наложилось на специфичную регионально-этническую карту республики, и в наиболее промышленно развитой части Молдавии возникла Приднестровская молдавская республика, сделавшая крупные предприятия основой своей экономики, а защиту их интересов — основой своей экономической политики. В Прибалтике интердвижения проиграли, и эти республики лишились почти всей своей крупной промышленности.

В БССР промышленники взяли всю реальную власть еще до распада СССР.

В 1990 году произошло еще одно событие, развившее успех промышленников. Подобно остальным союзным республикам, БССР объявила своей собственностью все промышленные предприятия, которые находились на ее территории. Однако последствия этого шага, его цели и даже задачи в Беларуси качественно отличались от такого же шага в других союзных республиках. Все республики переводили предприятия союзного подчинения из-под власти Москвы ради усиления своей политической самостоятельности и курса на получение государственной независимости. В конечном счете, перевод союзных предприятий под власть республики был формой ослабления влияния Москвы на политическое развитие республики, способствовал тем силам в каждой республике, которые стремились к отделению от СССР. Союзные республики в целом были не способны сохранить крупные предприятия, и переход предприятий в их руки в большинстве случаев усиливал ослабление промышленности и даже влек за собою деиндустриализацию союзных республик.

В БССР перевод союзных предприятий в собственность республики способствовал обратному процессу: весь общественный и экономический потенциал крупной союзной республики начинал работать на сохранение промышленности в момент, когда союзный центр вел политику, противную интересам промышленности, а начинавшийся экономический кризис в СССР был уже очевиден. Был осуществлен принципиальный переход к мобилизационной модели развития белорусской экономики в преддверии начавшегося коллапса советской промышленности.

Именно интересы крупной промышленности обусловили консервативную, антиреформаторскую позицию БССР в начале 90-х годов. Позднее, когда экономический кризис в СССР в начале 90-х годов стал очевидным, консервативная белорусская позиция трансформировалась в очень специфичную политику реформ. В самых общих чертах белорусская политика сводилась к мобилизации всех внутренних ресурсов республики в интересах сохранения крупного промышленного производства и к активной защите белорусским государством интересов своих крупных производителей на внешних рынках.

Основные черты белорусской социально-экономической политики, сложившейся в начале 90-х годов XX века, сохранились до сих пор.

Прежде всего в Беларуси произошло фактическое объединение управления всеми крупными предприятиями в единую систему с директивным централизованным управлением. Гиганты составили своего рода громадный концерн. К этому концерну оказались пристегнуты и все остальные формы экономической активности в Беларуси. Назначение руководства крупных предприятий, определение основных направлений их экономической активности и производственных планов, определение приоритета развития тех или иных предприятий и отраслей — все это оказалось в руках центрального республиканского руководства.

Не имеет значения форма собственности предприятия и любые иные юридические нормы, которые определяют его функционирование. Де-факто, и очень эффективно, все предприятия управляются из единого центра. Мера их экономической самостоятельности зависит от решения центрального руководства. До принятия президентской конституции Беларуси в 1994 году таким центром являлся совет министров Беларуси. Ныне — президент и созданные им органы управления.

Вызванная кризисом централизация управления экономикой позволяет быстро реагировать на возникающие вызовы и перебрасывать ресурсы от успешных предприятий и отраслей в менее успешные, но важные для выживания всего промышленного комплекса. У любой мобилизационной или иерархической системы управления есть проблема бюрократизации, но в условиях короткого кризисного периода развития мобилизационная система может быть эффективной. В Беларуси мобилизационная система управления себя оправдала. Только за счет этой системы предприятия имели возможность внутреннего кредитования. Почти все крупные заводы прошли через такой период своего развития, когда государство оказывало им интенсивную помощь как прямыми финансовыми вливаниями, так и косвенными — льготами по выплатам налогов, задолженностей, поиску выгодных партнеров и заказов, выработке индивидуальной инвестиционной и приватизационной схемы предприятия и т. д.

Государство сдержало развал трудовых коллективов крупных предприятий. Трудовой коллектив высокотехнологичного предприятия формируется десятилетиями. Его потеря часто более опасна для производства, чем потеря рынков сбыта, заказчиков, поставщиков комплектующих, производственного оборудования и технологий.

---

БССР сумела удержать свою экономику от спада дольше большинства советских республик. Когда в Украине уже фактически рухнула крупная промышленность, а в прибалтийских республиках она почти исчезла, белорусский промышленный комплекс еще работал, и даже инфляция была не чрезмерно высока. Заметный спад в промышленности Беларуси начался лишь в 1991 году.

---

В условиях начавшегося промышленного спада особое значение в Беларуси имела программа распределения дачных участков среди горожан. Начатая правительством В. Кебича программа была завершена уже А. Лукашенко: всего было распределено до 2 млн. дачных участков. Площадь участка составляла около 6 соток, то есть он был непригоден, недостаточен для полного перехода его держателей к сельскому хозяйству, но позволял обеспечить семью картофелем и овощами. Дачные участки распределялись через трудовые коллективы, как правило, были бесплатны и находились в составах дачных кооперативов. Вывести дачный участок в частную собственность и отделиться от дачного кооператива технологически было сложно, и сложно ныне.

Государство поддерживало низкую стоимость проезда в пригородном транспорте, обеспечивало относительный контроль за состоянием мелкой преступности, опасной для дачников, и быстрый отвод земель вблизи городов под дачные кооперативы. В результате такой контролируемой деиндустриализации основная часть промышленных рабочих, занятых на заводах, работавших один — два — три дня в неделю, сохранила связи со своими предприятиями и организациями. Предприятия лишились в основном молодежи, и повсеместно образовался разрыв поколений. Произошло старение коллективов, но коллективы как производственные единицы, как правило, были сохранены, и после начала промышленного роста в РБ в середине 90-х годов рабочие в целом быстро вернулись на заводы, а молодые кадры в большом количестве поставила сохраненная система среднего профтехобразования.

Конечно, надо иметь в виду культурную специфику белорусского рабочего класса и горожан вообще: большинство рабочих и горожан — выходцы из деревень в первом-втором поколениях, сохранившие тес-

ные связи со своими родственниками в деревнях и навыки крестьянского труда. Дачная программа в этих условиях была воспринята рабочими как естественный путь продержаться в течение нескольких лет кризиса. Никакой профессиональной переподготовки или культурной ломки массовый переход к сельскому хозяйству на дачных участках от горожан не требовал.

Другим элементом политики сохранения трудовых коллективов на период кризиса было сдерживание малой и средней приватизации, развития малого и среднего бизнеса.

Беларусь сдерживала и сдерживает развитие тех секторов экономики, которые не способствуют крупному производству.

---

Те усилия, которые другие страны направили на малую и среднюю приватизацию, Беларусь сконцентрировала на мобилизационных мероприятиях наподобие дачной программы для горожан и на создании эффективного «социального государства» — системы государственных программ и институтов, которые обеспечивают удовлетворение основных потребностей населения на период, пока промышленность выкарабкается из кризиса.

---

Одной из форм мобилизации ресурсов общества в интересах промышленности долгое время выступала высокая инфляция. Беларусь быстро поставила свою финансовую систему под собственный контроль, но использовала этот контроль не для откола от финансовой системы России/СССР, как это делали почти все остальные союзные республики, а, напротив, для стимуляции экспортного потенциала своей промышленности, ориентированной в основном на торговлю с Россией. Можно назвать высокую инфляцию элементом кейнсианской политики руководства РБ, но лучше все же избегать подобных идеологизированных характеристик белорусской экономической политики даже в тех случаях, когда, кажется, нет никаких сомнений в соответствии белорусской политики каким-то известным по иным странам формам. Белорусская политика 90-х годов — это политика адаптации страны к кризису, не созревшему изнутри, пришедшему в нее извне, словно ненастная погода, вызывавшая в прошлом неурожай у крестьян.

Никакой глубокой теоретической проработки этой политики не было.

---

Беларусь пошла по очень стандартному для крестьянской производственной культуры пути выхода из пришедшего извне кризиса: затянуть пояса, работать больше, есть меньше, сохранять орудия труда и семена, помогать друг другу чем можно и упорно ждать, пока погода изменится к лучшему.

---

Если искать терминологический аппарат, адекватный белорусско-му пути, то лучше выстраивать его вокруг понятий «прагматизм» и «здравый смысл» со всеми плюсами и минусами этих понятий.

Можно сказать и наукообразно: Беларусь искала менеджерское решение для сохранения своей крупной промышленности, а не идеологическое, ценностное решение, на какое пошли почти все постсоветские страны, провозгласившие переход к рыночным реформам. В Беларуси не происходило перехода к новой системе ценностей, происходила адаптация сложившейся к концу 80-х годов социально-экономической системы к новым внешним и внутренним вызовам. Высокая инфляция являлась косвенным налогом на секторы экономики, не связанные с промышленностью, в пользу крупной промышленности.

Примерно та же политика проводилась и в сельском хозяйстве. Здесь также была сделана ставка на сохранение крупного товарного производства и на медленные темпы развития фермерства, дабы не развалить существующие колхозы. Государство сконцентрировало основные ресурсы на поддержании нескольких десятков особо крупных производителей сельскохозяйственных продуктов. Об этом, кстати, оглядываясь назад, очень четко официально высказался и А. Лукашенко: «И, естественно, когда было сложно, мы вкладывали деньги и спасали предприятия, которые нам должны были дать через год-два немедленный эффект. Какие это предприятия? Это те, которые в советские времена были маяками, флагманами. Таких мы определили 60. Дальше. Мы спасали комплексы. Потому что они способны были дать стране необходимую продукцию. Птицекомплексы, свинокомплексы, комплексы по производству говядины. И это было оправданно. Потом пошли к средним предприятиям, колхозам, сов-

хозам и так далее. И тоже получили определенный эффект. Сейчас настало время и остальными заняться. Довести до высочайшего уровня и те, которые сегодня на высоком уровне». (Выступление президента на выездном республиканском семинаре в Дрогичине по вопросам реализации Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы. 27 мая 2005 года.)

Вообще надо сказать, что эта речь А. Лукашенко идеально описывает философию и основные действия Беларуси в отношении хозяйства. А. Лукашенко не говорит лишь об особой политической роли сельского хозяйства РБ, которую он подчеркивал в течение всего времени своего президентства: сельское хозяйство РБ должно обеспечить продовольственную безопасность Беларуси, то есть потребление импортных продуктов не должно превышать 20%.

Продовольственная безопасность рассматривается в Беларуси как обязательный элемент социально-экономической системы и гарантия успеха избранного пути развития. Свыше 80% потребляемых продуктов Беларусь производит сама. Основную часть продуктов горожане в годы кризиса производили на собственных дачных участках или в приусадебных хозяйствах своих деревенских родственников.

В колхозах была проведена внутренняя реформа землепользования: колхозники получили де-факто в личное распоряжение больше земли, чем имели до распада СССР, появились личные участки, обрабатываемые колхозной техникой, и так далее, чем были дополнительно поддержаны горожане — выходцы из деревень. При этом стратегически важный блок сельскохозяйственных производителей — крупные животноводческие комплексы и мелиоративные системы — государство контролировало не менее целеустремленно и жестко, чем крупные промышленные предприятия. Колхозы в большей части Беларуси стали убыточными, превратились скорее в форму социальной поддержки пенсионеров, составивших большинство населения деревни и на западе, и на востоке РБ, а также скрытой, второй формой дачного хозяйства для горожан.

Фермерство распространилось за счет самых отсталых колхозов, и сразу стало лишний раз очевидно различие в уровнях развития сельского хозяйства на западе и на востоке Беларуси: фермеры распространены в основном в восточной части республики, а не на западе, хотя психологически население Западной Беларуси, конечно, больше подготовлено к индивидуальному труду на своих участках земли, чем

люди, пережившие коллективизацию и советизацию еще в конце 20-х годов. Однако именно в западной части Беларуси крестьяне оказались наиболее склонны сохранить колхозы как производственные единицы. Вполне логичное, рациональное решение в рамках традиционной системы крестьянских ценностей. Иррациональным и нелогичным было бы стремление развалить колхозы и животноводческие комплексы с мелиоративными системами при отсутствии ресурсов для ведения крупнотоварного производства отдельными фермерами.

Созданные в основном в 60–80-х годах производственные фонды в промышленности и сельском хозяйстве Беларуси, экономическая инфраструктура обладали немалым запасом прочности. Беларусь могла позволить себе их проедание в большей степени, нежели Восточная Украина, Урал или Поволжье, основные фонды которых были более изношенными.

---

Важной чертой социально-экономической структуры Беларуси выступило создание институтов сильного независимого государства. Сильное государство разгрузило экономику от решения многих дорогостоящих проблем, косвенно способствуя успеху мобилизационной модели развития, принятой Беларусью в условиях постсоветского кризиса.

---

Сильное государство позволило остановить развитие разрушительных внутренних и внешних региональных конфликтов, через которые прошли все постсоветские государства, но не прошла Беларусь. За все годы перестройки и постсоветского развития наиболее крупным внутривнутриполитическим конфликтом в Беларуси был разгон демонстрации интеллигенции и молодежи в урочище Куропаты возле Минска на месте массовых расстрелов узников НКВД. В этой демонстрации приняло участие менее 50 тыс. человек. В ходе разгона милицией был применен слезоточивый газ и были задержаны несколько десятков человек. Жертв не было.

Другой массовой акцией были рабочие забастовки 1992 года. Падение производства вызвало падение доходов рабочих. В разных городах Беларуси начались забастовки. Рабочие перекрыли железнодорожное движение по магистрали Брест — Москва. Состоялся пример-



но стотысячный митинг в центре Минска. Однако заметных столкновений с милицией не было.

Остальные внутривнутриполитические конфликты в Беларуси были менее масштабными, хотя символическое их значение временами бывало высоким: массовые акции в загрязненных радиацией районах Беларуси с требованием отселения беременных женщин и детей в начале 90-х годов, захват помещений государственных органов власти в ходе бунтов 1990 года в Бресте, подавление ОМОНОм некоторых рабочих забастовок в первые годы президентства А. Лукашенко, массовые волнения с требованием выселения кавказцев из Бреста в начале 1994 года, изгнание силой голодающих депутатов от оппозиции из помещения Верховного совета РБ в 1996 году, столкновения с ОМОНОм в ходе множества оппозиционных демонстраций второй половины 90-х годов...

Сильное белорусское государство воспрепятствовало развитию в Беларуси преступности, импорту преступности из других стран, прежде всего из России, особенно — этнической преступности, обеспечило относительно низкий уровень уличной преступности. Сильное государство дешевле сильного гражданского общества в момент экономического коллапса и перехода страны к мобилизационной экономике. Впрочем, государство в такие эпохи подавляет не столько гражданское общество, сколько клановую дезинтеграцию общества.

Внутренняя мобилизация в Беларуси была важной частью экономической политики. Однако не важнейшей ее частью. Мобилизация давала возможность и время для активизации внешней политики в интересах крупной промышленности. Крупная промышленность Беларуси требовала защиты своих интересов вне Беларуси: дешевого сырья, комплектующих, доступа к рынкам, инвестициям и технологиям, инвестиций в свою модернизацию, диверсификации поставщиков сырья, комплектующих и основных рынков сбыта, политической защиты от конкурентов. Одновременно белорусская крупная промышленность нуждалась в таких организационных трансформациях, которые позволили бы ей адаптироваться к работе в условиях рыночных пространств, расположенных вне Беларуси. Внутри Беларуси рыночные реформы были по сути приостановлены, и страна перешла к еще большей централизации управления экономикой, чем перед распадом СССР. Однако вне Беларуси, где и располагались основные экономические интересы белорусских предприятий, реформы шли.

Предприятия надо было адаптировать к выживанию в условиях конкуренции на внешних рынках, то есть все же проводить рыночные реформы в экономике.

Постсоветское пространство не знало модели рыночных преобразований, отталкивающихся от примата защиты крупных производителей. По сути, Беларусь должна была создать на базе своих крупных предприятий и их поставщиков вне Беларуси своего рода транснациональные корпорации. Причем в одном случае белорусские крупные предприятия выступали в качестве головных для своих технологических цепочек и возникавшие на их основе ТНК имели Беларусь в качестве страны базирования. Таковыми были все промышленные гиганты Беларуси: МТЗ, БелАЗ, МАЗ и т. д.

В других случаях белорусские заводы были не самой важной частью технологических цепочек, головные предприятия которых располагались вне РБ. То есть Беларуси для сохранения этих предприятий надо было содействовать формированию ТНК с иной страной базирования. Чаще всего это касалось предприятий ВПК.

Беларусь не обладала ни экономической теорией для такого пути реформирования, ни финансовым капиталом, способным поддержать подобное реформирование, ни внешней политической поддержкой такого пути, ни кадрами, способными работать в новых условиях. Более того, Беларусь столкнулась с естественным сопротивлением такому пути экономического реформирования со стороны международных финансовых организаций, очень важных в тот момент для постсоветских стран, а также всех политических сил, нацеленных на радикальные экономические реформы в России, на Западе, внутри Беларуси.

Экономические реформы в постсоветских странах сопровождались возникновением независимых государств, установивших множество ограничений для доступа к их экономическому пространству. Промышленная политика в большинстве постсоветских стран была нацелена против именно тех секторов промышленности, которые стремилась сохранить Беларусь. Это имело во многих случаях неплохой эффект для Беларуси, ибо уничтожало конкурентов. Но с другой стороны, вместе с конкурентами исчезали и традиционные поставщики комплектующих для завязанных на Беларусь технологических цепочек. На этот рынок допускались сильные иностранные конкуренты, резко сужался традиционный рынок, охваченный

разрухой, усложнялись условия доступа к рынкам в силу таможенных и транспортных тарифов, криминализации, а в некоторых случаях и локальных войн.

В ходе реформ и развала ряда технологических цепочек, опиравшихся на партнеров в разных республиках бывшего СССР, Беларусь лишилась ряда предприятий, занятых в космической индустрии и радиоэлектронной промышленности. Рухнула даже целая зарождавшаяся отрасль — атомное машиностроение. Потеря уже почти развернувшегося, уникального по своим характеристикам и потенциалу атомного машиностроения — видимо, самая большая потеря белорусской промышленности в ходе краха СССР.

В конце 80-х годов в Академии наук БССР до четверти всех научных сотрудников были вовлечены в разработки по линии Института ядерных исследований (Сосны, около Минска). Их основной задачей на протяжении более чем 20 лет было создание автономной атомной электростанции на базе автомобильного шасси. Такая атомная батарейка, транспортируемая тем же вездеходом, который применялся для транспортировки межконтинентальных баллистических ракет, могла быть доставлена в самый труднодоступный регион. В тундре, пустыне, безводной степи благодаря этим мобильным АЭС становилось возможным создание городов, добывающих и даже перерабатывающих производств. По мере выработки своего ресурса мобильная АЭС, могла заменяться другой такой же капсулой, смонтированной на тягаче-вездеходе. 10–15 тягачей, снаряженных такими мобильными АЭС, позволяли получать примерно столько же энергии, сколько давал стандартный реактор на стандартной советской АЭС, скажем, на Чернобыльской или Игналинской АЭС. В конце 80-х годов в Беларуси была построена действующая установка такой мобильной АЭС. И таким образом была создана технология для развертывания в РБ массового производства этих уникальных, до сих пор нигде не созданных электростанций. Сбыт этого изделия был гарантирован.

На территории РБ была создана не только действующая установка мобильной АЭС, но и научная индустрия для дальнейшего развития этой технологии и подготовки кадров. Фактически в Соснах близ Минска возник наукоград, который становился основой для такого производства, как в свое время Жодино стало базой для БелАЗа, а Барань — для производства систем связи на базе собственных элемен-

тов. Даже уникальное в масштабе планеты производство тягача-вездехода (сороконожки), который должен был транспортировать мобильную АЭС, располагалось в Минске. Но многие элементы технологической цепочки все же находились вне Беларуси. Корпус мобильной АЭС изготавливался в Эстонии и т. д. Соблюдение технологических стандартов и контроль за качеством производства комплектующих для столь опасной установки также был централизован и погиб вместе с гибелью СССР. Воспроизвести всю технологическую цепочку производства столь сложного изделия собственными силами Беларуси не могла. В результате прорывная отрасль оказалась утрачена, а огромные средства, инвестированные в нее на протяжении примерно 30 лет, — обесценены.

В 90-х годах Беларусь столкнулась с направленной на деиндустриализацию политикой международных финансовых организаций, которые позволяли постсоветским странам пережить тяжелый период реформ. МВФ, Всемирный банк и практически все остальные источники кредитных ресурсов для структурной перестройки экономики Беларуси требовали от нее проводить стандартную политику отказа от крупных промышленных производств, полагая их неэффективными. Беларусь вошла в конфликт с этими организациями и лишилась возможности получения значительных кредитов по их линии. У этого обстоятельства был и плюс — Беларусь, не получив кредитов, не приобрела и крупного внешнего долга, каковой имеют почти все остальные постсоветские страны. Однако в критический момент, когда Беларусь нуждалась во внешней поддержке для спасения своих заводов, эта поддержка не пришла, и государство было вынуждено искать ресурсы для спасения крупных заводов иным путем.

Хочется еще раз подчеркнуть: в середине 90-х годов Беларусь не отказалась от рыночных реформ, но проводила реформы иного типа, чем остальные постсоветские страны.

---

Беларусь проводила реформы, но они имели целью сохранение и развитие крупной промышленности, а не малого и среднего бизнеса при продаже остатков крупных заводов иностранным инвесторам, как произошло в странах Балтии, Польше или Венгрии.

---

Единственным источником устойчивости для белорусской промышленности в этот сложный момент могло выступить только государство. Государство обеспечило мобилизацию и перераспределение внутренних ресурсов в интересах всей социально-экономической системы (т. е. крупной промышленности прежде всего). Государство также использовало в общих интересах геополитические и стратегические ресурсы, которыми обладала Беларусь и ее территория.

Внешнеполитический курс Беларуси в этот критический период абсолютно логичен. В 90-х годах Беларусь попробовала разные варианты. Закрепиться на рынках, расположенных за морем. Выстроить независимую от России систему получения сырья из региона Каспия и Персидского залива, опираясь на прибалтийские порты (Балтийско-Черноморский коллектор). Переориентироваться на европейский рынок. Но при всех этих вариантах Беларусь гарантированно теряла основную часть своей промышленности, что было хорошо видно по тенденциям начала 90-х годов. Единственным путем сохранения крупной промышленности оказалась однозначная ориентация внешнеэкономической активности Беларуси на Россию.

Именно этот курс пытался реализовать премьер-министр Беларуси Вячеслав Кебич в начале 90-х годов. Однако лишь Александр Лукашенко смог обеспечить устойчивый союз Беларуси с Россией и доступ белорусской промышленности к российскому экономическому пространству. Ориентация Беларуси на союз с Россией в то время, как другие восточноевропейские страны стремились переориентироваться на Запад и начали процесс интеграции в Европейский союз, была внутренним рациональным белорусским выбором. Этот выбор привел к осложнению отношений Беларуси с европейскими странами и с либеральными силами в самой России, но именно этот курс позволил сохранить белорусскую крупную промышленность.

---

**Парадоксальность белорусской ситуации в том, что Беларусь заинтересована в интеграции с Россией больше, чем сама Россия.**

---

Обладая большими сырьевыми ресурсами, РФ может развиваться как большая Канада и Австралия, как сырьевое продолжение Европы на востоке. У Беларуси в 90-х годах такого выбора не было. Сохранение крупной промышленности было равноценно сохранению самой

страны и даже культурной белорусской целостности. Союз с Россией обеспечивал Беларуси все. Прежде всего национальное самосохранение. Союз с Россией отвечал белорусским национальным интересам и обслуживал национальный интерес. Это феномен: национальные интересы других восточноевропейских стран требовали дистанцирования от России, но специфика социально-экономического устройства Беларуси диктовала иное.

Политика защиты национальных интересов посредством союза с Россией, понимание смысла союза в сохранении крупной промышленности позволяло Беларуси не опасаться потери политической самоуправляемости, подчинения Кремлю или какой-то околосмоленской группировке. Войди Беларусь в состав России хоть в статусе сельсовета, задача сохранения крупной промышленности продиктовала бы администрации этого сельсовета примерно ту же политику, которую проводило руководство РБ: внутренняя мобилизация, реформы в интересах крупной промышленности, а не мелкого бизнеса, борьба за внешние рынки с помощью политических рычагов и т. д.

Центральная власть в России в 90-х годах была настолько слаба, что не могла контролировать даже собственные субъекты Федерации, которые объединяли в лучшем случае несколько миллионов человек каждый. Что уж говорить про консолидированную белорусскую элиту, обладавшую осознанным общим курсом на сохранение крупных заводов. В 90-х годах Кремль в принципе не мог контролировать белорусский правящий класс, и потому политическое сближение с Россией в этот период не несло в себе никакой заметной угрозы Беларуси. Скорее напротив, консолидированная Беларусь превращалась и превратилась в Москве и России в одну из наиболее мощных политических группировок, лоббистских групп, в один из центров власти, временами приближавшийся по своему влиянию на Россию и в России к влиянию Кремля.

Именно Беларусь в силу своих национальных интересов была инициатором создания союза двух стран.

---

Союз России и Беларуси был создан вопреки воле Кремля. Сам Лукашенко пришел к власти в 1994 году, опираясь примерно на те политические лозунги, с которыми в октябре 1993-го выступил против Б. Ельцина мятежный Верховный Совет РФ.

---

Кремль не смог отказаться от союза с РБ, но всячески тормозил интеграцию двух стран. Каждый год Минск с трудом продавливал очередной интеграционный шаг и с большим трудом переводил интеграцию двух стран на более высокие уровни. Союз РБ и РФ 90-х годов — это не проявление имперской воли России к воссозданию огромной страны с центром в Москве. Союз двух стран — это в первую очередь следствие стремления Беларуси сохранить себя как целостность при опоре на любые силы в России, которые бы способствовали этому союзу.

Союз РФ и РБ полностью оправдал себя. Беларусь несколько раз сумела добиться прощения накопившихся топливных долгов России, то есть сохранить для себя относительно невысокую цену на российские энергоносители. Беларусь получила доступ к российскому рынку — Таможенный союз — как раз в тот момент, когда политика Кремля была направлена на уничтожение или, по крайней мере, на ослабление собственной перерабатывающей промышленности. Российские заводы — конкуренты белорусским гигантам уходили именно с тех рынков, которые были необходимы белорусским заводам. Конечно, в этот момент на российский рынок хлынула продукция западных и восточных корпораций, но далеко не во всех случаях эта продукция составила слишком большую проблему для белорусских производителей. В сельскохозяйственном машиностроении и грузовом автомобилестроении сохранялась инерция зависимости от сложившейся технологической культуры. Втиснуться в традиционную культуру с помощью дорогого трактора «Джон Дир» вместо «МТЗ» или дорогой «Скании» вместо «МАЗа» было сложно.

Пораздо большую проблему для белорусских предприятий представляло общее сужение рынка в силу обнищания и деиндустриализации России. Условия конкуренции на российском рынке обострились в основном именно в силу сужения рынка продаж. Но тут сработала лоббистская мощь белорусского государства: долгое время расчеты между РБ и РФ за полученные российские энергоносители производились по клирингу, бартеру или иным формам взаимозачетов. Заметная часть продукции белорусской промышленности уходила в РФ, минуя собственно рыночный уровень борьбы, минуя свободную конкуренцию. Белорусские предприятия имели возможность подготовиться к борьбе за рынок, будучи поддержаны своим государством.

Государство также обеспечило финансирование белорусских предприятий по линии союзных программ («Дизельное машиностроение», в меньшей степени — «Союзный телевизор» и т. д.), стимулированием создания межгосударственных финансово-промышленных групп (особенно важно для ВПК), препятствуя появлению на российском рынке некоторых опасных иностранных конкурентов (принципиально важна борьба вокруг перспективы прихода в Россию американских тракторопроизводителей). Не всегда эти усилия были успешными, но в той степени, в которой они были удачными, они способствовали сохранению Беларуси своих крупных производств, а они были бы невозможны без курса на союз РБ и РФ. Разумеется, вместе с белорусскими гигантами сохранялись и их смежники в РФ. Союз РБ и РФ был и является формой политического обеспечения интересов не только белорусской перерабатывающей промышленности, но и большого сегмента перерабатывающей промышленности РФ.

Беларусь преодолела экономический спад лишь во втором полугодии 1996 года. Именно тогда был достигнут первый, еще небольшой промышленный рост, а в 1997 году, на первый взгляд неожиданно, Беларусь стала лидером в масштабе всего бывшего СССР и всей Европы по темпам экономического роста: свыше 10% составил рост ВВП и почти 17,8% — рост в промышленности. В то время как в России, Украине и остальных постсоветских странах продолжался экономический спад, Беларусь превратилась в наиболее мощный промышленный регион на территории как минимум Союзного государства РБ и РФ.

Результаты развития Беларуси во всей его динамике приведены в таблицах. Видимо, ничего не остается, как признать: в целом модель экономического развития, принятая Беларусью, оказалась успешной (см. табл. 23, 24, 25, 26, 27, 28, рис. 6).

Экономический рост не был устойчивым. По сути, Беларусь всего лишь более экономно, чем остальные постсоветские страны, проедала советское наследство, притом весьма богатое наследство. Однако главная задача — сохранить промышленность за счет консолидации нации и активной внешней политики в момент коллапса советского социально-экономического организма — была выполнена. Даже в год августовского кризиса 1998 года, который пришел в Беларусь извне, экономика РБ демонстрировала не падение, а лишь замедление темпов роста.



**Таблица 23**

**Производство валового внутреннего продукта\***

Годы	ВВП		
	в текущих ценах, млрд. руб.	в сопоставимых ценах, % к предыдущему году	на душу населения, тыс. руб.
1995	121 403	89,6	11 909
1996	191 839	102,8	18 883
1997	366 830	111,4	36 257
1998	702 161	108,4	69 714
1999	3 026 064	103,4	301 545
2000	9134	105,8	913
2001	17 173	104,7	1722
2002	26 138	105,0	2634
2003	36 565	107,0	3703
2004	49 445	111,0	5033

\*Источник: сайт президента РБ А. Лукашенко <http://www.belstat.gov.by/homep/ru/indicators/gross.htm>.



**Рис. 6. Отраслевая структура внутреннего валового продукта, % к итогу**

Начало XXI столетия сопровождалось резким ростом мировых цен на нефть и газ. Это привело к резкому изменению экономических процессов на постсоветском пространстве. Прекратился крах российской экономики. Усилилась сырьевая специализация экономики РФ, но исчезла угроза полного развала экономики и страны. Россия стабилизировалась. Основной поток российского сырьевого экспорта оказался направлен в страны Европейского союза. В результате Беларусь вступила в новую эпоху своего развития, оказалась вынуждена приспособ-

Таблица 24

Индексы физического объема валового внутреннего продукта, в постоянных ценах\*

	1992	1995	2000	2002	2003	2004
1991 = 100						
Азербайджан	77,4	42,2	59,3	72,0	80,1	88,3
Армения	58,2	59,8	76,8	95,3	108,5	119,5
Беларусь	90,4	66,1	89,7	98,7	105,6	117,2
Грузия	55,1	35,8	47,5	52,5	58,4	63,3
Казахстан	94,7	69,0	78,0	97,2	106,3	116,2
Кыргызстан	86,1	55,0	72,2	76,1	81,2	86,9
Молдова*	71	48	42	48	51	55
Россия	85,5	65,4	70,8	77,9	83,6	89,5
Таджикистан*	70	41	41	50	55	61
Туркменистан	...	...	...	...	...	...
Узбекистан	88,9	81,6	98,8	107,5	112,3	...
Украина	90,1	52,3	47,4	54,4	59,5	66,7
В среднем по Содружеству*	86,0	63,1	68,4	76,5	82,5	89
В процентах к предыдущему году						
Азербайджан	77,4	88,2	111,1	110,6	111,2	110,2
Армения	58,2	106,9	105,9	113,2	113,9	110,1
Беларусь	90,4	89,6	105,8	105,0	107,0	111,0
Грузия	55,1	102,6	101,8	105,5	111,1	108,4
Казахстан	94,7	91,8	109,8	109,8	109,3	109,4
Кыргызстан	86,1	94,6	105,4	100,0	106,7	107,1
Молдова	71*	98,6	102,1	107,8	106,6	107,3
Россия	85,5	95,9	110,0	104,7	107,3	107,1
Таджикистан	70*	87,6	108,3	110,8	111,0	110,6
Туркменистан	...	...	...	...	...	...
Узбекистан	88,9	99,1	103,8	104,2	104,4	108,91
Украина	90,1	87,8	105,9	105,2	109,4	112,0
В среднем по Содружеству*	86,0	94,7	109,0	105,3	107,8	108

\*Источник: Статкомитет Республики Беларусь.

**Таблица 25**

**Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2003 году в текущих ценах, % к итогу**

Страны	Валовая добавленная стоимость	В том числе			
		промышленность	сельское, лесное и рыбное хозяйство	строительство	услуги
Азербайджан	100	40	14	13	33
Арм	100	22	23	17	38
Беларусь	100	31	11	7	51
Грузия	100	14	22	7	57
Казахстан	100	31	8	6	55
Кыргызстан	100	20	39	3	38
Молдова	100	20	21	3	56
Россия	100	29	5	7	59
Таджикистан	100	34	27	3	36
Туркменистан	100	...	...	...	...
Узбекистан	100	16	34	7	43
Украина	100	31	12	4	53

**Таблица 26**

**Стоимостная структура валового внутреннего продукта в текущих ценах, % к итогу**

Страны	Валовой внутренний продукт	В том числе		
		оплата труда наемных работников	чистые налоги на производство и импорт	валовая прибыль и валовые смешанные доходы
Азербайджан, 2002	100	21	9	70
Армения, 2002	100	40	11	49
Беларусь, 2003	100	44	20	36
Грузия, 2004	100	22	16	62
Казахстан, 2002	100	38	10	52
Кыргызстан, 2002	100	27	11	62
Молдова, 2003	100	42	16	42
Россия, 2004	100	46	14	40
Таджикистан, 2002	100	20	13	67
Узбекистан, 1997	100	36	15	49
Украина, 2003	100	45	12	43

Таблица 27  
Структура использования валового внутреннего продукта в 2003 году в текущих ценах, % к итогу

Показатели	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
Валовой внутренний продукт	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:											
расходы на конечное потребление	71	93	78	89	70	88	110	66	100	80	77
домашних хозяйств	59	83	55	74	58	68	89	49	85	61	55
государственного управления	11	10	21	14	11	17	20	16	14	18	20
некоммерческих организаций,											
обслуживающих домашние хозяйства	1	0,4	2	1	1	3	1	1	1	1	2
Валовое накопление	50	25	26	27	24	16	23	21	11	20	21
В том числе:											
валовое накопление основного капитала	50	24	25	26	22	15	18	18	9	26	20
Изменение запасов материальных											
оборотных средств и чистое	0,4	1	1	1	2	1	5	3	2	-6	1
приобретение ценностей											
Сальдо экспорта и импорта											
товаров и услуг	-21	-18	-4	-16	6	-4	-33	13	-11	-0,3	2

Таблица 28

Индексы основных социально-экономических показателей (стоимостные показатели в постоянных ценах)

Показатели	1992	1995	2000	2002	2003	2004
	1991=100					
Численность постоянного населения (на конец года)	100,4	99,8	98,0	97,1	96,6	96,1
Численность занятых в экономике	97,4	87,8	88,4	87,2	86,4	86,3
Валовой внутренний продукт	90,4	66,1	89,7	98,7	105,6	117,2
Продукция промышленности	91	62	102	113	121	140
Производство потребительских товаров	95	60	109	122	132	149
В том числе:						
продуктов питания	85	55	85	93	99,6	113
алкогольных напитков	115	122	194	239	246	274
Непродовольственных товаров	99,3	55	126	142	155	175
из них товаров легкой промышленности	103	40	89	90	95	103
Продукция сельского хозяйства (хозяйства всех категорий)	91	77	75	77	82	93
Инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования	71	37	50	51	62	74
Ввод в действие за счет всех источников финансирования:						
жилых домов	82	36	65	52	56	65
общеобразовательных школ	112	21	10	17	11	5
дошкольных учреждений	91	11	1	4	1	2
больниц	53	44	20	23	44	19
поликлиник	72	39	14	37	12	7
Перевозки грузов предприятиями транспорта (без трубопроводного)	77	25	21	23	25	27

Таблица 28 (продолжение)

Показатели	1992	1995	2000	2002	2003	2004
	1991=100					
Перевозки пассажиров предприятиями транспорта	92	62	80	78	71	
Розничный товароборот через все каналы реализации	78,0	46,9	112,5	160,9	177,4	198,9
Платные услуги населению по предприятиям	74,5	41,6	61,0	71,0	77,3	86,9
Индекс потребительских цен, в тыс. раз	10,71	26,0	1188	2729	3504	4137
Денежные доходы населения, в тыс. раз	8,61	14,3	1124,6	3583,6	4948,4	6433
Денежные расходы населения на покупку потребительских товаров и оплату услуг, в тыс. раз	8,81	11,6	1009,4	3126,6	4179,3	5462
Среднемесячная номинальная заработная плата, в тыс. раз	91	14,0	1089	3498	4634	6473
	В процентах к предыдущему году					
Численность постоянного населения (на конец года)	100,1	99,7	99,7	99,5	99,5	99,5
Численность занятых в экономике	97,5	93,8	99,98	99,2	99,1	99,9
Валовой внутренний продукт	98,8	89,6	105,8	105,0	107,0	111,0
Продукция промышленности	99,0	88,3	107,8	104,5	107,1	115,6
Производство потребительских товаров	100,5	75,8	104,1	104,7	107,8	112,9
В том числе:						
продуктов питания	91,3	78,8	102,8	103,1	107,0	113,3
алкогольных напитков	121,4	91,7	95,0	119,3	102,9	111,6
непродовольственных товаров	104,9	70,0	107,8	104,7	109,2	112,6
из них товаров легкой промышленности	102,8	56,1	105,2	99,1	105,7	108,4
Индекс цен производителей промышленной продукции	2,51	5,61	286	140	138	124
Продукция сельского хозяйства (хозяйства всех категорий)	95	95	109	100,7	107	113

Таблица 28 (окончание)

Показатели	1992	1995	2000	2002	2003	2004
В процентах к предыдущему году						
Индекс цен реализации продукции сельскохозяйственными предприятиями	1,61	6,51	279	149	116	...
Инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования	104	69	102	106	121	120
Ввод в действие за счет всех источников финансирования: жилых домов	102	57	121	93	108	116
общеобразовательных школ	85	42	35	109	66	45
дошкольных учреждений	81	30	21	74	35	181
больниц	152	132	96	79	188	45
поликлиник	85	37	111	182	33	54
Перевозки грузов предприятиями транспорта (без трубопроводного)	94	75	91	109	110	107
Перевозки пассажиров предприятиями транспорта	96	79	101	96	91	97
Розничный товароборот через все каналы реализации	91,9	77,2	111,8	111,5	110,3	112,1
Платные услуги населению через все каналы реализации	84,12	95,0	104,9	108,7	111,2	112,9
Индекс потребительских цен, в разгах	1,9	8,1	2,7	1,4	1,3	1,2
Денежные доходы населения, в разгах	1,9	5,9	3,2	1,5	1,4	1,3
Денежные расходы населения на покупку потребительских товаров и оплату услуг, в разгах	1,8	5,8	2,9	1,6	1,3	1,3
Среднемесячная номинальная заработная плата, в разгах	2,0	7,7	3,0	1,5	1,3	1,4

ливаться к новым внешним вызовам. В силу резкого повышения цен на сырье образовался очень заметный дефицит в торговле РБ с РФ.

Нефтяной бум вызвал резкое расширение внутреннего рынка в РФ. Это привело к резкому увеличению объема белорусского экспорта в РФ и в денежном выражении, и по физическим объемам. Промышленный рост в РБ вновь ускорился, но теперь уже он стал следствием привязки экономики РФ к экономике ЕС в качестве поставщика углеводородного сырья, следствием роста мировых цен на углеводородное сырье.

Расширение русского рынка привело к оживлению промышленных предприятий самой России, как, впрочем, и Украины и иных постсоветских стран. Нефте- и газодоллары поставили на ноги ряд конкурентных белорусским гигантам российских заводов (КамАЗ, телевизионная отрасль и т. д.). Белорусские производители и белорусское государство столкнулись с нажимом на них не только со стороны традиционно «противостоящих» им нефтяников и газовиков с их стремлением поднять цену на свое сырье, но и с сопротивлением российских конкурентов-переработчиков. Конкуренция за российский рынок усилилась и потребовала вложений в модернизацию промышленных предприятий.

Произошла внутренняя политическая консолидация Российской Федерации. В России резко уменьшилась политическая поддержка Союзного государства РФ и РБ: протестный электорат, противостоявший реформаторам в 90-х годах, традиционно поддерживавший Беларусь, резко уменьшился в силу начавшегося в РФ экономического роста. Часть социальных групп, связанных с предприятиями-конкурентами РБ, также перестала воспринимать Беларусь благожелательно. Интересы сырьевого сектора в силу происшедшего резкого роста объемов поставки сырья в Европу перестали быть слишком тесно связаны с транзитом сырья через территорию РБ. Если в конце 90-х годов через Беларусь отправлялось транзитом почти 70% российской нефти, то после ввода в действие нефтяных портов в районе Санкт-Петербурга и увеличения объема российского нефтяного экспорта доля белорусского транзита упала примерно до половины российского нефтяного экспорта.

Нефтяной бум дал возможность России планировать строительство новых крупных нефтегазопроводов в обход территории Беларуси. Усилилось стремление российского капитала поглотить белорусские предприятия и транзитные артерии.

Характер белорусско-российского союза изменился. Беларусь потеряла инициативу в интеграционных отношениях и даже была вынуж-



ждена пойти на торможение интеграции, дабы не потерять управляемости собственной экономикой. Условия доступа белорусских производителей к российскому рынку ухудшились. Однако белорусская нефтеперерабатывающая и химическая промышленность получили возможность резко наращивать экспорт готовых нефтепродуктов в страны ЕС. Беларусь не имеет возможности реэкспорта российского сырья, но общий рост цен на нефть сделал крайне выгодным для РБ экспорт продукции переработки нефти. В основном за счет этого экспорта РБ компенсировала торговый дефицит, образовавшийся в торговле с РФ. В 2005 году РБ сумела за счет экспорта в ЕС получить заметный профицит внешней торговли. Часть дохода от экспорта нефтепродуктов в Европу перераспределяется в интересах других отраслей промышленности и секторов экономики РБ. В отличие от России в Беларуси действительно происходит перетекание средств из нефтехимии в иные секторы.

Фактически лишь с 2005 года Беларусь начала переход к устойчивому экономическому росту. Еще возможны откаты назад в силу изменения конъюнктуры на нефть или ухудшения российско-белорусских отношений. Но движение в сторону устойчивого роста уже очевидно. Впервые за много лет РБ не проедает советское наследство, а преумножает его. Резко увеличились инвестиции в основной капитал крупных предприятий. Вырос уровень жизни населения. Безработица оказалась сведена примерно к уровню 1990 года — 1–2% трудоспособного населения. Рабочие вернулись с дач и базаров на заводы или ушли в сферу услуг без ущерба для крупного производства. Учитывая общую тенденцию к продолжению роста мировых цен на нефть и заинтересованность ЕС в наращивании Россией поставок сырья в Европу, можно ожидать продолжения экономического роста РБ.

---

Происходит именно то, ради чего в 90-х годах Беларусь, напрягаясь из всех сил, сохраняла советские заводы: новая экономическая реальность дала этим сохранившимся заводам ресурсы для технической модернизации и роста. Беларусь как бы дождалась именно того, чего ожидала, затягивая пояса в 90-х годах.

---

Однако расцвет белорусской промышленности теперь связан не столько с эксплуатацией русского рынка, сколько с эксплуатацией рынка стран ЕС. Именно за счет европейского рынка Беларусь может наращивать профицит своей внешней торговли и получать необходимые для модернизации крупной промышленности финансовые средства и, часто, технологии. Рост цен на нефть открыто превратил РБ в часть европейского полюса в системе экономических отношений Европа — Россия, основанных на неэквивалентном обмене.

В пользу Беларуси также играет появление в регионе больших масс нефти и газа из региона Каспийского моря. Каспийское сырье позволит уменьшить конкуренцию между РБ и Украиной за углеводородный транзит в Европу. Сырья становится так много, что конкуренция, по сути, теряет смысл. Если Украина сможет пропустить через свою территорию ожидаемые объемы каспийского газа и нефти, то Беларусь ожидает как минимум сохранение объемов прокачки российского сырья. При каких-то политических обстоятельствах можно ожидать строительства на территории РБ новых транзитных трубопроводов.

С другой стороны, если произойдет падение мировых цен на нефть, Беларусь вновь сможет сделать акцент на экспорте в Европу продукции своего машиностроения, модернизируемого сейчас за счет нефтехимии.

# ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

**В**ытеснение Беларуси из России, происходящее ныне, разрушает способность постсоветского пространства к функционированию в качестве устойчивой, технологически интегрированной целостности. Беларусь вытесняется не куда-то в сторону, а в Европу, поневоле привязывается к европейской экономике и находит свое место в системе разделения труда в странах ЕС. Вытеснение РБ за пределы экономического пространства РФ является одной из форм усиления сырьевой специализации экономики РФ. Рост производства на предприятиях — конкурентах белорусских гигантов в РФ не является устойчивым. Российский сырьевой сектор не приносит прибыли, достаточной для поддержания своими силами имеющегося уровня добычи и экспорта сырья, не говоря уже об увеличении сырьевого экспорта.

В то же время именно сырьевой экспорт и добывающая промышленность являются и будут являться наиболее выгодными для вложения капитала в РФ секторами. Никакого перетекания средств из сырьевого сектора в перерабатывающий в РФ всерьез, видимо, можно не ожидать. Уход белорусской промышленности из поля российской экономики в Европу означает неизбежное усиление политической ориентации Беларуси на Европейский союз, ослабление национальной заинтересованности Беларуси в интеграции с РФ. Тем самым ослабляется и способность РФ к отстаиванию собственных национальных интересов относительно стран ЕС. Национальный интерес РФ становится еще более связанным с интересами ее сырьевого сектора, у которого нет и не будет достаточных средств для собственного самовоспроизводства...

Альтернативой выталкивания РБ из России в Европу было бы сохранение курса на интеграцию двух стран. Этот курс безусловно потребовал бы перекачки заметной части средств из сырьевого сектора в перерабатывающий, хотя бы в виде сохранения для Беларуси российских внутренних цен на сырье. Также в рамках такого курса пришлось бы принимать Беларусь как активного и влиятельного политического лидера российских переработчиков внутри РФ. Именно такая модель развития заложена в документах о создании Союзного государства РБ и РФ. Равноправие субъектов этого договора и насыщение содержанием союзных программ при белорусской структуре экономики означает превращение союзных органов власти в форму самоорганизации в основном тех секторов российского общества, которые связаны с перерабатывающей промышленностью. Беларусь просто не может серьезно лоббировать другие сектора, будучи страной крупной перерабатывающей промышленности.

Впрочем, учитывая, что российский сырьевой сектор не имеет ресурсов для самовоспроизводства, вряд ли стоит ожидать быстрого успеха в интеграции двух стран по модели союзного государства. Иных источников финансирования переработки в союзном государстве нет. Потому переориентация экономики РБ на Европейский союз и нарастание сложностей в белорусско-российских отношениях можно считать неизбежной закономерностью нынешней эпохи в развитии РБ. Вряд ли стоит ожидать вступления Беларуси в состав ЕС, но почти неизбежно надолго сохранение Беларуси высокой степени национальной независимости от России и Европы, высокой самостоятельности в принятии решений о своем экономическом развитии.

---

Успех необычного для постсоветских и постсоциалистических стран курса на сохранение крупной промышленности стал возможен как своеобразное следствие европейской интеграции. В пользу Беларуси сыграло появление в виде ЕС нового центра доминирования над Евразией.

---

Между ЕС и Россией, регионом Каспия, Ближним и Средним Востоком установились отношения неэквивалентного обмена. Беларусь оказалась в тени этих отношений. Транзитное значение обеспечило Беларуси высокую степень политической безопасности от provoca-

ции на ее территории извне крупных политических конфликтов и от столкновения с соседями. Зона стабильности, распространяемая НАТО, ЕС и другими институтами трансатлантического и европейского сотрудничества, обеспечила Беларуси дополнительную высокую степень безопасности без особых затрат самой Беларуси.

Беларусь смогла сосредоточиться в момент кризиса 90-х годов на сохранении своей крупной промышленности за счет сохранения тесного сотрудничества с Россией. Между Россией и Беларусью также возникли отношения неэквивалентного обмена. По сути, Беларусь в связке с Россией выступала своеобразной частью Европы, ибо установление неэквивалентного обмена между Россией и Беларусью произошло только потому, что вся огромная РФ оказалась ориентирована на Европу в качестве сырьедобывающего региона. Беларусь, так же как и остальные страны ЕС, заинтересована в получении из РФ дешевого сырья, в функционировании основных сырьевых проектов и транспортных артерий для его доставки в Европу, определенных в базовых документах европейско-российского сотрудничества.

Отличие Беларуси от Европейского союза в отношениях с Россией в разной технологической культуре, которую распространяют страны ЕС и РФ в России. Беларусь развивает старые советские технологии и уже потому изначально вовлекает в производство большое количество традиционных поставщиков комплектующих из РФ. Тем самым Беларусь выступает своего рода локомотивом для части российской перерабатывающей промышленности, способствует сохранению значительной части русской переработки в условиях невысокой заинтересованности в этом со стороны доминирующих в РФ интересов сырьевого сектора.

Страны ЕС больше ориентированы на поставку в РФ готовой продукции, в лучшем случае на размещение в РФ сборочных предприятий. Интеграция российских предприятий в европейские технологические цепочки затруднена разностью технологических культур и традиций российских и европейских производителей. Сотрудничество между РФ и ЕС влечет за собой осложнение условий функционирования остатков российской перерабатывающей промышленности в большей степени, чем сотрудничество с белорусскими промышленными гигантами.

После успеха первых интеграционных программ, заложивших базу ЕС (евро и т. д.) и его расширения на восток, Беларусь получила до-

полнительные бонусы от соседства с ЕС: доступ к европейскому экономическому пространству, на развитие которого Беларусь не тратится ни в виде отчислений в бюджет ЕС, ни подчинением своей экономики рекомендациям Брюсселя. Небольшая масса белорусской экономики не создает Европе проблем от такой раскоординации и потому не вызывает слишком большого напряжения между РБ и ЕС. Тарифные войны являются проблемой, но эта проблема непринципиальна. В зависимости от цены на нефть в экономике РБ лидирует либо нефтехимия, либо машиностроение. И тот и другой сектор обладает высоким экспортным потенциалом относительно европейского рынка и очень мощным, иногда монопольным положением своих лидирующих предприятий на рынке РФ.

В пользу РБ также играет заинтересованность новых членов ЕС — соседей РБ в региональном экономическом сотрудничестве. За счет двусторонних и региональных экономических связей РБ имеет стабильный доступ к европейскому объединенному экономическому пространству, достаточный для ее успешного развития неопределенно долгое время.

Успех европейской интеграции и расширение ЕС привели к возникновению хорошей конъюнктуры для выноса конвейерного производства из развитых стран в пояс бедных стран — новых членов ЕС. Транзитное положение этих стран на пути российского и каспийского сырьевых потоков в развитые страны ЕС дополнительно стимулирует рост именно промышленного производства в восточноевропейских государствах.

---

**Сохраненная Беларусью в 90-х годах крупная промышленность оказалась идеально приспособленной к новой роли Восточной Европы как промышленного пояса внутри ЕС.**

---

То есть в силу факторов, на которые РБ влияния не имеет, она оказалась вовлечена в европейские экономические процессы в качестве составной части европейской экономики и на их новом этапе, не только в качестве части системы неэквивалентного обмена между Европой и РФ/регионом Каспия, но и в качестве промышленного региона, образовавшегося внутри ЕС, по мере его расширения и перехода развитых стран к экономике знаний.

Не заметно никаких больших угроз стабильному развитию Беларуси на протяжении ближайших лет десяти. За счет своих позиций в России и на европейском рынке, за счет высокой роли государства в перераспределении средств из ведущих в данный момент экспортных отраслей в иные белорусская промышленность продолжит технологическую модернизацию. Развивающийся сектор услуг поглотит избыточную массу сельского населения и конвейерных рабочих, сокращаемых в ходе технологической модернизации.

Проблема Беларуси, способная вызвать коллапс производства лет через десять, — неизбежный переход высокоразвитых стран к новому витку научно-технической революции, связанному с развитием нанотехнологий, биотехнологий и т. д. Основные достижения в этой сфере происходят без участия Беларуси. Беларусь по сути проедает советское научно-технологическое наследие, оказавшееся на периферии технологической культуры развитых стран. Развить за свой счет, даже в сотрудничестве с РФ, свою радиоэлектронную промышленность или биологическую промышленность до уровня, соответствующего уровню стран ЕС или США, Беларусь не в состоянии. Если не будет интеграции белорусской промышленности с промышленностью развитых стран, Беларусь рискует разово потерять конкурентоспособность своей промышленности на мировых рынках в силу взрывного развития каких-то новых технологий или перейти на относительно низкий уровень в технологической кооперации с развитыми странами и корпорациями.

Нельзя сказать, что белорусские предприятия и государство не видят этой угрозы. Научно-техническая политика РБ направлена на концентрацию усилий в тех областях, которые станут ей сильными лет через десять, когда перестанет действовать советская инерция: биотехнологии, информационные технологии, экология. Но в целом угроза обвала крупного производства в силу медленных темпов его технологического обновления сохраняется.

Другая проблема Беларуси, связанная с ее соседством с ЕС и вовлеченностью в европейские экономические процессы явочным порядком, без включения в деятельность европейских институций: предопределенность относительно низкого уровня развития в силу принадлежности к восточноевропейскому поясу стран ЕС. Модернизация крупных производств требует от Беларуси перехода к экономике знаний, то есть к ломке сложившейся внутриевропейской экономической

карты, где за восточноевропейцами закреплена более скромная технологическая ниша. Поиск ресурсов для такого рывка вовлекает РБ в напряженные отношения с самим ядром ЕС.

Конфликт между национальным интересом РБ в быстром экономическом росте и интересами ЕС сохранить нынешнюю социально-экономическую структуру ЕС с лидерством западноевропейских стран — большая политическая проблема для небольшого государства. Беларусь может разрешать эту проблему только при опоре на особо тесные отношения с РФ. После происшедшей сырьевой трансформации РФ заинтересованность РБ в еще более быстром технологическом рывке всем комплексом своих предприятий и предприятий-смежников в России означает напряженность между Беларусью и сырьевым лобби РФ. То есть дальнейшее развитие Беларуси, которое требует более быстрой технологической модернизации крупного промышленного производства, зависит от успеха внешнеполитической деятельности РБ, от политических факторов вообще. При таких обстоятельствах в Беларуси можно смело ожидать сохранения сильного государства и культуры, идеологии, системы ценностей, очень резко контрастирующей с ценностями стран ЕС, сырьевой части общества РФ, вялоиндустриального общества Восточной Европы. В то же время все те факторы национальной безопасности РБ, которые действовали в 90-х годах, продолжат действовать и далее: политический конфликт вокруг/против РБ стоил бы слишком дорого для РФ и ЕС, соседей РБ, из-за паралича транзитных коммуникаций.

Ликвидации белорусского феномена политическим путем скорее всего не произойдет. Беларусь на долгое время останется феноменом успешного европейского государства, которое в силу специфической социально-экономической структуры и стратегического положения вынуждено реализовать свой национальный интерес в достаточно конфликтной относительно остальной Европы форме. Во время неизбежного вскоре перехода развитых стран на новый уровень научно-технологического прогресса наличие внутри Европы белорусского фактора, способного к крупным политическим и культурным инициативам, может сыграть сложную роль.



# ПОСЛЕСЛОВИЕ

**Л**ицом к лицу — лица не увидеть. Это про нас и Беларусь. Пока был Советский Союз, было психологически безразлично: ехать в Минск или, скажем, в Ростов-на-Дону, в Воронеж или в Витебск. Закавказье было чем-то явно особенным, Средняя Азия — тем более, в БССР мы были «дома». Минск говорил по-русски и, казалось, мыслил только по-русски. Конечно, оказавшись где-нибудь в Гродно, нельзя было не заметить обилие костелов и можно было услышать польскую речь, но это, как в Закарпатье, легко было списать на следы предвоенных времен. Да и в Гродно или в Гомель мало кто заезжал.

Наши исторические познания страдали и страдают неполнотой. Царь был «вся Великия, Малая и Белая Руси». Что-то помнилось про Великое княжество Литовское. Князь Курбский, да и другие ранние русские беглецы уходили «в Литву», но в целом в памяти держатся сложные отношения России и Польши, проходящие сквозь белорусские земли напрямую. Было в памяти бегство Наполеона через Березину, сразу за этим — партизаны и Хатынь, скорее через книги Василя Быкова и Надежды Алексиевич. Большегрузные «МАЗы», телевизор «Горизонт». Чернобыльская катастрофа, однако в российском общественном сознании она сопряжена скорее все же с Украиной. Наконец, Беловежские соглашения, память о которых для абсолютного большинства российских людей окрашена в траурные тона. Пара имен политиков, из которых о премьере Кебиче не помнит уже почти никто, а господин Шушкевич еще знаком телезрителям только потому, что время от времени сообщается о том, что ничтожность его пенсии достойна Книги Гиннеса.

Все дальнейшее перекрыто спортивной фигурой Александра Григорьевича Лукашенко во всей противоречивости отношения к нему в России. Есть скептики, ностальгирующие по Советскому Союзу, и есть скептики, подобной ностальгии не испытывающие, и есть восторженные почитатели. Отношение есть — понимания нет.

Так получается, что книга Юрия Шевцова являет собой первый аналитический путеводитель по Беларуси, утвердившейся в собственной государственности.

Содержание книги в точности отвечает ее названию, и перед нами белорусский феномен во всей его многогранности. После прочтения этой книги множество суждений российских, восточноевропейских и западных политологов могут вызвать единственно усмешку. Мнение у них есть — понимания нет.

Округлое пятно Беларуси на карте Европы занимает не слишком много места, но, как и в большинстве европейских стран, внутри контура ее границ скрыта сложная региональная структура, сложившаяся в результате тысячелетнего взаимодействия природного ландшафта, социальных структур и политических систем. Кто, к примеру, кроме немногих историков, помнит, что вопрос о присоединении Восточной Пруссии к Белорусской ССР обсуждался к концу войны вполне предметно, так что судьбы Калининградского эксклава могли бы сложиться совсем иначе? Кто помнит, что передача Вильны-Вильнюса Литве была скорее следствием персональной игры Сталина на европейской карте, чем так называемой объективной необходимостью?

Мелиорация белорусского Полесья, ставшая, наверное, последней успешной стройкой СССР, переструктурировала ландшафт страны радикальным образом. Мало кто отдает себе отчет в том, что на белорусской земле к середине 80-х годов успел сложиться наиболее индустриальный по своему характеру сельскохозяйственный комплекс, по мощности существенно превосходящий совокупное сельское хозяйство Эстонии, Латвии и Литвы. Феномен Беларуси выражен и в том, что этот сельскохозяйственный комплекс сохраняется до сего дня, и не видно оснований, по каким он мог бы испытать серьезный кризис. Теоретически таким основанием мог бы стать крах мелиоративной системы, и задача предотвращения такого краха силами централизованного государства остается ключевой. Это важный электоральный ресурс политического курса Лукашенко, однако не только не единственный, но и не главный, и автор убедительно разрушает российский стереотип «сельской Беларуси».

Шевцов не страшится задать жесткий вопрос: а есть ли вообще белорусы? Не страшится и приводит весомые аргументы в пользу положительного ответа: они есть! Их национальная идентичность сохранялась, веками прогибаясь то под одной, то под другой внешней силой, сохраняясь как «тутэйшэсть», прочная укорененность в здешней земле. Это оптимальный вариант идентичности, когда национальное начало тождественно государственному — европейский вариант, и потому широчайшее использование русского языка, конституционно закрепленное в государственном двуязычии, нисколько ему не препятствует. Для многих читателей будет неожиданностью белорусское хитросплетение конфессий, еще большей — неудержимый, как доказывает автор, рост протестантизма, вследствие чего есть все основания ожидать, что через поколение-два в Восточной Европе утвердится по преимуществу протестантская страна в границах светского государства.

К феноменальным сторонам Беларуси справедливо отнести и ее индустриализацию позднего советского времени, во многом случившуюся в результате лоббизма со стороны влиятельных «партизан» в Москве, и ее судьбу в постсоветское время — хотя применительно к этой стране выражение «постсоветская» вряд ли вполне оправданно. Если крупная промышленность прибалтийских республик исчезла, а в большинстве стран Восточной Европы она многократно ужалась, то белорусские промышленные гиганты не только уцелели, но с 1996 года демонстрируют устойчивый рост. Множество таблиц, которыми Шевцов оснастил книгу, иллюстрирует этот белорусский феномен: вопреки всем рекомендациям Международного валютного фонда или Всемирного банка без займов на Западе машиностроение и нефтехимия республики крепко стоят на ногах. Они, нисколько не реформируясь внутри, нарастили централизацию управления, разучив при этом правила игры на внешних рынках. Заметим, что автор лишь мимоходом обозначает главное основание белорусского феномена — льготные цены на российские нефть и газ, товарные взаимозачеты между Россией и Беларусью в пользу последней, рост доходов от роста мировых цен на энергоносители и продукты их переработки.

До некоторой степени автор прав: практически такие же условия существовали (по сей день все еще существуют) для иных соседей России, но и политический, и экономический результаты совсем иные. Волей-неволей приходится признать, что именно Беларусь су-

мела извлечь наибольшие выгоды из последовательной ориентации на Россию как источник собственного благополучия. И произошло это благодаря политике, начатой еще Кебичем и лишь развитой Лукашенко как прямыми выразителями интересов крупной белорусской индустрии — ее директорского корпуса и ее трудовых коллективов. Впрочем, нельзя не отметить и значение обратной связи: крупные белорусские предприятия, в советское время назначенные на роль замыкающих в технологических цепочках, в немалой степени способствуют удержанию на плаву (и, заметим, консервации в старых управленческих формах) немалого количества российских заводов.

Особым достоинством книги является глубина подхода автора к феномену Чернобыля в его трагической многоаспектности. Россия была существенно задета чернобыльской аварией — больше, чем Украина, хотя куда менее «эффектно» (известно, что город Припять превратился в туристический объект, привлекающий немало западных туристов, ищущих острых ощущений). Однако, несмотря на периодический всплеск внимания СМИ к бедам российских ликвидаторов и переселенцев, в нашей коллективной памяти Чернобыль погрузился в прошлое. Иначе в Беларуси, где последствия катастрофы, случившейся не там, а в соседней Украине, перепахали судьбы как минимум трети населения, перестроили систему расселения, ввязали каждую пядь небольшой страны в глобальный контекст. Шевцов рассматривает все стороны национальной трагедии, породившей новый феномен — чернобыльский социум, экономические, культурные, этические, наконец, политические последствия его возникновения, действие которых растянется еще на десятки поколений.

После прочтения этой книги отпадает множество вопросов. Становится понятно, почему топчется на месте процесс формирования Союзного государства — дело отнюдь не в непоследовательности президента Лукашенко. Напротив, это вполне последовательная политика нового, нетрадиционного белорусского национализма: быть вместе с Россией ровно настолько, насколько это выгодно белорусской элите, которая представлена директорским корпусом и чиновниками лукашенковского призыва, не без основания отождествляющими эти свои интересы с интересом национальным. Эта политика поддерживается реальным, подавляющим большинством граждан республики, и потому скорее всего Союзное государство так и будет пребывать в состоянии привлекательной идеи. Раствориться в России в Беларуси

не хочет никто, и иллюзий по этому поводу быть не должно. Становится понятно, почему ни остатки давней националистической оппозиции, которая подпитывается старой эмиграцией, ни интеллигентские кружки, исповедующие западный вариант демократических представлений, ни противники Лукашенко на Западе и отчасти в России в обозримой перспективе шансов не имеют.

Книга Шевцова чрезвычайно интересна тем, что убедительно демонстрирует: в Европе возник новый субъект большой политики. Его устойчивость обеспечена как стратегической позицией «привратника» у коридора Запад — Восток, так и выгодным соседством с Россией. Этот феномен не осознан в достаточной степени ни в Брюсселе, ни в Вашингтоне, ни в Варшаве или Киеве, где сама белорусскость привычно ставится под сомнение. Ни, скажем прямо, в Москве, где субъектность Беларуси не осмыслена конструктивно-критическим образом по сей день.

*Вячеслав Глазычев,  
профессор*



# Содержание

<i>Глеб Павловский. Белоруссия, которая удалась</i> . . . . .	3
<b>Введение</b> . . . . .	7
<b>Глава первая</b>	
<b>Культура и идентичность</b> . . . . .	13
Территория и население . . . . .	15
Национальные особенности . . . . .	33
Конфессиональные тенденции . . . . .	43
Феномен «белорусскости» . . . . .	65
<b>Глава вторая</b>	
<b>Экономика. Сверхиндустриализация</b> . . . . .	85
Структура экономики . . . . .	87
<b>Глава третья</b>	
<b>Чернобыльская катастрофа.</b>	
<b>Чернобыльский социум</b> . . . . .	135
Среда обитания нации . . . . .	137
Ликвидаторы и не только . . . . .	149
Последствия и уроки . . . . .	167
<b>Глава четвертая</b>	
<b>Современная Беларусь</b> . . . . .	181
Экономика . . . . .	183
<b>Вместо заключения</b> . . . . .	227
<b>Послесловие</b> . . . . .	233







**Издательство 3...вропаИ создано в 2005 году в целях политического просвещения, укрепления институтов гражданского общества и политической системы России как европейского государства.**

#### **Задача издательства Р**

возродить жанр актуальной политической книги на русском языке в самом широком диапазоне – от брошюры до монографии. Издательство ориентировано на всех, кто так или иначе участвует в реальной политике, – от рядовых избирателей, молодых политиков и студентов до актива политических партий, управленческой, интеллектуальной и медиаэлиты.

, □≠„Ў...«ъ”,... З...,ђЂЦЂИ ,>□<□ , ‘,...’

---

## **‘ерия З,,октриныИ**

**‘ловарь текушей политики.**

**Кавигатор по ЦосланияМ Црезидента 2004Р2005 гг.**

Предисловие: Г.О. Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 144 с.

*Это книга для реального российского политика, политическая работа которого невозможна без ясности политических понятий. В основу словаря-навигатора положены последние два Послания Президента РФ 2004–2005 гг., которые сам Владимир Путин рассматривает как программные.*

## **‘оциальное меню в программах российских партий. Ђбзор ,Ячеслава Ёлазычева**

Предисловие: А.К. Исаев.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 208 с.

*Эта компактная книга представляет собой подборку выдержек из Посланий Президента РФ Владимира Путина и программ российских политических партий в той их части, что напрямую адресуется к проблемам, жизненно важным для избирателя. В преддверии введения в жизнь нового закона о политических партиях, который потребует от их лидеров резко усилить агитацию, направленную на расширение числа сторонников, принципиально важно для партии, претендующей на весомую позицию в Государственной думе и Законодательных собраниях регионов, выбрать убедительный ответ на естественные вопросы людей. Выдержки из Посланий и программ сопровождаются кратким аналитическим комментарием, подчеркивающим сильные и слабые стороны той или иной программы.*

---

## ‘ерия З□деологииИ

”ридрих «ист.

### Кациональная система политической экономики

Составление и предисловие: В.А. Фадеев.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 392 с.

Книга выдающегося немецкого экономиста XIX века Фридриха Листа, незаслуженно вытесненного сегодня из научного пространства торжествующим упрощенчеством и догматизмом, посвящена концепции экономического суверенитета наций. В книгу также входят экономические трактаты современников о Листе – русского химика Дмитрия Менделеева (то, что он был еще и первоклассным экономистом, знают до сих пор немногие) и выдающегося политического деятеля графа С.Ю. Витте.

---

## ‘ерия ЗЦрезиденти

Ѓабочий ежедневник Путина.

ыпуск 1 (ЯнварьРмай 2005 г.)

Москва, издательство «Европа», 2005

*С формальной точки зрения, информация о встречах Президента Российской Федерации, официальных, рабочих, неофициальных, должна считаться общеизвестной – она публикуется в газетах, сообщается в новостных телевизионных программах. Однако будучи собран в книгу, дневник встреч президента, во всем многообразии их содержания, становится своего рода отчетным календарем деятельности главы государства. Этот своеобразный календарь включает то краткие, то весьма подробные справки о предметах обсуждений, то собеседниках президента, о предыстории тех или иных событий, что придает телеграфному стилю официальных сообщений необходимую дополнительную глубину, которая, как правило, ускользает от внимания в потоке ежедневных новостных сообщений.*

---

## **‘ерия ЗНировой порядоки**

**...вропа без ђоссии. „оговор,  
учреждающий Ёонституцию для ...вропы,  
от 20 октября 2004 года**

Предисловие: Г.О. Павловский  
Москва, издательство «Европа», 2005. – 580 с.

*Впервые на русском языке издан полный текст Договора, учреждающего Конституцию для Европы. Плод многолетних усилий новой транснациональной бюрократии, стремящейся выстроить машину управления поверх европейских традиций суверенных государств. Читателя ждут почти 600 страниц, требующих напряженного внимания. Знать цели, функции и строение нового наднационального института, по существу перечеркивающего традицию европейской демократии, важно политику и экономисту, философу и бизнесмену, аналитику и правоведа.*

**ђоссия и мир в 2020 году.  
„оклад Ѐационального разведывательного  
совета ‘□Ѓ З/вонтуры мирового будущегоИ  
Ѓ. □убин.**

**Зђоссия-2020: будущее страны  
в условиях глобальных переменИ**

Москва, издательство «Европа», 2005. – 232 с.

*Доклад Национального разведывательного совета США, опубликованный в этой книге, был подготовлен по заказу ЦРУ и рассекречен только в начале 2005 года. Над ним работали тысячи влиятельных экспертов. Неправительственный статус доклада позволяет его авторам рассуждать о проблемах и угрозах грядущей глобализации с максимальной степенью откровенности. Эта книга о том, чего ждет и чего боится мировой политический истеблишмент на пороге новых потрясений.*

---

## **Серия 3...восток**

### **Трансформация революции: украинская версия**

Сборник / Сост.: М.Б. Погребинский.

Предисловие: Г.О. Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 472 с.

*Хроника и анализ киевских событий в оценках непосредственных участников (в числе которых – и составители сборника). Аналитические оценки политологов разных стран Европы.*

### **Россия и Санитарный кордон**

Сборник / Сост.: Информационное агентство REGNUM

Предисловие: Г.О. Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 224 с.

*Мир видит странный спор: Владимир Путин в президентских Посланиях напоминает об угрозе целостности и суверенитету России, а либералы Москвы и Таллина все опровергают. Все спорщики родились в мире, которого уже нет, в странах, которые стерты с карт, – например, в СССР. Однако напоминание Путина об этой недавней геополитической катастрофе вызвало новый шквал возражений. Суверенитет России – это болезнь Европы, наши союзники – разносчики опасного вируса, Евровосток – зона заражения. В этой книге аналитики РЕГНУМА рисуют точные карты «санитарной войны» против России.*

---

## **‘ерия ЗЦереворотЪИ**

**Ъьргизский переворот. Ђарт Р апрель 2005 г.**

Сборник / Сост.: Г.О. Павловский

Предисловие: Е.Э. Афанасьева

Москва, издательство «Европа», 2005. – 224 с.

*Это книга о пропавших иллюзиях. О том, как «бархатный переворот» обернулся погромом. О революции в Киргизии и о разграбленном Бишкеке. Хроника событий, рассказы очевидцев, экспертный анализ политической обстановки до и после революции, прогнозы дальнейшего развития ситуации и расклад сил внутри киргизской элиты позволят понять, что случилось в Бишкеке этой весной.*

**.... Ђфанасьева.**

**ѓсударство или революция?**

Москва, издательство «Европа», 2005. – 124 с.

*В своей книге Елена Афанасьева, эксперт-политолог, руководитель Центра содействия стабильности, критически рассматривает типовую модель современной «революции». Автор дает свое объяснение тому, что же происходило на Украине осенью 2004 года, рассматривая события как западный, американский политтехнологический проект, который осуществлялся для реализации тех или иных экономических интересов.*

**–ентральная Ђзия:**

**андижанский сценарий?**

Сборник / Сост.: М.М. Мейер

Предисловие: В.В. Наумкин

Москва, издательство «Европа», 2005. – 200 с.

*Время отделило нас от кровавых событий в узбекском Андижане. Чем меньше мы в них понимаем, тем легче дается неосторожное забвение. Что-то зреет к югу от Казахстана, но что именно? Книга доступным на сегодня образом воспроизводит мозаику из свидетельств и суждений очевидцев и оппозиционных политиков, жесткой аналитики российского политолога, знающего проблемы южного пограничья, и размышлений Ширин Акинер, британского профессора с тюркскими именем и фамилией, которой почему-то были предоставлены уникальные возможности передвижения и общения в Андижане. В приложении дана справка об оппозиционных движениях в Узбекистане и об их лидерах.*

---

## ‘ерия ЗЦартийностиИ

•артмут •есс.

### Цпрактическая работа в партии

Предисловие: В.М. Резник  
Москва, издательство «Европа», 2005

*Вследствие десятилетий господства доктрины так называемого демократического централизма ВКП(б) – КПСС граждане России не знакомы с логикой формирования политических партий, их развития, их демократической борьбы за власть. Опыт дореволюционных партий известен только специалистам. Собственные наработки новых партий нередко создаются с чистого листа. Между тем, задача создания партии нуждается в компетентности и квалификации. В этих условиях русское издание книги немецкого социал-демократа Хартмута Хесса имеет существенное значение. Эта книга написана практиком и для практиков строительства массовой партии. Автор последовательно раскрывает технологию работы первичных организаций, их движения к выработке согласия в ходе дискуссий, их работы с избирателями, их борьбы за вовлечение новых партийцев, за автономность бюджета партии от денег государства и спонсоров.*

---

## ‘ерия З□мперииИ

Каталья Ёозлова

### ‘ответские люди. ‘цены из истории

Предисловие: Г.О. Павловский  
Москва, издательство «Европа», 2005

*Книга Натальи Козловой – результат кропотливых изысканий в собрании Народного Архива, созданного пятнадцать лет назад. Из множества дневниковых записей, созданных вполне заурядными людьми, автор выбрала несколько автобиографий невеликих чином карьеристов, которые предпринимали героические усилия, чтобы, подобно шепочкам, удержаться в водоворотах большой истории советской страны. В книгу вошла бесхитростная хроника одной из миллионов простецких женщин, на плечах которых устояла страна в ситуациях, при которых, кажется, устоять было нельзя.*

---

## **‘ерия 3,ойныИ**

### **Тнтитеррор. Црактикум для горожанина.**

Сборник / Сост.: редакция сайта «Антитеррор.Ру»  
Москва, издательство «Европа», 2005. – 108 с.

*Эта книга – пособие по выживанию на войне. Терроризм ведет против России войну. Мишенью террора являются простые граждане. В книге собраны советы специалистов, психологов, экспертов по выживанию. В ней все, что необходимо знать для обеспечения личной безопасности. Особое внимание уделено обеспечению безопасности детей.*

### **‘ергей горЯинов. „еньги террора. Кто оплатил Геслан?**

Москва, издательство «Европа», 2005

*Книга представляет собой новый взгляд на волну международного исламского терроризма, захлестнувшую Россию в последние годы. Автор называет наиболее вероятных заказчиков терактов в различных городах России и мира – в частности, в Беслане. Россия в силу своего статуса ведущей нефтедобывающей державы стала заложницей нового противостояния. Цены на российскую нефть зависят от стабильности в стране, и теракты будут продолжаться, пока не выйдет новый мировой лидер.*



---

## ‘ерия З’ехнологииИ

Георгий Цочепцов.

Революция.com. Основы протестной инженерии

Предисловие: Дмитрий Корчинский

Москва, издательство «Европа», 2005

*Книга Георгия Почепцова написана так, что создается впечатление, будто автор в перевернутый бинокль рассматривает многообразие успешных и неуспешных попыток достичь цели, ломая рамки конституций. Может показаться, что автор бесстрастен, как энтомолог. Только прочтя книгу целиком, понимаешь, что выстроенная автором схема рождена подлинной страстью отторжения псевдореволюционных затей.*

Фрийдимонов.

Зн/ЬИ в картинках

Предисловие: Леонид Пайдиев

Москва, издательство «Европа», 2005

*Дело «ЮКОСа» – одна из главных тем российской политики. При этом его очень редко анализируют по существу. Задача данной книги – ликвидировать этот пробел в массовом политическом сознании, показав в максимально доступной форме схемы манипуляций с государственной собственностью, которые использовались для создания финансово-промышленной империи «ЮКОС».*

---

## **‘ерия 3”ормы правленияИ**

**ладимир ЁалЯвин.**

**Лбитай управляемый: старый добрый менеджмент**

Москва, издательство «Европа», 2005

*Впечатляющие экономические достижения Китая привлекли к нему пристальное внимание специалистов по менеджменту и корпоративной стратегии во всем мире. Но взгляд их обычно скользит по поверхности вещей... Автор этой книги, известный отечественный китаевед, предлагает взглянуть в культурную подоплеку китайских особенностей менеджмента. И находит там духовные истины, способные обеспечить успех в бизнесе.*

**,се книги можно приобрести  
в издательстве З...вропаИ по адресу:  
г. Ёосква, ул. Ё. цкиманка, д. 1,  
тел. 745-52-25, факс 725-78-67**

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**

Серия «Евровосток»

**Юрий Шевцов**  
**Объединенная нация.**  
**Феномен Беларуси**

Ответственный редактор *Т. Рапопорт*  
Литературные редакторы *Н. Войкова, А. Пряжникова*  
Корректоры *О. Кандидатова, В. Кинша*  
Оформление *С. Захаров, А. Монахов*  
Верстка *П. Борисова*

Подписано в печать 31.08.2005. Формат 60x90 1/16.  
Бумага офсетная. Гарнитура «Officina». Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 16,0. Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»  
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1  
тел. 745-52-25, факс 725-78-67

Отпечатано с оригинал-макета  
в типографии «Баккара-принт»